

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 3/2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Дерябина М.А., канд. экон. наук
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефедова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С. председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, зам. руководителя
департамента финансовых рынков и банков Финансового
университета при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, первый заместитель
директора по науке Института экономики РАН

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.

доктор экономических наук, профессор, зам. зав. кафедрой прикладной
институциональной экономики экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
народонаселения экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
ВРИО директора Института научной информации по общественным
науками (ИНИОН) РАН, профессор МГИМО МИД России

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной
работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, директор Института экономических
исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Сорокин Д.Е.

член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового
университета при Правительстве РФ

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем
рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором Института
проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 3/2020

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

ISSN 2073-6487

Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам
деятельности) (экономические науки),

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),

08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru

www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdeniye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала

«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2020

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 15.06.2020.

Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 10. Тираж 300 экз.

Печать офсетная. Заказ № 1406-20

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

Лыкова Л.Н.

История и современность: исследования финансовой проблематики
в работах сотрудников Института экономики РАН (1930–2020 гг.) . . . 9

Власкин Г.А.

Проблемы научно-технологического развития России
и социалистических стран в истории исследований
Института экономики РАН 27

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

**Гришин В.И., Гришина О.А., Чалова А.Ю., Воронкова Е.К.,
Долгова М.В., Колмаков В.В.**

Вирус не обойдет федеральный бюджет: потери доходов
неизбежны 40

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Оболенский В.П.

Турбулентность в международной торговле: реакция России 60

Князев Ю.К.

Перед лицом вызовов на рынке труда: опыт Словении 78

Кузнецов Р.С., Славецкая Н.С., Тумарова Т.Г.

Катар на европейском рынке сжиженного природного газа 88

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Савченко П.В., Федорова М.Н.

Социальные аспекты устойчивого и динамичного развития
российской экономики 99

Звягинцев П.С.

Государственная собственность как драйвер развития
инновационной экономики России 111

Езангина И.А., Водолагина К.С., Маловичко А.Е.

Региональные институты развития: структура, направления
деятельности, результативность 129

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Кислицына О.А.

Научный диспут об экономическом неравенстве: обзор аргументов
«за» и «против» 142

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Евстафьева Ю.В.

Корпоративные программы повышения конкурентоспособности
как контрактный инструмент государственного управления
в сфере промышленного экспорта 159

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ржаницына Л.С.

Работающие пенсионеры: проблемы человека и государства 175

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

Нешитой А.С., Ерзнкян Б.А.

Структурные и институциональные аспекты экономической
динамики (О книге проф. О.С. Сухарева «Теория структурной
динамики экономики») 187

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА

И.И. Орлик, В.М. Иванченко, Г.А. Власкин 192

CONTENTS

ON THE 90TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (THE RAS)

Lykova L.N.

History and Modernity: Studies of Financial Issues in the Works
of Employees of the Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences (the RAS) (1930–2020) 9

Vlaskin G.A.

Problems of Scientific and Technological Development of Russia
and the Socialist Countries in the History of Research of the Institute
of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS) 27

FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

**Grishin V.I., Grishina O.A., Chalova A.Yu., Voronkova E.K.,
Dolgova M.V., Kolmakov V.V.**

The Virus Will not Bypass the Federal Budget: Losses of Revenues
Are Inevitable 40

WORLD ECONOMY

Obolenskiy V.P.

Turbulence in International Trade: Russia's Reaction 60

Knyazev Yu.K.

In the Face of Challenges in the Labor Market: the Experience
of Slovenia 78

Kuznetsov R.S., Slavetskaya N.S., Tumarova T.G.

Qatar in the European Market of Liquefied Natural Gas 88

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Savchenko P.V., Fedorova M.N.

Social Aspects of Sustainable and Dynamic Development
of the Russian Economy 99

Zvyagintsev P.S.

State Ownership as a Driver of the Development of Russia's
Innovative Economy 111

Ezangina I.A., Vodolagina K.S., Malovichko A.E.

Regional Institutions of Development: Structure, Directions of Activity, Effectiveness	129
---	-----

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

Kislitsyna O.A.

Scientific Dispute on Economic Inequality: A Review of Arguments “For” and “Against”	142
---	-----

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Evstafieva Yu.V.

Corporate Programs to Increase the Competitiveness as the Contractual Tool of State Governance in the Field of Industrial Exports	159
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Rzhanitsyna L.S.

Working Pensioners : Human Problems and Problems of the State ...	175
---	-----

ON THE BOOKSHELF

Neshitoi A.S., Erznkyan B.A.

Structural and Institutional Aspects of Economic Dynamics (About the Book, Written By Professor O.S. Sukharev, Called “Theory of Structural Dynamics of the Economy”)	187
---	-----

IN MEMORY OF THE SCIENTISTS OF THE INSTITUTE

I.I. Orlik, V.M. Ivanchenko, G.A. Vlaskin	192
---	-----

К 90-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

Л.Н. ЛЫКОВА

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ИССЛЕДОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В РАБОТАХ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН (1930–2020 гг.)

В статье рассмотрены основные направления исследований, проводившихся в Институте экономики РАН по проблемам финансов за 90-летний период существования Института. Выделены такие направления исследований, как определение сущности финансов и финансовой системы, проблемы формирования и исполнения государственного и местных бюджетов, а также налоговой и бюджетной политики, вопросы денежного обращения и денежно-кредитной политики, вопросы формирования и функционирования финансовых рынков и финансов хозяйствующих субъектов. Показано, что исследования финансовой проблематики в Институте базировались как на отечественных данных, так и на данных других стран, и содержали рекомендации по выбору направлений и мер государственной экономической политики.

Ключевые слова: финансы, денежное обращение, деньги, налоговая политика, бюджетная политика, финансовый кризис, денежно-кредитная политика.

JEL: B26, G00, G01, H00, H01.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10026

Проблемы финансов, денежного обращения, формирования и исполнения государственного и местных бюджетов, функционирования банковской системы, а также денежно-кредитной политики и многие другие вопросы финансовой проблематики на протяжении всего периода работы Института экономики РАН (до 1992 г. – АН СССР) привлекали внимание его сотрудников. Исторический контекст накладывал определенный отпечаток как на проблемы и предмет исследования (многие существующие сегодня явления в области финансов просто не существовали в первой половине XX в.), так и на используемую мето-

дологию и оценки полученных результатов. Одни проблемы исчезали из поля зрения исследователей на какое-то время, некоторые вместе с предметом уходили в область истории, другие появлялись в связи с возникновением того или иного нового явления или процесса.

Сама сфера финансовой деятельности в рамках рассматриваемого временного интервала претерпела существенные изменения как с точки зрения роли, которую она играет в экономике страны, так и с точки зрения ее насыщенности различными институтами, явлениями и процессами. Политические события, происходившие в стране и мире, также оказывали заметное влияние на предмет исследований.

К числу ключевых направлений исследований, проводимых сотрудниками Института экономики в области финансов, начиная с момента его создания и до настоящего времени, можно отнести:

- вопросы теории финансов и определения их сущности;
- проблемы формирования и исполнения государственных и местных бюджетов и проведения бюджетной политики;
- вопросы денежного обращения и денежной системы, инфляции;
- различные аспекты функционирования банковской системы, работы отдельных банков, процессы кредитования;
- проблемы функционирования финансов хозяйствующих субъектов;
- финансовые и денежные кризисы и другие вопросы.

На протяжении всего советского периода существования ИЭ проблемы финансов рассматривались с целым рядом оговорок, касающихся сущности и роли товарно-денежных отношений при социализме. Так, имело место противопоставление ключевых категорий финансов и их роли «при социализме» тем функциям, которые они выполняют «при капитализме». Это касалось как оценок роли государственного бюджета и вопросов денежного обращения, так и проблем финансов предприятий и населения, инфляции и налогообложения.

Необходимо отметить, что за 90-летний период работы Института его сотрудники уделяли существенное внимание рассмотрению практически всех названных выше проблем не только в отечественной экономике, но в других странах.

Остановимся более подробно на ключевых направлениях научных исследований проблем финансов в работах сотрудников Института.

Вопросы теории финансов. Одной из исторически наиболее давних проблем, которым посвящено значительное число работ, была (и отчасти остается) проблема определения круга и границ самого понятия «финансы». Если первоначально термином «финансы» описывался тот круг проблем, который сегодня принято рассматривать

как государственные финансы, то начиная с 30-х годов XX в. можно говорить о постепенном его расширении и включении в него проблематики финансов хозяйствующих субъектов и населения, а также международных финансов.

Дискуссии о сущности финансов, их месте в системе общественного воспроизводства, о предмете финансов, проводившиеся с разной степенью интенсивности, продолжались в экономической литературе вплоть до начала XXI в. Результаты этих дискуссий сегодня мы можем найти в разных учебниках по курсу «финансы, денежное обращение и кредит». Одно из направлений данных дискуссий представлено в работах В.П. Дьяченко [1; 2], где финансы определены как совокупность денежных отношений по поводу формирования и использования фондов денежных средств. «Наука о финансах изучает не денежные ресурсы сами по себе, а те общественные отношения, при посредстве которых образуются, распределяются и используются денежные ресурсы» [2, с. 47].

При этом финансовые категории в работах данного периода рассматривались в историческом контексте и в их неразрывной связи с государством. «Финансы представляют собой систему денежных отношений, исторически неразрывно связанных с существованием и функционированием государства» [2, с. 47]. Обоснование неразрывной связи финансовых явлений и процессов с сущностью государства приводило к констатации невозможности конструирования всеобщей финансовой теории [1].

Начиная с 1950-х годов акцент исследований смещается на проблему места финансов в системе общественного воспроизводства. Исследуются вопросы роли финансов на стадии распределения общественного продукта («распределительная теория») и на иных стадиях воспроизводственного процесса («воспроизводственная теория»). В рамках воспроизводственной теории финансы рассматривались как объективно необходимый механизм, задействованный на всех стадиях воспроизводственного процесса. Так, Д.А. Аллахвердян отмечал, что «объективная необходимость финансов при социализме связана с наличием товарного производства, ... с необходимостью использовать стоимость и ее формы в процессе производства и распределения общественного продукта. Образование и использование финансовых ресурсов и соответствующие им отношения имеются там, где существует денежное хозяйство, где производство, распределение и использование национального дохода принимают денежное (стоимостное) выражение» [3, с. 61]. Этот воспроизводственный подход к проблематике финансов просматривается и в других работах более позднего периода [4].

В этот же период постепенно оформляется более умеренный подход к категориям финансов в целом: выраженная их политизация

постепенно уступает прагматизму, различные финансовые явления начинают рассматриваться как инструменты управления и регулирования, зачастую объективно необходимые. «Такие категории, как деньги, цена, кредит, прибыль, выступают у нас в качестве важнейших рычагов, при помощи которых Советское государство планирует развитие социалистического хозяйства, организует выполнение установленных планов и контролирует их осуществление» [5, с. 6]. Такой «инструментальный» подход к финансовым категориям сохранялся в работах сотрудников Института экономики вплоть до старта реформ конца 80-х – начала 90-х годов и находил отражение в исследованиях вопросов финансов предприятий, банковской системы, бюджетной системы и некоторых других проблем.

В процессе перехода к рыночной экономике стал формироваться новый подход к финансам – как к сфере экономических отношений, требующей изучения не только с теоретической точки зрения, но и в рамках конкретно-экономических подходов при использовании специфических методологических приемов и инструментов. Этот подход в четко сформулированном виде представлен, в частности, в работах В.К. Сенчагова. В книге «Модернизация финансовой сферы России», вышедшей под его редакцией [6], финансовая сфера рассматривается как совокупность финансовых отношений, институтов, фондов, механизмов, рынков (денежного, фондового, валютного, страхового), имеющих специфические закономерности развития. Эта сфера оказывает существенное влияние практически на все аспекты жизни общества и на все социально-экономические процессы.

Особенности функционирования финансов хозяйствующих субъектов в работах ученых Института экономики рассматривались исходя из того, как именно решался вопрос об экономической сущности финансов на разных этапах исторического развития нашей страны – либо под углом зрения финансов предприятий [7], либо как финансовые механизмы в моделях хозяйственного расчета [8; 9], либо через призму инструментов финансирования инновационных и инвестиционных процессов [10; 11].

В советский период экономического развития нашей страны основными направлениями исследования финансов предприятий были проблемы формирования оборотных средств и повышения эффективности их использования, роли банковского кредита в этом процессе [3; 7; 12], проблемы формирования амортизационных фондов и использования этих ресурсов в инвестиционных целях, вопросы распределения доходов предприятий и формирования фондов материального стимулирования [4; 9]. В работах, посвященных анализу состояния оборотных средств, отчетливо просматривается отраслевой подход к оценке их состояния и к выработке рекомендаций [4]. Финансы государствен-

ных хозрасчетных предприятий рассматривались как фонд денежных ресурсов, предоставленных им государством, а также как получаемые ими в результате своей хозяйственной деятельности денежные накопления [3, с. 62]. При таком подходе к проблеме определения финансов предприятий (фактически – государственных предприятий) механизмы налогообложения вытеснялись в сферу функционирования кооперативных (формально) предприятий и финансов населения, поскольку «налоговые отношения возникают там, где имеет место безвозмездное изъятие части дохода его первоначального владельца. К категории налога должны быть отнесены подоходное обложение кооперативно-колхозных предприятий, налоги с населения, а также все местные налоги и сборы» [3, с. 68]. Таким образом, в отношении предприятий (не кооперативов) использовалась терминология «распределения доходов предприятия», а не терминология «налогообложения». Вопросы налогообложения предприятий (позднее – «налогообложения субъектов хозяйствования») появляются в работах сотрудников Института в начале 90-х годов XX в. [13; 14].

В ходе экономической реформы 1965 г., широкомасштабного экономического эксперимента в ряде отраслей экономики в 1984–1986 гг. и позднее – в связи с началом радикальной экономической реформы 1987 г., исследования проблем финансов предприятий существенно модифицировались вслед за возникновением новых явлений в данной области. В коллективной монографии сотрудников Института, вышедшей под редакцией Л.И. Абалкина, было, в частности, показано, что реформирование «хозяйственного механизма» с акцентом на активизации финансовых инструментов на уровне хозяйствующего субъекта, без адекватного развития всего комплекса рыночных механизмов во всех секторах и сегментах экономики и соответствующего развития всей системы рынков, не позволяет решать возникающие макроэкономические и социальные проблемы [8].

Целью исследований ученых Института, занимавшихся изучением экономической ситуации, сложившейся к началу радикальных рыночных преобразований 90-х годов XX в., было выявить причины, которые не позволяли в эти годы повысить эффективность производства и обеспечить реальное насыщение платежеспособного спроса в различных сегментах экономики. Проведенный анализ показал необходимость радикальной реформы цен и механизма ценообразования при недопущении решения этих проблем за счет населения [8, с. 108]. Развитие кредитных отношений, изменение системы формирования и распределения доходов предприятий, введение платности используемых хозяйствующими агентами ресурсов, формирование фондов экономического стимулирования и изменение порядка формирования и использования фондов оплаты труда должны были обеспечить

зависимость финансового положения предприятий от получаемого дохода, повысить эффективность хозяйственного механизма и обеспечить необходимые темпы экономического роста. Существенную роль должна была играть согласованность (по времени, мерам, инструментам) всей совокупности мероприятий в процессе реформирования различных составляющих финансовой сферы, как на уровне предприятий (хозяйствующих субъектов), так и в целом в масштабах всей экономики (см., например, [8]).

В исследованиях вопросов, посвященных финансовым ресурсам субъектов хозяйствования, на этапе рыночной трансформации отечественной экономики и позднее – в период формирования системы национальных рынков, внимание ученых Института было привлечено к определению основных направлений использования финансовых средств, оценкам возможностей финансирования инвестиций в основной капитал и инновационной деятельности. Эти вопросы исследовались как с точки зрения использования для этих целей бюджетных ресурсов, так и средств населения и хозяйствующих субъектов. Рассматривались возможности финансового рынка по мобилизации временно свободных ресурсов населения и иных хозяйствующих субъектов для их эффективного использования в целях финансирования инновационной активности. Особое внимание уделялось формированию и поддержанию доверия населения к финансовым рынкам и их инструментам, а также к институциональным инвесторам (пенсионным фондам, страховым компаниям, инвестиционным фондам и др.) [10; 11].

Еще в советский период формируются подходы к исследованию проблем налогообложения, намечается переход от постановок о «распределении доходов предприятий» к налогообложению доходов хозяйствующих субъектов [13; 14]. Исследования вопросов налогообложения доходов хозяйствующих субъектов, а также функционирования всей налоговой системы страны в целом, формирования налоговой политики применительно к разным этапам экономического развития продолжают в Институте экономики и в настоящее время [15; 16]. Основное внимание исследователей направлено на изучение механизмов построения различных налогов и их влияния на разные аспекты экономического развития. Исследуются отдельные налоги (налог на прибыль организаций, налог на доходы физических лиц, налог на добавленную стоимость и др.). Существенное внимание уделяется вопросам соотношения эффективности, справедливости и администрируемости для каждого из налогов, влиянию налогов на процесс принятия инвестиционных решений, а также вопросам распределения налогового бремени.

Исследования особенностей отечественной налоговой политики и реакции экономики на периодические изменения параметров нало-

гообложения показали, что современные налоговые новации не формируют необходимых стимулов для инвестиционной и инновационной активности, сдерживают развитие конкуренции на большей части отечественного внутреннего рынка, в неявном виде поддерживают офшорную активность транснациональных компаний [16; 17].

Относительно нейтральная (с отраслевой точки зрения) модель налогообложения прибыли формально не влияет на процесс принятия решений о направлении инвестирования в ту или иную отрасль или вид деятельности, но в реальности поддерживает и стимулирует инвестиционную активность в высокодоходных сегментах экономики, в нефтедобыче и нефтепереработке, то есть консервирует имеющуюся экономическую структуру [16].

Существенные проблемы как экономического, так и социального плана, формирует номинально пропорциональная, а по сути, регрессивная модель налогообложения доходов физических лиц. Необходимость возврата к прогрессивной модели подоходного обложения физических лиц при реализации принципа глобального дохода обосновывается и социальными, и экономическими факторами. Ученые Института с помощью различных расчетов показали, что использование прогрессивной шкалы налогообложения позволяет значительно понизить уровень налогообложения низкодоходных групп населения при увеличении (не снижении) доходов бюджета [16; 18; 19].

В ходе исследований процессов формирования и функционирования налоговых систем стран с переходной экономикой основное внимание уделялось вопросам формирования налоговой политики, налогового климата и конкурентной среды, привлекательной для иностранных инвестиций, возможностям гармонизации налоговых систем этих стран в условиях экономической глобализации [20].

Проблемы налогообложения и построения налоговых систем неразрывно связаны с вопросами формирования и реализации бюджетной политики, а также с оценками ее влияния на все социально-экономические процессы.

В исследованиях этих проблем в советский период отечественной истории рассматривались вопросы бюджетного устройства, системы бюджетов, принципы построения бюджетной системы. Несмотря на централизованный характер бюджетной системы страны, исследовались вопросы определения бюджетных прав республик и местных советов, особенности формирования их доходов и осуществления расходов [5]. Выделялись такие принципы распределения доходов между союзным, республиканским и местными бюджетами, как единство доходной базы бюджетной системы, обеспечение устойчивости отдельных видов бюджетов, создание материальной заинтересованности местных органов в выполнении планов по общегосударственным

доходам. Отмечалось, что устойчивость отдельных звеньев бюджетной системы обеспечивается путем предоставления каждому бюджету доходных источников, которые бы полностью гарантировали средствами предусматриваемые планом мероприятия [5, с. 21].

Существенное внимание в Институте уделялось исследованию источников формирования доходов государственного бюджета в разные исторические периоды: налогу с оборота, отчислениям от прибылей, средствам социального страхования, государственными пошлинами и сборам, подоходному налогу с кооперативных организаций и колхозов, налогам с населения, доходам от государственных займов [3].

Определенный итог развитию финансовой системы страны в 1917–1950 гг. подвела изданная в 1978 г. монография В.П. Дьяченко [21], систематизировавшая огромный материал, представлявший развитие финансовых отношений в стране. В ней нашли свое отражение вопросы формирования бюджетной системы страны (доходы, расходы, займы), бюджетного планирования, развития банковской системы и кредитных отношений, развития налоговой системы и налоговые реформы этого периода, проблемы денежного обращения, формирование системы страхования в стране и др.

Проблемы формирования и исполнения государственного и местных бюджетов в непростых условиях отказа от административной модели управления экономикой и перехода на рыночные механизмы (конец 80-х – начало 90-х годов XX в.), в том числе и серьезный бюджетный кризис, сопровождавший этот процесс, нашли свое отражение в целом ряде работ [16; 22].

Экономический и бюджетный кризисы начала 90-х годов активно исследовались в работах сотрудников Института. Падение налоговых доходов бюджетной системы, активные процессы заимствования, вытеснение непроцентных расходов бюджетов, финансирование социально-культурных расходов по остаточному принципу, отсутствие реальных инструментов выравнивания уровня бюджетной обеспеченности региональных бюджетов, рост процентных расходов и др. процессы, которые привели к дефолту 1998 г., нашли свое отражение в работах ученых Института [15; 16].

Исследования результативности, качества и направленности проводимой бюджетной политики традиционно проводятся в Институте с учетом достоверности прогнозов динамики социально-экономического развития страны. Существенное внимание при этом уделяется не только формированию доходов бюджетной системы и их распределению по уровням бюджетов, но и по основным направлениям осуществления расходов, в частности, их социальной направленности, стимулированию инвестиционного и инновационного процессов, поддержанию обороноспособности и безопасности страны. Исследу-

ются и ключевые инструменты бюджетной политики – государственные программы с точки зрения качества их подготовки и эффективности реализации.

Разным составляющим и элементам бюджетной политики, ее последствий для темпов и качества экономического роста и социально-экономического положения, особенностям и инструментам адаптации к различным вызовам и кризисам конца XX и начала XXI вв. посвящен целый ряд работ наших сотрудников [23; 24; 25; 26; 27]. В этих работах не только оцениваются бюджетные возможности финансирования приоритетных социально-экономических задач, возможности поддержки необходимых для их решения темпов экономического роста, но и формулируются и обосновываются рекомендации.

Бюджетная политика последних лет опирается на наиболее консервативные оценки доходов в рамках прогнозов, тем самым минимизируются расходы и увеличиваются потенциальные резервы. Внешние угрозы, возникающие вследствие замедления темпов роста мировой экономики, сохранения санкций, возможного снижения мировых цен на энергоносители формируют существенные бюджетные риски, а их учет в бюджетных проектировках осуществляется за счет максимизации резервов. «Все это не формирует путей быстрого роста и расширения внутреннего рынка РФ, так необходимого современной отечественной экономике и социальной сфере страны» [28, с. 92].

Одним из ключевых направлений исследований сотрудников Института на протяжении всего периода его существования были и остаются проблемы денежного обращения, денежной системы, виды и функции денег на разных исторических отрезках и особенности реализации этих функций в разных странах, а также проблемы инфляции и ее воздействия на воспроизводственные процессы. Вопросы денежного обращения и сущности денег рассматривались как с теоретической точки зрения, так в прикладном аспекте. Эти исследования проводятся применительно к конкретному историческому периоду и по разным странам с учетом широкого спектра конкретно-экономических факторов и обстоятельств [29]. В Институте экономики в советский период ими занимались такие ученые, как И.А. Трахтенберг, З.В. Атлас и ряд других.

Если в работах середины XX в. существенное внимание уделялось вопросам сущности и роли бумажных денег и золота в реализации их функций средства обращения и средства накопления [30; 31; 32; 33], то в начале XXI в. интерес исследователей привлекают новые явления – центр внимания смещается в сторону особенностей денежного обращения в условиях электронных денег, функционирования криптовалют и тех изменений, которые они вносят в процессы денежного обращения и в возможности его регулирования традиционными и нетра-

диционными инструментами [34]. Существенное внимание уделялось и вопросам истории денежного обращения и роли золота в этом процессе на разных стадиях экономического развития [32].

Законы денежного обращения в советский период отечественной истории исследовались с точки зрения выделявшихся в этот период типов денежных систем. Применительно к этим типам ставился вопрос о том, сводятся ли все закономерности денежного обращения к действию одного закона количества денег, необходимых для обращения, или же действуют и другие закономерности [33, с. 64]. Так, в частности, И.А. Трахтенберг сформулировал объективные требования, которые процесс общественного воспроизводства предъявляет к состоянию денежной системы и денежного обращения в стране, а именно «...единство денежной системы, относительное постоянство стоимости денежной единицы и эластичность денежного обращения» [29, с. 622].

Вопросы связи наличного и безналичного денежного обращения применительно к советской, административно управляемой модели экономики рассматривались под углом зрения необходимости планирования и контроля за безналичным денежным обращением, оценки того влияния, которое наличное обращение накладывает на устойчивость денежной системы в целом [33, с. 74]. Таким образом, и вопросы денежного обращения в этот период исследовались через призму инструментального подхода, то есть с точки зрения пригодности тех или иных финансовых инструментов для реализации поставленных задач. Этот подход, в частности, проявлялся в рамках исследований скорости оборота денег в народном хозяйстве. Отмечалась необходимость определения скорости оборота денег на организованном и неорганизованном рынках [35, с. 66]. Подчеркивалось, что эти скорости различаются, и их определение необходимо в первую очередь для планирования ключевых параметров денежного обращения Госбанком СССР [35, с. 67].

Воспроизводственный подход к оценке состояния денежного обращения проявлялся в работах 70–80-х годов XX в., когда деньги во всем многообразии реализуемых ими функций, кредит и банковские инструменты начинают рассматриваться как объективно необходимые составляющие воспроизводственного процесса [4]. Это позволяет говорить о постепенном отказе от преимущественно инструментального отношения к механизмам денежного обращения уже в этот период.

Для современного этапа исследований состояния денежного обращения, роли и функций денег, а также их форм и видов в XXI в. характерно смещение их фокуса на анализ инструментов денежно-кредитной политики, выработку целей и задач этой политики, возможности ее использования для противостояния современным вызовам и кризисам. Исследования современной денежно-кредитной политики бази-

ругуются на традиционных теоретических концепциях и рассмотрении основных элементов данной политики, применяемых в мире. Национальная денежно-кредитная политика в условиях глобализации [36] рассматривается в контексте выбора режима валютного курса, формирования основных составляющих трансмиссионного механизма этой политики, специфики функционирования финансовых рынков (глобального, региональных, локальных) и национальных финансовых систем в целом.

Исследования макропруденциальной политики центральных банков и проведенные оценки ее эффективности с точки зрения различных видов современных рисков показали наличие реальных возможностей ее использования в процессе реализации антициклической политики [37].

Непосредственно к проблемам денежной системы и денежно-кредитной политики примыкают и вопросы функционирования национальных банковских систем и иных финансовых институтов. Эта проблематика привлекала внимание ученых на протяжении всего 90-летнего периода работы Института. Банковская система страны (перетерпевшая целый ряд радикальных, существенных и относительно частных изменений) неизменно представляла предмет и объект научных исследований сотрудников. В работах ученых Института рассматривались проблемы функционирования банковской системы до кредитной реформы 1930–1931 гг. и предпосылки этой реформы, специфика функционирования послереформенной довоенной банковской системы страны и особенности функционирования системы в период Великой Отечественной войны [12; 21].

В работах 50–60-х годов прошлого века просматривается интерес к функционированию банковской системы страны с точки зрения функций (в рамках инструментального подхода к финансовым явлениям), которые исполняли действовавшие в это время банки – Государственный банк СССР и другие банки, а также роли каждого из этих банков в финансировании капитальных вложений, использовании амортизационных средств на эти цели, кредитовании оборотных средств, реализации платежно-расчетных функций [5; 12].

Исследования банковских систем других стран мира имели место на протяжении всего периода существования Института. Так, в разные периоды внимание научных сотрудников было привлечено к особенностям формирования, функционирования и развития банковских систем таких стран, как Великобритания, Франция, Германия и др. [29; 38]. Основное внимание было уделено специфике формирования банковских систем этих стран, особенностям возникновения и развития различных видов финансовых институтов и инструментов контроля и регулирования их деятельности со стороны центральных банков,

специфике прохождения национальными банковскими системами различных кризисов XX и XXI вв.

Формирование системы небанковских финансовых институтов также привлекало внимание ученых Института на протяжении всего периода его работы. Каждый из исторических этапов предоставлял необходимый материал для исследований [12; 21; 39]. Развитие финансовых рынков и одного из ключевых сегментов этой системы рынков – рынка ценных бумаг – в начале – середине 90-х годов не было ориентировано ни на формирование качественных инструментов инвестирования, ни на обеспечение направления временно свободных средств на инвестирование экономики [6; 40].

Формирующаяся национальная модель российского фондового рынка имела определенные черты сходства с североамериканской и европейской, однако отличия от этих моделей более чем значительны. При существенной доле государственных ценных бумаг на этом рынке значение корпоративного долга и акций частных компаний постепенно возрастало. И если в кризисе 1998 г. основную роль играл сегмент государственных ценных бумаг, то в разворачивании кризиса 2008 г. более существенными стали проблемы устойчивости рынка корпоративного долга [41].

Существенное место в работах Института занимают исследования инфляции. Исследования проблем инфляции в разные годы в ИЭ связаны, в частности, с такими учеными, как З.В. Атлас, И.А. Трахтенберг, Р.С. Гринберг, А.Д. Некипелов, М.И. Гельвановский и др.

Если в довоенный и послевоенный периоды инфляция рассматривалась почти исключительно как феномен капиталистической экономики, по большей мере связанный с военными расходами бюджетов различных стран [42] и деятельностью монополистических образований [43], то уже в конце 80-х годов XX в. эти оценки меняются.

Так, инфляция рассматривается как аномалия для периода до Второй мировой войны. Позднее же она, в силу своей непосредственной связи с кредитным характером денег, приобретает устойчивый характер [43, с. 87]. Исследования особенностей инфляции в историческом аспекте после Первой мировой войны выявили наличие связи этого процесса с военными расходами государств. В то же время проводилось различие между инфляцией и повышением товарных цен и отмечалось, что далеко не всякое повышение цен следует рассматривать как инфляционное [44].

Применительно к советскому периоду развития экономики вопросы инфляции описывались преимущественно под углом зрения «переполнения каналов денежного обращения», «обесценения денег» и формирования «несбалансированности товарного и денежного обращения» [45].

В начале рыночных реформ 90-х годов XX в. инфляция стала рассматриваться как многоаспектное явление, непосредственно связанное с характеристиками денежного обращения, с состоянием системы рынков и имеющее различные виды и формы. Инфляция в этот период приобретает характер перманентного обесценения денег, выражающегося в повышательной динамике общего уровня цен, и уже не является исключительно денежным феноменом, а рассматривается как органический элемент современной экономики [46; 47].

Исследования инфляции в ИЭ ведутся как в рамках классического противопоставления монетарных и немонетарных факторов инфляционного процесса и оценки их влияния на параметры экономического роста [48], так и в рамках синергетического подхода, когда инфляция рассматривается как сложное многополюсное явление. С одной стороны, она порождается сетевой системой рынков, сложной комбинацией денежного оборота и системы транзакций, с другой – является отражением стоимостного эквивалента в воспроизводственной модели при различных типах экономического равновесия [49].

Можно выделить следующие ключевые группы мер, направленных на сдерживание инфляционных процессов в РФ, разработанных и обоснованных применительно к разным временным периодам и различным кризисным ситуациям. Во-первых, это мероприятия по формированию государственной политики в области цен и ценообразования [50], во-вторых, это различные инструменты денежно-кредитной политики, используемые для регулирования инфляционного процесса [51], в-третьих, это меры бюджетно-налоговой политики и политики поддержки и стимулирования экономического роста [24].

В работах сотрудников Института нашли свое отражение причины, особенности, а также инструменты, использовавшиеся различными государствами для преодоления основных финансовых и денежных кризисов, имевших место в XIX–XXI вв. Так, исследовались денежные кризисы XIX в., кризисы начала XX в., в том числе кризис 1932–1933 гг. и последовавшая за ним Великая депрессия [52]. Денежные и валютные кризисы рассматривались либо как форма проявления циклического развития экономики в денежно-кредитной сфере, либо как порождение сложной совокупности экономических обстоятельств. В рамках исследований послевоенной инфляции и валютного кризиса в Англии (1947 г.) З.В. Атлас показал влияние послевоенных бюджетных дефицитов, межгосударственных финансовых соглашений, антиинфляционной политики лейбористского правительства на формирование условий и характер этого валютного кризиса [42].

Глобальные и локальные финансовые и валютные кризисы конца XX – начала XXI в. также нашли отражение в работах сотрудников Института. Причины и последствия кризиса 1998 г. для отече-

ственной экономики исследовались с точки зрения влияния проводившейся в предшествующие годы бюджетно-налоговой политики, политики валютного курса и разворачивавшегося в этот период трансформационного кризиса [52].

Анализ причин финансового кризиса 2008 г. позволил выявить следующие их группы [54; 55]: фундаментальные (связанные с сущностью экономической системы и моделью экономического устройства); инструментальные (связанные с особенностями функционирования экономики и ее секторов, бюджета, инструментов регулирования валютного курса, процедур формирования суверенных фондов и др.); поведенческие (проявляющиеся в особенностях реакций предпринимателей, банкиров, менеджеров, госслужащих и населения на параметры рыночной динамики). Исследования процесса развертывания мирового кризиса 2008 г. и оценка его воздействия на отечественную экономику и экономику стран СНГ показали определенное сходство проблем, с которыми столкнулись эти страны. Влияние внешних шоков привело к массивному оттоку капитала, возникновению проблем с ликвидностью, сокращению внешнего спроса на ключевые торгуемые товары и другим социальным и экономическим проблемам [53].

Кризис 2014–2015 гг. сформировал новые вызовы для отечественной финансовой системы в целом, и для проводимой денежно-кредитной политики в частности. Переход к свободно плавающему валютному курсу и режиму инфляционного таргетирования в конце 2014 г. – начале 2015 г. был вызван существенным усилением финансовой нестабильности и ограничением возможностей антикризисного потенциала денежно-кредитной политики [56]. В этих условиях целесообразным было определенное смягчение проводимой денежно-кредитной политики, в том числе и в форме постепенного снижения ключевой ставки и некоторое наращивание объемов ликвидности. Особая роль валютного курса для отечественной экономики, как и для большинства экономик с развивающимися рынками, объективно выводит данный инструмент и одновременно объект регулирования на первый план в кризисные периоды. При нецелесообразности таргетирования валютного курса в явном виде необходимо его неявное поддержание в рамках определенного коридора значений. В кризисных условиях также целесообразно использовать инструменты регулирования операций по вывозу капитала из страны, в частности, регулирование открытой валютной позиции, установление более высоких нормативов резервных требований к пассивам в иностранной валюте внутри страны и привлекаемым из-за рубежа и некоторые другие [56, с. 172].

Использование налоговых инструментов в процессе антикризисного регулирования неизбежно предполагает выбор между повыше-

нием уровня налогообложения для обеспечения доходов бюджета и его понижением для поддержания экономической активности бизнеса [17, с. 186]. Основные меры антикризисной налоговой политики этого периода были направлены на поддержку экономики и не предполагали в явном виде повышения уровня налоговой нагрузки. Сформированные суверенные фонды обеспечивали данную политику необходимыми резервами. Снижение налоговой нагрузки на доходы от капитала и перераспределение налоговой нагрузки в результате старта налогового маневра сформировало тенденцию к росту налоговой нагрузки на потребление, а через него – в конечном счете, на доходы населения [17].

Ученые Института экономики в течение 90 лет исследовали теоретические вопросы финансов, инструментов финансирования, использования финансовых рычагов для решения общеэкономических и социальных проблем. В рамках каждого исторического этапа развития страны, с учетом формировавшихся в этот период политических реалий и ограничений, исследовались возникавшие практические проблемы. Вопросы истории финансов в РФ, а также и в разных странах мира, специфика современного развития их финансовых систем также находили свое отражение в работах сотрудников Института.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяченко В.П. Вопросы теории финансов / Под ред. В.П. Дьяченко. М.: Госфиниздат, 1957.
2. Дьяченко В. О природе и функциях советских финансов // Вопросы экономики. 1954. № 8. С. 46–59.
3. Аллахвердян Д. Роль финансовой системы в распределении национального дохода СССР // Вопросы экономики. 1954. № 2. С. 60–74.
4. Деньги, финансы и кредит в экономическом механизме расширенного воспроизводства развитого социализма / И.В. Можайскова, Н.Д. Барковский, В.И. Рыбин и др. / Отв. ред. В.И. Рыбин, И.В. Можайскова. М.: Наука, 1979.
5. Плотицков К.Н. Финансы и кредит в СССР. М.: Высшая Партийная школа при ЦК КПСС, 1956.
6. Модернизация финансовой сферы России / Под ред. В.К. Сенчагова. М., СПб.: Нестор-история, 2011.
7. Авдианц Ю.П. Кредит и повышение экономической эффективности производств: Вопросы теории и методологии / Науч.-исслед. фин. ин-т. М.: Финансы, 1972.
8. Полный хозяйственный расчет: теория, практика, проблемы / Л.И. Абалкин, А.Ш. Ахмедуев, Н.А. Брусиловская и др. / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: Экономика, 1989.
9. Роль хозяйственного механизма в совершенствовании экономики развитого социализма / В.Г. Стародубровский, В.М. Иванченко, Н.А. Брусиловская и др. / Отв. ред. В.М. Иванченко. М.: Экономика, 1985.
10. Логинов В., Курнышева И. Финансирование научно-технической сферы // Экономист. 1995. № 10. С. 34–43.

11. Гусева К., Маркова Н. Возможности активизации инвестиционной деятельности // Экономист. 1995. № 7. С. 3–17.
12. Батырев В.М., Усоскин М.М. Краткосрочный кредит и организация денежного обращения в СССР. М.: Госфиниздат, 1952.
13. Лыкова Л.Н. От нормативов к налогообложению: распределение доходов предприятий. М.: Наука, 1991.
14. Налоги в механизме хозяйствования / Отв. ред. А.В. Сигиневич. Институт экономики АН СССР. М.: Наука, 1991.
15. История налоговой политики России: конец XIX, XX и начало XXI столетия. И.В. Караваева и др. / Отв. ред. И.В. Караваева. М.: Наука, 2008.
16. Лыкова Л.Н. Налоговая система России. Общее и особенное. М.: Наука, 2006.
17. Лыкова Л.Н. Налоговая политика в условиях кризиса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 1 (29). С. 184–192.
18. Караваева И.В. Подоходный налог как инструмент социальных преобразований в российском обществе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 6. С. 52–69.
19. Lykova L.N. A Return to Progressive Personal Income Tax in the Russian Federation: Some Estimations // Journal of Tax Reform. 2018. Vol. 4. No. 2. Pp. 174–187.
20. Налоговая политика в социально-экономическом развитии стран с переходной экономикой / Под ред. Р.С. Гринберга, З.Н. Кузнецовой. СПб.: Алетейя, 2011.
21. Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М.: Наука, 1978.
22. Финансово-бюджетная политика: принципы и механизм реализации // Отв. ред. Ю.П. Авдиянц. М.: Институт экономики АН СССР, 1990 (1991).
23. Сенчагов В.К. Бюджетная политика на этапе выхода из рецессии // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 1. С. 7–17.
24. Сенчагов В.К., Губин Б.В., Павлов В.И., Караваева И.В., Иванов Е.А. Бюджет России 2015–2017 гг. – бюджет торможения структурной перестройки экономики / Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 1. С. 30–80.
25. Караваева И.В., Бухвальд Е.М., Павлов В.И., Казанцев С.В., Гельвановский М.И., Иванов Е.А., Коломиец А.Г., Колпакова И.А. Федеральный бюджет России на 2018–2020 годы: новый шаг к победе над дефицитом и инфляцией? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 1. С. 43–54.
26. Головин М.Ю., Лыкова Л.Н., Букина И.С. Реакция денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики России на вызовы глобализации // Финансы: теория и практика. 2017. № 5. Т. 21. С. 6–21.
27. Сенчагов В.К. О Формировании новой парадигмы бюджетной политики // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 152–158.
28. Караваева И.В., Казанцев С.В., Коломиец А.Г., Иванов Е.А. Основные характеристики федерального бюджета на 2020 год и на плановый период 2021–2022 годов // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 77–94.
29. Трахтенберг И.А. Денежное обращение и кредит при капитализме. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
30. Атлас З.В. Социалистическая денежная система. М.: Финансы, 1969.
31. Атлас З.В. О некоторых вопросах теории советских денег // Вопросы экономики. 1953. № 7. С. 17–35.
32. Гусаков А.Д. Очерки по денежному обращению России. Накануне и в период Октябрьской социалистической революции. М.: Институт экономики АН СССР, 1946.

33. Атлас 3. Типы денежных систем и законы денежного обращения // Вопросы экономики. 1969. № 7. С. 64–75.
34. Андрюшин С.А., Бурлачков В.К. Биткойн, блокчейн, файл-деньги и особенности эволюции денежного механизма // Финансы и кредит. 2017. Т. 23. № 31 (751). С. 1850–1861.
35. Аллахвердян Д.А. Использование товарно-денежных отношений при социализме. М.: Высшая школа, 1968.
36. Головнин М.Ю. Теоретические подходы к проведению денежно-кредитной политики в условиях финансовой глобализации // Вопросы экономики. 2009. № 4. С. 42–58.
37. Андрюшин С., Кузнецова В. Инструменты макропруденциальной политики центральных банков // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 32–47.
38. Андрюшин С.А. Банковские системы Великобритании, Франции и Германии: история и современность. М.: ИЭ РАН, 2008.
39. Черных С.И. Финансовые институты: конкуренция и государственное регулирование. М.: ИЭ РАН, 2007.
40. Шабалин А.О. Развитие рынка ценных бумаг в России в XX веке. М.: «Евразия+», 2001.
41. Шабалин А.О. Рост масштабов государственного и корпоративного долга и экономическая безопасность России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 6. С. 101–109.
42. Атлас 3.В. Инфляция и валютный кризис в Англии. М.: Госфиниздат, 1949.
43. Трахтенберг И.А. Инфляция и процесс капиталистического воспроизводства // Вопросы экономики. 1954. № 3. С. 86–98.
44. Трахтенберг И.А. Финансовые итоги войны (проблема инфляции) М.: Госфиниздат, 1946.
45. Инфляция / Политическая экономия / Экономическая энциклопедия / Под ред. А.М. Румянцева. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 51–58.
46. Гринберг Р.С. Инфляция в социалистических странах: закономерности и особенности // Вопросы экономики. 1989. № 9. С. 67–76.
47. Гринберг Р.С. Системные преобразования и стабилизационная политика (опыт стран восточной Европы и России) // Проблемы прогнозирования. 1993. № 4. С. 15–24.
48. Некипелов А.Д. Экономический рост и инфляция: основные теоретические подходы к проблеме // Экономическая наука современной России. 1998. № 3. С. 12–31.
49. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Инфляция в контексте эволюции денег. М.: ИЭ РАН, 2008.
50. Гельвановский М.И. Модернизация и императивы формирования государственной политики цен // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 2. С. 40–61.
51. Андрюшин С.А., Кирилук И.Л., Рубинштейн А.А. Антиинфляционная политика Банка России: вопросы теории и практики // Банковское дело. 2019. № 4. С. 12–20.
52. Трахтенберг И.А. Денежные кризисы (1821–1938). М., 1963.
53. Головнин М.Ю. Финансовые кризисы последнего десятилетия // Мир перемен. 2008. № 3. С. 46–58.
54. Глобальный финансовый кризис: безопасность финансовой сферы России / Сенчагов В.К. и др./ Под ред. В. К. Сенчагова. М.: ИЭ РАН, 2010.

55. Сенчагов В.К. Финансовый кризис: механизм преодоления // ЭКО. 2009. № 1 (415). С. 49–60.
56. Головин М.Ю. Денежно-кредитная политика России в условиях кризиса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 1 (29). С. 168–174.

ABOUT THE AUTHOR

Lykova Lyudmila Nikitichna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science - Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
lykoval@inecon.ru

HISTORY AND MODERNITY: STUDIES OF FINANCIAL ISSUES IN THE WORKS OF EMPLOYEES OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (THE RAS) (1930–2020)

The article considered the main areas of research, conducted at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS) on the problems of finance over the 90-year period of the Institute's existence. Areas of research were identified, such as determining the nature of finance and of the financial system, problems of the formation and execution of state and local budgets, as well as tax and budget policies, issues of monetary circulation and monetary (money-credit) policy, issues of formation and functioning of financial markets and finances of business entities. It was shown that studies of financial problems at the Institute were based both on domestic data and on the data of other countries, and contained recommendations on the choice of directions and measures of state economic policy.

Keywords: *finance, money circulation, money, tax policy, budget policy, financial crisis, monetary (money-credit) policy.*

JEL: B26, G00, G01, H00, H01.

Г.А. ВЛАСКИН

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН В ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

В статье представлена информация об исследованиях ученых Института, связанных с проблемами научно-технологического развития России, укрепления ее технологической безопасности, с вопросами формирования национальной инновационной системы и инновационных институтов развития, особенностями региональной и кластерной научно-технической стратегии. Уделено отдельное внимание истории исследований научно-технической политики зарубежных стран-членов СЭВ.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, национальная инновационная система, страны-члены СЭВ.

JEL: O00, O30, O39, L59, L69.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10027

Прошло 90 лет с момента создания Института экономики – флагмана отечественной экономической мысли. В течение этого периода Институт не раз реорганизовывался, менял своих кураторов (Комакадемия, Госплан СССР, Академия наук СССР, Российская Академия наук, ФАНО, Минобрнауки РФ). Неоднократно менялась и структура Института. Зачастую Институт подвергался жесткой критике, попадая в горнило политической борьбы в предвоенные и послевоенные годы. Впрочем, не он один. В эти годы преследованиям подвергалась и сама Академия наук СССР, в структуру которой Институт вошел в феврале 1936 г. Тем не менее, несмотря на экстремальные условия для научной деятельности, Институт сумел выжить и продолжал оставаться все эти годы сплоченным творческим коллективом, создавая свои научные школы по разным направлениям теоретических исследований. Институт также занимался практическими проблемами, разрабатывал рекомендации по решению наиболее актуальных народно-хозяйственных задач.

С началом Великой Отечественной войны многие сотрудники Института экономики добровольно ушли на фронт. Часть ученых Института оказалась в эвакуации в Алма-Ате, часть – в Ташкенте и Куйбышеве. Но и в очень сложных военных условиях они продолжали свою научную работу. В 1943 г. Институт экономики возвратился в Москву. Война еще не закончилась, поэтому основной темой исследований сотрудников оставались военная экономика и восстановление промышленности и сельского хозяйства в освобожденных районах страны. Ученые Института принимали участие в решении задач по мобилизации на нужды фронта промышленных и продовольственных сырьевых ресурсов Казахстана, Башкирии, Урала.

После окончания Великой Отечественной войны усилия ученых Института главным образом были направлены на решение наиболее актуальных проблем, связанных с выполнением первого послевоенного пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы, обеспечившего в кратчайшие сроки восстановление разрушенной войной экономики нашей страны. К ним прибавились заботы о выстраивании новых экономических отношений со странами народной демократии, сводившиеся в основном к помощи со стороны СССР в становлении подорванного войной народного хозяйства этих стран, в создании и развитии национальной промышленности, обеспечении их техникой, сырьем и топливом, кадрами, кредитами. Поставленные перед Институтом новые задачи требовали создания новых научных направлений и расширения фронта проводимых исследований, а также совершенствования их структуры.

Исследованиями политических и экономических проблем стран народной демократии (с середины пятидесятых годов – социалистических стран) Институт экономики АН СССР стал заниматься с 1947 г., за два года до создания Совета Экономической Взаимопомощи. Начало работ по новой тематике совпало по времени с очередной реорганизацией Института после его объединения с Институтом мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, произошедшим в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 18 сентября 1947 г. Объединенный Институт экономики стал функционировать под научно-организационным руководством Госплана СССР. Его директором был назначен чл.-корр. АН СССР К.В. Островитянов, который возглавлял Институт до 1953 г. Заместителями директора Института были утверждены д.э.н. Г.А. Козлов и чл.-корр. В.П. Дьяченко.

В ходе формирования новой структуры Института экономики в составе образованного Отдела социалистической экономики впервые появился Сектор экономических проблем европейских стран народной демократии. Наряду с общеинститутским Ученым советом в Институте экономики были созданы также два специализированных

Ученых совета – по экономике СССР и стран народной демократии и по экономике капиталистических стран.

В связи с возрастанием роли СЭВ в хозяйстве социалистических стран существенно расширился круг деятельности Института экономики. Его сотрудники все более активно стали привлекаться к работе органов СЭВ. Институт давал заключения на готовящиеся различные проекты сотрудничества, все чаще брал на себя инициативу по проведению научно-практических конференций, симпозиумов, совещаний, в которых принимали участие не только советские ученые и специалисты, но и их партнеры из братских стран – из ГДР, ЧССР, Болгарии, Венгрии, Польши, Кубы, МНР и др. Так, в ноябре 1957 г. в Институте экономики состоялась международная научная сессия экономистов социалистических стран. В ее работе приняли участие такие крупные ученые-экономисты из стран – членов СЭВ¹, как Т. Ангелов, Е. Матеев, М. Петров, Х.-Ю. Дубровски, Е. Клеер, К. Моргенштерн, Г. Нойман, В. Пруха и др.

Определенная открытость, сопровождающая «Хрущевское правление», позитивно сказалась на интенсивности исследований новой проблематики. Ученые Института подготовили в этот период целый ряд значимых работ. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что в некоторых публикациях превалирует политический подход к оценке целей экономического сотрудничества и средств их достижения. Особенно это относится к работам, посвященным предыстории СЭВ и начальному этапу сотрудничества в первой половине 50-х годов, имеющим в целом описательный характер.

Для того чтобы поставить работу по научному сопровождению проблематики развития социалистических стран на фундаментальную систематическую основу, еще в 1959 г. на заседании Президиума АН поднимался вопрос о создании в СССР специального института для изучения проблем разделения труда и кооперации в развитии народного хозяйства стран мировой социалистической системы. Предложение было поддержано Секретариатом ЦК КПСС. 13 мая 1960 г. на заседании Президиума АН СССР было принято решение о целесообразности создания в системе Академии наук Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС АН СССР). 22 июля 1960 г. по постановлению Президиума АН решение об организации ИЭМСС АН СССР на базе Сектора экономических проблем стран народной демократии ИЭ АН СССР вступило в силу. Временно исполняющим обязанности директора был назначен А.Д. Ступов, а 8 февраля 1961 г. руководителем ИЭМСС АН СССР был утвержден д.э.н. Г.М. Сорокин, сумевший достаточно быстро сформировать творческий коллектив, в который вошли

¹ Научная сессия экономистов социалистических стран. Москва, ноябрь, 1957 // Вопросы экономики. 1957. № 12. С. 90–104.

авторитетные ученые. За пять с половиной лет сотрудниками Института было опубликовано 55 монографий и подготовлен целый ряд докладов, освещающих важнейшие проблемы экономической жизни социалистических стран, в том числе перспективы развития мировой социалистической системы, вопросы развития экономического сотрудничества между социалистическими странами и др.

В 60-е годы экономика стран социалистического содружества развивалась достаточно устойчивыми и высокими темпами (в среднем около 10% в год). Однако уже к этому времени начали отчетливо обозначаться негативные тенденции, причем именно в экономической сфере. Укрепившаяся во всех без исключения странах планово-административная управленческая модель сковывала инициативу хозяйственных субъектов, не позволяла адекватно реагировать на новые явления и тенденции в мировом экономическом процессе.

Особенно наглядно это стало проявляться в связи с начавшейся в 50-е годы научно-технической революцией. По мере ее развития страны, включая СССР, все более отставали от передовых капиталистических стран по темпам внедрения в производство научно-технических достижений, главным образом в области электронно-вычислительной техники, энерго- и ресурсосберегающих производств и технологий. Попытки частичного реформирования сложившейся модели, предпринятые в эти годы, не дали положительных результатов. Причиной неудач реформ было сильнейшее сопротивление им со стороны партийно-государственной номенклатуры, в основном и определившее крайнюю непоследовательность процесса преобразований и, как результат, – их безуспешность.

15 октября 1964 г. на пост председателя Совета Министров СССР был назначен А.Н. Косыгин. С этого момента ведется отсчет времени разработки и проведения «косыгинской» экономической реформы, за которую он активно выступал с начала 1960-х годов. По инициативе А.Н. Косыгина в 1965 г. Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ СССР был преобразован в *Государственный комитет Совета министров СССР по науке и технике* (ГКНТ). Он был призван объединить научно-исследовательские силы нашей страны после ликвидации территориальной системы СНХ, для чего ему были предоставлены широкие полномочия. На смену руководителям технического и хозяйственного профиля в Комитет пришли ученые. Возглавил ГКНТ академик В.А. Кириллин (1965–1980). Являясь вице-президентом Академии наук СССР, Владимир Алексеевич много сделал для повышения роли науки и научно-технического прогресса в укреплении экономики страны.

Институт экономики быстро откликнулся на новые веяния в руководстве экономикой и наукой в СССР, создав крупное научное под-

разделение. Сначала это был сектор, занимавшийся экономическими проблемами научно-технического прогресса под руководством д.э.н. М.А. Виленского, а затем создан отдел под руководством чл.-корр. АН СССР Л.М. Гатовского. В нем стали работать такие известные ученые-экономисты, как О.И. Волков, С.И. Голосовский, Ю.А. Зыков, К.И. Клименко, Н.К. Кульбовская, Г.А. Лахтин, Д.С. Львов, В.И. Павлюченко, Д.М. Палтерович, С.В. Пирогов, И.В. Рахлин, Г.С. Салибеков, К.И. Таксир, В.Г. Фельзенбаум, С.А. Хейнман и многие другие.

В своих трудах сотрудники нового отдела доказывали, что на любой стадии экономического развития страны нельзя пренебрегать вопросами технического совершенствования производства, ибо от этого, в условиях революционных преобразований в технике и технологии, зависит будущее страны. В качестве примера приводился план ГОЭЛРО, позволивший Советской России, несмотря на разваленное Гражданской войной хозяйство, направить имеющиеся скудные средства на развитие ключевых отраслей промышленности, что дало возможность за исторически короткий срок превратить страну в передовую индустриальную державу.

В исследованиях ученых ИЭ АН СССР С.А. Хейнмана и Д.М. Палтеровича обосновывалась необходимость более коротких сроков обновления активной части основных фондов, сокращения сроков амортизации оборудования. Предложения, содержащиеся в работах Ю.А. Зыкова, Д.С. Львова, С.А. Хейнмана и др., в частности, сводились к тому, что новизна и социальные компоненты новой техники должны опережать на первых стадиях ее производства динамику экономических показателей, что окупится в дальнейшем, при массовом выпуске продукции. В связи с этим были предложено рассчитывать коэффициенты опережения новизны экономических показателей на разных стадиях производства (создание опытных образцов, мелкосерийный выпуск, серийный выпуск, массовое производство). На последней стадии (массовое производство) экономическая отдача, т. е. разница между ценой реализации готовой продукции и затратами на ее производство, становится положительной и постепенно нарастает, так что общий период выпуска, начиная с опытного образца, должен сопровождаться резко положительным экономическим итогом.

Все это актуально и сейчас, когда перспектива получения краткосрочной прибыли заставляет предпринимателей отказываться от технически совершенных проектов и копировать либо устаревшую западную технику, на которую уже давно получена лицензия, либо производить отечественную продукцию, на которую пока есть спрос, но в скором времени он ослабнет. Таким образом, предприятия в своей работе ориентируются лишь на краткосрочную перспективу, без технического задела на будущее, что еще более увеличивает наше отставание от пере-

довых стран Запада. К сожалению, приходится констатировать, что за годы косыгинских и последующих реформ многие из предложений Института экономики АН СССР не были воплощены на практике. При этом они и до сих пор сохраняют свою актуальность. Прежде всего это относится к современным проблемам формирования и реализации научно-технической, структурной и инвестиционной политики.

А.Н. Косыгин придавал большое значение сотрудничеству со странами СЭВ. 19 марта 1965 г. на расширенном заседании Госплана СССР А.Н. Косыгин выступил докладом, в котором предлагалось социалистическим странам скооперироваться для более эффективного производства качественных товаров, за образец которых следует взять лучшие мировые стандарты.

Для придания динамики этим процессам в составе ГКНТ было образовано Управление научно-технического сотрудничества с социалистическими странами (УНТС), которое возглавил к.э.н. В.А. Конюшко, работавший до этого в Советском Представительстве при ООН. В советских посольствах всех социалистических стран были сформированы Аппараты советников по науке и технике, которые призваны были содействовать расширению научно-технического сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами.

В рамках подготовки и координации планов на 1971–1975 гг. Постоянная комиссия СЭВ по координации научных и технических исследований провела в Москве в 1968 г. международный симпозиум ученых и специалистов стран СЭВ по проблеме «Управление, планирование и организация научных и технических исследований». На пленарном заседании выступил директор Института экономики АН СССР, чл.-корр. АН СССР Л.М. Гатовский с докладом «Экономический механизм связи науки с производством», а также Ю.Ф. Кормнов с докладом «Взаимосвязь международной специализации производства и научно-технического сотрудничества».

В конце 1970-х годов начали разрабатываться международные долгосрочные целевые программы экономического сотрудничества стран СЭВ (МДЦПС) на период до 1990 г. Однако реализация этой эффективной формы сотрудничества тормозилась отсутствием условий для созидательной деятельности – низкого уровня деловой и инвестиционной активности, высоких административных барьеров, неповоротливой системы ценообразования, отсутствия конкуренции, а также других проблем, мешающих усилению роли технологического фактора в достижении коммерческого успеха у сотрудничающих организаций. К этому времени руководителем ИЭМСС был назначен доктор экономических наук О.Т. Богомолов, одновременно ставший председателем Научного Совета при ГКНТ по вопросам развития научно-технического сотрудничества с социалистическими странами.

Н.А. Косыгин считал, что начинать модернизацию сотрудничества социалистических стран необходимо с технологического прорыва в забуксовавшей советской экономике, что придавало бы Содружеству в целом дополнительное экономическое ускорение. По его инициативе под руководством академика В.А. Кирилина группой экспертов из академических институтов в 1979 г. был подготовлен аналитический доклад о состоянии и перспективах советской экономики. Однако представленный в Политбюро доклад вызвал резкое неприятие из-за нарисованной в нем безрадостной картины состояния советской экономики. В докладе прогнозировалось дальнейшее неизбежное нарастание финансово-экономических проблем, указывалось на опасное отставание страны в использовании передовых технологий. Единственный выход, по убеждению составителей доклада, – безотлагательное и радикальное структурное реформирование советской экономики. Начать это, как и в середине 60-х годов, предлагалось с реформы в промышленности. К сожалению, Политбюро отклонило представленный документ, признав его неудовлетворительным.

Нарастающие дезинтеграционные процессы в социалистическом лагере и внутренние экономические проблемы, связанные с обвалом цен на энергоносители, вынудили руководство СССР в 1989 г. предложить партнерам по СЭВ перейти к взаиморасчетам по товарообмену, взяв за основу среднемировые цены в свободно конвертируемой валюте, что в условиях складывающейся политической ситуации явно ставило «крест» на продолжении совместных работ по большинству проектов сотрудничества, в том числе в рамках МДЦПС и КП НТП СЭВ. 28 июня 1991 г. в Будапеште страны – члены СЭВ (Болгария, Венгрия, Вьетнам, Куба, Монголия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия) подписали Протокол о расформировании организации. Так завершилась история социалистической экономической интеграции. Вслед за этим в декабре 1991 г. было подписано соглашение России, Украины и Белоруссии о роспуске СССР и создании Содружества независимых государств (СНГ).

В 1990 г. Институт экономики мировой социалистической системы был переименован в Институт международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ РАН) и стал заниматься комплексным анализом и обобщением практики социально-экономической и политической трансформации и обновления в государствах Центральной и Восточной Европы, в республиках бывшего СССР (включая Российскую Федерацию), а также в КНДР, Вьетнаме, Монголии и Китае. В 1998 г. директором ИМЭПИ РАН вместо академика РАН О.Т. Богомолова стал академик А.Д. Некипелов, а в 2001 г. Институт возглавил Р.С. Гринберг.

В 90-е годы в России в условиях либерализации экономики и резкого сокращения государственного финансирования значительные возможности науки и промышленности оказались ненужными, и они начали деградировать: сократились объемы производства и НИОКР, численность работников, нарушились многоуровневые кооперационные связи, часть производств была перепрофилирована на выпуск продукции более низкого технического уровня. Лишь ОПК – единственная отрасль, которая, несмотря на утрату в 90-е годы части научно-технического и производственного потенциала, продолжала оставаться одной из наиболее высокотехнологичных и конкурентоспособных ветвей отечественной промышленности.

В пору потепления отношений с Западом еще в июне 1994 г. между Россией и ЕС было подписано соглашение о партнерстве и сотрудничестве, направленное, в частности, на создание общего пространства в области исследований и образования, чему был посвящен ряд международных проектов, в том числе, проект «Инновационное развитие и коммерциализация технологий в России и странах ЕС: опыт, проблемы, перспективы». Реализация проекта осуществлялась в 2004–2006 гг. совместной со специалистами ЕС рабочей группой (руководитель – Питер Линдхольм – генеральный директор германской консультационной компании «Lindholm-Consult» и ЗАО «ВалоДиа», признанный эксперт мирового уровня в сфере технологического менеджмента и международного научно-технического сотрудничества), в состав которой от российской стороны, вошли ведущие научные сотрудники Центра исследований промышленной политики ИМЭПИ РАН С.Н.Сильвестров, Е.Б. Ленчук и Г.А. Власкин, наряду с представителями ряда других академических институтов (ИНП РАН, ИМЭМО РАН, Института Европы РАН и Центра исследований проблем развития науки РАН). Итогом двухлетних исследований рабочей группы стала международная коллективная монография «Национальные инновационные системы в России и ЕС» [1]. Монография содержит рекомендации по активизации инновационной политики РФ, включая предложения в области нормативно-правового обеспечения процесса создания эффективной НИС, использования финансовых инструментов развития этого процесса и стимулирования трансфера технологий и их коммерциализации, как одних из основных средств инновационного развития.

В июне 2005 г. решением Президиума РАН Институт экономики РАН и Институт международных экономических и политических исследований РАН были реорганизованы путем их слияния в единую научную организацию – Институт экономики Российской академии наук. Главная цель деятельности объединенного Института – проведе-

ние фундаментальных и прикладных научных исследований по проблемам социально-экономического развития, подготовка научных кадров высшей квалификации.

В реорганизованном Институте был образован Центр инновационной экономики, в который вошли: Сектор институтов инновационной экономики, Сектор инвестиций в инновационное развитие и Сектор систем и методов управления в инновационной экономике. Руководство Центром и Сектором институтов инновационной экономики было возложено на Е.Б. Ленчук, которая уже в ИЭ РАН успешно защитила докторскую диссертацию на тему: «Инновационный процесс в переходной экономике» (на примере стран ЦВЕ и СНГ)».

В 2006 г. была опубликована монография, в которой рассматривались основные направления научно-технической и промышленной политики стран ЦВЕ и стран СНГ, осваивающих новую траекторию своего развития, давалась оценка перспектив роста национальной конкурентоспособности этих стран в новых условиях, анализировались инвестиционные, научно-технологические и кадровые возможности для обеспечения экономического роста и смягчения растущей зависимости от западных монополий [2].

Сектор также продолжал поддерживать партнерские отношения в рамках взаимодействия ИЭ РАН с рядом родственных по профилю научных и практических организаций стран ЦВЕ, участвуя в совместных научных мероприятиях (конференциях, симпозиумах), выпуская совместные публикации по вопросам инновационного развития и взаимного сотрудничества. Особенно тесные партнерские отношения сложились с Экономическим институтом Болгарской академии наук, а также с Ассоциацией инновационного предпринимательства Чешской Республики и Высшей школы экономики (Прага).

Безусловный приоритет в новом Центре по-прежнему отдавался исследованиям проблем научно-технологического развития России, укрепления ее технологической безопасности, вопросам формирования национальной инновационной системы и инновационных институтов развития, особенностям региональной и кластерной научно-технической стратегии.

С учетом мировых тенденций подробно исследовались отечественные механизмы и инструменты регулирования процессов индустриального развития, включая вопросы взаимодействия промышленной и научно-технической политики с другими составляющими макроэкономической политики: структурной, инвестиционной, региональной, политикой занятости. Анализировались пути совершенствования институциональной среды промышленного развития, в том числе финансовых институтов развития, института контрактных отношений и партнерства малого и крупного бизнеса [3; 4].

В соответствии с поручением Президента РФ от 4 мая 2008 г. № 361 ГС после шестнадцатилетнего перерыва в России был дан старт возобновлению работ по долгосрочному прогнозированию научно-технологического развития страны. Российская академия наук представила свой проект Прогноза-2030, активное участие в котором приняли зам. директора ИЭ РАН С.Н. Сильвестров, Е.Б. Ленчук, В.И. Филатов, Г.А. Власкин. 16–17 декабря 2008 г. в Москве прошла научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России», на которой с основным докладом по содержанию Прогноза выступил Вице-президент РАН, академик А.Д. Некипелов.

Значительное внимание в работе Центра уделялось проблемам активизации внешнеэкономического фактора в решении задач технологической модернизации и инновационного развития РФ. Проводились исследования основных направлений инвестиционного и технологического взаимодействия, складывающиеся в рамках региональной интеграции с зарубежными странами на постсоветском и европейском пространстве, с США и странами БРИКС, результаты которых нашли отражение в монографии [5].

Центр также продолжил участие в работах по Программе фундаментальных исследований Отделения общественных наук «Россия в глобализирующемся мире». Одновременно Центр подключился к исследованиям ряда академических экономических институтов по Комплексной Программе Президиума РАН «Прогноз технологического развития экономики России с учетом новых мировых интеграционных процессов (содержательные, экономические и институциональные аспекты)». Головной организацией по программе выступил Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН).

Сотрудники Центра участвовали в выполнении Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Аналитическое и информационное обеспечение деятельности РАН». Были подготовлены научные отчеты по широкой тематике, касающейся научно-технической и инновационной политики. По итогам исследований Научный совет Программы Президиума РАН «Аналитическое и информационное обеспечение деятельности РАН» опубликовал две коллективные монографии, в написании которых участвовали сотрудники ИЭ РАН А.Е. Городецкий, Е.Б. Ленчук и Г.А. Власкин [6; 7].

Значительное внимание Центр уделял тематике инновационного развития и сотрудничества стран СНГ, опубликовав несколько монографий [8; 9; 10] и целый ряд аналитических материалов, в которых исследуется современное состояние научно-технических потенциалов этих стран, оценивается уровень готовности наиболее продвинутых из них к переходу на более высокую стадию научно-технологического

развития путем постепенного преодоления зависимости от преимущественно сырьевой модели экономического роста. Проанализирован ход интеграционных процессов в основных экономических группировках на постсоветском пространстве, а также показана роль, которая отводится в этих процессах научно-технологическому фактору. Исследовано влияние внешних инвестиционных сигналов, прежде всего со стороны ЕС, на изменение качества бизнес-среды в странах СНГ, а также на активизацию инновационной деятельности. Дана оценка результатам участия стран СНГ в международных программах научно-технологической кооперации.

Важное место занимали исследования хода выполнения таких программ в рамках Союзного государства России и Беларуси, а также научно-технологического сотрудничества в ЕАЭС и БРИКС. Проблематика хода российско-белорусского сотрудничества исследована в двух совместных монографиях.

Не прошел сектор мимо одной из наиболее актуальных и приоритетных экономических задач, решением которой занимаются страны ЕАЭС, – активизации научно-технической и промышленной кооперации между ними на инновационной основе. Для ее решения экспертами ЕЭК разработаны «Основные направления промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС», в развитие которых инициировано создание ряда совместных организаций, ориентированных на экономику будущего: евразийского инжинирингового центра по станкостроению, технологических платформ для постоянного технологического обновления и повышения конкурентоспособности. Также серьезное внимание было уделено исследованию экономического, научно-технологического и инвестиционного потенциала стран БРИКС.

Целый ряд научных исследований Центра за прошедшие годы выполнялся на договорной основе. Чаще всего в качестве заказчиков таких работ выступают отраслевые фонды, консультационные организации, представляющие интересы конкретных управленческих структур, в том числе российских министерств и ведомств. Так, в 2011–2013 гг. по договору с Фондом развития трубной промышленности (ФРТП) сотрудниками Центра было проведено исследование (руководитель работы – зам директора ИЭ РАН А.Е. Городецкий) по теме «Основные направления и механизмы развития трубного бизнеса в условиях перехода на инновационный путь развития». В ходе исследования были выявлены и оценены стратегические направления развития трубного бизнеса в России; проанализированы основные макроэкономические параметры развития трубной отрасли и ее вклад в развитие экономики; раскрыты современные подходы государственной политики в области развития трубной отрасли, дана характеристика основных компаний-производителей трубной продукции,

оценен научно-технологический, инновационный и инвестиционный потенциал трубной отрасли; исследована динамика развития рынка трубной продукции; дана характеристика основных межотраслевых связей трубной отрасли, взаимодействие с потребителями продукции и поставщиками ресурсов; вскрыты основные проблемы ценообразования в трубной отрасли [11].

В 2016–2017 гг. Центр совместно с НИИ экономики авиастроительной промышленности (ЗАО «НИИ экономики») выполнял исследование на тему: «Совершенствование системы отраслевого стратегического планирования авиастроения как составной части системы государственного стратегического планирования инновационного развития оборонных отраслей промышленности». Проведенное исследование на основе выявленных проблемных мест в разрабатываемых документах стратегического планирования федерального уровня, а так же документах стратегического планирования развития авиационной промышленности, позволило сформулировать предложения по совершенствованию сложившейся практики разработки отраслевых документов стратегического планирования в разрезе прогнозирования, стратегирования и программирования.

Кроме того, сформулированы предложения по формированию концепции совершенствования государственного стратегического планирования на уровне отраслей промышленности для следующего цикла разработки таких документов после 2020 г., а также механизма взаимодействия государственных органов с интегрированными структурами авиационной промышленности.

Накопленные заделы в области формирования концепции стратегического планирования явились хорошей стартовой площадкой для дальнейшей работы по выработке общих методологических подходов к стратегическому планированию социально-экономического развития РФ и системы мер по имплементации Федерального закона № ФЗ-172 «О стратегическом планировании», подготовленных в рамках комплексного плана научных исследований Министерства науки и высшего образования РФ по заказу Совета Безопасности РФ и Минэкономразвития РФ.

В последние годы в зоне внимания сотрудников Института экономики РАН продолжают оставаться проблемы технологической модернизации и технологического рывка, анализ больших вызовов, связанных с четвертой промышленной революцией и общим мировым трендом – формированием цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальные инновационные системы в России и ЕС. Международная коллективная монография. М.: ЦИПРАН, 2006.
2. Власкин Г.А., Ленчук Е.Б. Промышленная политика в условиях перехода к инновационной экономике: опыт стран Центральной и Восточной Европы и СНГ. М.: Наука, 2006.
3. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Инвестиционные аспекты инновационного роста: Мировой опыт и российские перспективы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
4. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости отечественной экономики. Библиотека Новой экономической ассоциации / Под ред. Е.Б. Ленчук. СПб.: Алетейя, 2016.
5. Внешнеэкономическое измерение новой индустриализации России» / Под ред. д.э.н. Е.Б. Ленчук. СПб.: Алетейя, 2015.
6. Инновационная политика: Россия и Мир: 2002–2010 / Под общ. ред. Н.И. Ивановой и В.В. Иванова. М.: Наука, 2011.
7. Инновационная политика: Россия и Мир: 2011–2012 / Под общ. ред. Н.И. Ивановой и В.В. Иванова. М.: Наука, 2013.
8. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Международная кооперация и инновации в странах СНГ. СПб.: Алетейя, 2011.
9. Россия – Беларусь: инновационная политика и интеграционное взаимодействие / ИЭ РАН, Белорусский госуниверситет. М.: ИЭ РАН, 2006.
10. Внешнеэкономический фактор в стратегии модернизации России и Беларуси / Отв. ред. И. Войтов. ИЭ РАН, ГУ БелИСА, Белорусский госуниверситет. МИНСК: БелИСА, 2012.
11. Институты современной экономики России: опыт и проблемы. Коллективная монография / Под ред. А.Е. Городецкого. М.: ИЭ РАН, 2015.

ABOUT THE AUTHOR

Vlaskin German Alexandrovich – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

PROBLEMS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA AND SOCIALIST COUNTRIES IN THE HISTORY OF RESEARCH OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (THE RAS)

The article provided information on research, conducted by scientists of the Institute, related to the problems of scientific and technological development of Russia, to strengthening of its technological security, to issues of forming a national innovation system and innovative development institutions, and to features of a regional and cluster scientific and technical strategy. Special attention was paid to the history of research of the scientific and technical policy of foreign countries, members of CMEA.

Keywords: *scientific and technological development, national innovation system, countries – members of CMEA.*

JEL: O00, O30, O39, L59, L69.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

В.И. ГРИШИН

доктор экономических наук, профессор,
ректор РЭУ им. Г.В. Плеханова

О.А. ГРИШИНА

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой
финансов и цен РЭУ им. Г. В. Плеханова

А.Ю. ЧАЛОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и цен
РЭУ им. Г.В. Плеханова

Е.К. ВОРОНКОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и цен
РЭУ им. Г.В. Плеханова

М.В. ДОЛГОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и цен
РЭУ им. Г.В. Плеханова

В.В. КОЛМАКОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента
РЭУ им. Г.В. Плеханова

ВИРУС НЕ ОБОЙДЕТ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ: ПОТЕРИ ДОХОДОВ НЕИЗБЕЖНЫ

Процессы и тенденции, происходящие в глобальной и национальной экономиках с началом мировой пандемии с января 2020 г., безусловно, оказывают негативное воздействие не только на доходы индивидуальных и корпоративных хозяйствующих субъектов, но и на доходы органов государственной власти. В Российской Федерации наиболее значительный объем ресурсов на государственном уровне сосредоточен в федеральном бюджете. Учитывая важность сбалансированного исполнения федерального бюджета для своевременного и полного финансирования утвержденных в нем расходных обязательств, важно понимать, какой объем его доходов может быть недополучен в текущих неблагоприятных условиях. В статье представлены расчеты объемов выпадающих нефтегазовых и ненефтегазовых доходов федерального бюджета, основанные на прогнозировании показателей мирового рынка нефти, динамики валютного курса рубля и объемов инвестиций в основной капитал в российской экономике. Для прогнозирования значений указанных факторов были использованы статистические модели, а также методы математического моделирования и эксперт-

ных оценок авторов статьи. На основе сделанных прогнозов авторами дана оценка бюджетной потребности в дополнительных финансовых ресурсах с учетом обеспечения ненефтегазового баланса федерального бюджета, а также его финансовой устойчивости в текущей ситуации в сравнении с предыдущими кризисными периодами.

Ключевые слова: *федеральный бюджет, нефтяные цены, валютный курс, девальвация, выпадающие доходы бюджета, базовые нефтегазовые доходы, ненефтегазовый баланс.*

JEL: E60, H50, H53, H61.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10028

В настоящее время глобальным фактором, определяющим рецессионный сценарий развития мировой экономики, является коронавирусная пандемия и карантинные меры по предотвращению ее распространения. Российская экономика по итогам 2020 г., согласно прогнозу МВФ, сократится на 5,5% после роста на 1,3% в 2019 г.¹ Свой «вклад» в отрицательную динамику ВВП России вносит не только коронавирус, но и ситуация на мировом рынке нефти, которая по-прежнему является определяющей для функционирования российской экономики с ее неизменной сырьевой направленностью. Формирование доходной части федерального бюджета также во многом определяется ситуацией на мировом нефтяном рынке.

Высокая восприимчивость доходов федерального бюджета к изменению внешней конъюнктуры, как и при кризисах 1997, 2008, 2014 гг., несмотря на бюджетное правило, делает актуальным прогноз в отношении выпадающих объемов бюджетных доходов и оценку влияния на них мировых цен на нефть и валютного курса. Безусловно, уровень неопределенности, связанный со скоростью и масштабностью распространения коронавируса, дальнейшим падением мировых нефтяных цен, сжатием потребительского спроса (в т. ч. и на углеводороды) на фоне резкого сокращения реальных доходов населения, фактической остановки бизнеса во многих странах снижает степень достоверности любых макроэкономических прогнозов. Тем не менее возьмем на себя смелость оценить степень влияния указанных факторов на объемы нефтегазовых и ненефтегазовых доходов федерального бюджета до конца 2020 г.

Сценарии динамики мировых нефтяных цен

Риски сохранения низких мировых нефтяных цен, т. е. ниже уровня 42,45 долл./ барр., заложенного при формировании базовых нефтегазовых доходов федерального бюджета Российской Федерации в 2020 г. по-прежнему остаются наиболее существенными. Это обусловлено

¹ www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020 (дата обращения: 17.04.2020).

значительным их воздействием не только на объемы добычи и экспорта сырой нефти, но и влиянием на объем и динамику валового внутреннего продукта, иностранных инвестиций в российскую экономику, поступлений от внешней торговли, курс национальной валюты и, как следствие, на объем доходов федерального бюджета и бюджетной системы в целом.

Анализ динамики цен на нефть за последние 20 лет свидетельствует об их высокой волатильности. Периоды постепенного подъема цен сменяются их резким падением (табл. 1). Снижение среднегодовых мировых цен на нефть с 68,35 до 61,41 долл./барр. в последние два года было обусловлено, во-первых, наметившимся замедлением развития мировой экономики и, во-вторых, превышением предложения сырой нефти над спросом.

В 1 квартале 2020 г. произошло резкое падение средних мировых цен на нефть: с 61,6 долл./барр. в январе до 32,2 долл./барр. в марте [13]. Это было вызвано одновременным сокращением спроса на нефть из-за пандемии коронавируса, с одной стороны, и ростом предложения нефти, с другой, спровоцированного выходом России из соглашения ОПЕК об ограничении добычи сырой нефти.

Цена на российскую нефть марки Urals обвалилась с более чем 40 долл./барр. в начале марта до 13 долл./барр. в последние дни месяца (рис. 1). Уже в первый день апреля она обновила антирекорд, снизившись до 10,54 долл./барр. (минимальное значение с марта 1999 г.)². Для федерального бюджета важно отклонение среднемесячной цены нефти Urals от уровня 15 долл./барр., поскольку именно при такой цене обнуляется экспортная пошлина на нефть и почти обнуляется налог на добычу нефти.

В целом динамика мировых цен на нефть в 2020 г. будет определяться, как и ранее, соотношением спроса и предложения на рынке. Если спрос на нефть будет зависеть от скорости восстановления мировой экономики после отмены карантинных мер, повлекших резкое снижение деловой активности, ограничение мобильности населения, сокращение производства и объемов транспортных услуг, то объем предложения нефти – от уровня ее добычи и поставок на мировой рынок основными странами-производителями. Апрельское решение ОПЕК+ о сокращении добычи нефти странами-участниками как раз было основано на оценке снижения глобального спроса на углеводороды. Новая договоренность участников сделки ОПЕК+ предусматривает снижение добычи на 9,7 млн барр. в сутки в мае-июне текущего года, на 7,7 млн барр. в сутки – во втором полугодии, далее (до конца 2022 г.) – на 5,8 млн барр. в сутки.

² www.rbc.ru/business/02/04/2020/5e85a9909a7947d8b20fbcf4.

Таблица 1

Среднегодовая мировая цена сырой нефти (в долл./барр.)

Годы	Сырая нефть (в среднем)	Сырая нефть (марки Brent)	Сырая нефть (марки Dubai)	Сырая нефть (марки WTI)
1998	13,06	12,72	12,13	14,35
1999	18,07	17,81	17,17	19,24
2000	28,23	28,27	26,08	30,33
2001	24,35	24,42	22,71	25,92
2002	24,93	24,97	23,72	26,09
2003	28,90	28,85	26,74	31,11
2004	37,73	38,30	33,46	41,44
2005	53,39	54,43	49,29	56,44
2006	64,29	65,39	61,43	66,04
2007	71,12	72,70	68,37	72,28
2008	96,99	97,64	93,78	99,56
2009	61,76	61,86	61,75	61,65
2010	79,04	79,64	78,06	79,43
2011	104,01	110,94	106,03	95,05
2012	105,01	111,97	108,90	94,16
2013	104,08	108,86	105,43	97,94
2014	96,24	98,94	96,66	93,11
2015	50,75	52,37	51,18	48,71
2016	42,81	44,05	41,20	43,19
2017	52,81	54,39	53,12	50,91
2018	68,35	71,07	69,15	64,82
2019	61,41	64,03	63,18	57,01

Источник: [13].

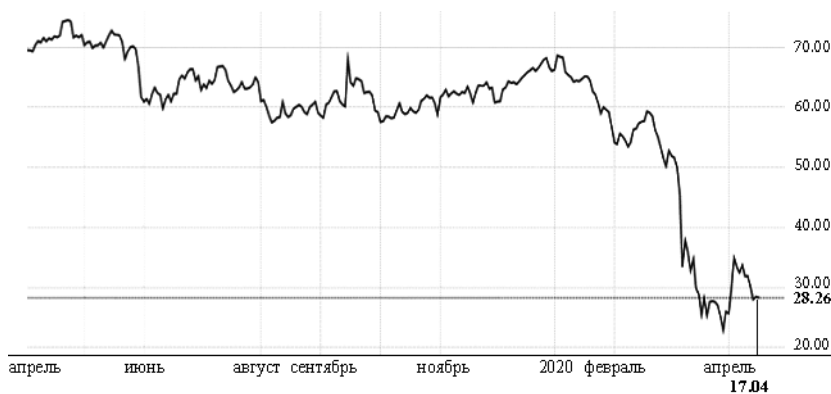

Рис. 1. Динамика цен на нефть Urals в период с 31.03.2019г. по 17.04.2020 г. (nefturals.ru (дата обращения: 17.04.2020)).

В оценках дальнейших тенденций изменения спроса на нефть аналитики расходятся. Так, ОПЕК ожидает падение спроса на 6,8 млн барр. в сутки³, Минэнерго России прогнозирует суточное снижение спроса около 8 млн баррелей⁴, Международное энергетическое агентство (МЭА) еще более пессимистично в своих оценках и прогнозирует сокращение спроса на рекордные 9,3 млн барр. в сутки⁵.

С учетом текущего соглашения ОПЕК+ совокупный объем добычи нефти Российской Федерацией в 2020 г. составит 483,2 млн барр. при выполнении ею взятых обязательств в полном объеме (см. выше). Таким образом, снижение объема добычи нефти в Российской Федерации в 2020 г. в сравнении с его величиной, заложенной при формировании федерального бюджета на этот же период (в 564 млн т), составит 80,8 млн т (или 14,3% прогнозировавшегося ранее объема). Это обусловит, в свою очередь, потери доходов федерального бюджета от налога на добычу полезных ископаемых по нефти в 280 млрд руб.⁶

Поскольку ограничения по добыче нефти странами – участниками ОПЕК+ до конца 2020 г. окончательно не ясны и усиливаются неопределенностью мирового экономического развития в условиях пандемии, для прогнозирования уровня нефтяных цен на мировом рынке в текущем году возможно рассмотреть несколько сценариев их формирования.

Негативный сценарий исходит из средней мировой цены нефти в диапазоне 10–20 долл./барр. Он может реализоваться в том случае, если пандемия коронавируса не прекратится до конца года или будет ее вторая волна, что в любом случае приведет к еще большему сокращению спроса на нефть (на транспорте, в производстве, при использовании личного автотранспорта и т. д.); если будут переполнены нефтяные хранилища; не будут выполнены (или выполнены не полностью) условия сделки ОПЕК+ участниками соглашения.

Поскольку в настоящее время мировая цена на нефть стала фактором конкурентной борьбы на рынке, давление на мировые цены для вытеснения с него крупных игроков может оказаться долгосрочным. Это с высокой вероятностью обуславливает реализацию негативного сценария в отношении динамики мировых цен на нефть.

³ www.finanz.ru/novosti/aktsii/tass-opek-ozhidaet-v-2020-g-silneyshego-v-istorii-padeniya-sprosa-na-neft-na-6-8-mln-barreley-v-sutki-v-aprele-padenie-sostavit-20-mln-b-s-otchet-1029098578 (дата обращения: 17.04.2020).

⁴ minenergo.gov.ru/node/17607 (дата обращения: 16.04.2020).

⁵ www.vedomosti.ru/business/articles/2020/04/15/828131-mea-sprognozirovalo?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 16.04.2020).

⁶ Рассчитано авторами по формуле НДПИ без учета корректирующих коэффициентов по состоянию на апрель 2020 г. при $K_c = 3,768$.

Умеренный сценарий возможен при *средней цене нефти на уровне 30–35 долл. за баррель* и предполагает: параметры сделки ОПЕК+ выполняются всеми участниками полностью; пандемия коронавируса идет на спад во втором полугодии 2020 г.; восстановление потребительского спроса также будет происходить со второго полугодия, по мере возобновления производственной деятельности и транспортного сообщения. Этот сценарий ценовой динамики на рынке углеводородов будет иметь место при условии возобновления экономической активности в мире не позднее второго полугодия 2020 г.

Позитивный сценарий возможен при *средней цене нефти 40–45 долл./бarr.* и основан на следующих условиях: параметры сделки ОПЕК+ выполняются всеми участниками в полном объеме, соблюдаются договоренности в рамках G20; пандемия прекращается во второй половине года; объемы потребительского спроса, производства в промышленности и перевозок на транспорте восстанавливаются до уровня 2019 г. В последующем, по мере выхода мировой экономики из рецессии, цены на нефть будут расти.

Валютные горизонты рубля

Валютный курс оказывает непосредственное влияние на формирование как нефтегазовых, так и ненефтегазовых доходов федерального бюджета. Несмотря на то, что валютный курс сегодня относится к тем показателям, динамика которых является наименее предсказуемой, выявление и мониторинг группы наиболее явных курсообразующих факторов необходимы для формирования адекватных стратегий не только бюджетной, но и государственной финансовой политики в целом в моменты реализации рисков нестабильности [1].

Ключевыми факторами динамики курса российского рубля были и остаются состояние национального платежного баланса и национальной экономики. Через детализацию характеризующих их показателей можно конкретизировать и источники влияния на валютный курс рубля.

Реакция рынков на распространение коронавирусной инфекции обусловила глобальный спад производства, нарушение цепей экономических взаимосвязей, ценовые шоки на товарных рынках, финансовые дисбалансы, что негативно сказалось на результирующих позициях платежного баланса Российской Федерации [5]. Несмотря на то, что пандемический фактор стал причиной ослабления связи между нефтяными котировками и курсовой динамикой мировых валют, для нашей страны конъюнктура мировых рынков товаров российского экспорта, в первую очередь, конечно, рынка нефти, оказывает доминирующее влияние на состояние национального платежного баланса и, как следствие, на валютный курс рубля.

Итогом падения мировых нефтяных цен стало ухудшение показателей платежного баланса России. Профицит российского торгового баланса, как основного показателя счета текущих операций платежного баланса Российской Федерации, в I квартале 2020 г. составил 32,1 млрд долл. США, что почти на 20% ниже показателей IV квартала 2019 г. Примерно в такой же степени за этот период изменились консолидированные показатели экспорта и импорта, а экспорт сырой нефти упал на 18,4%, нефтепродуктов – на 16,9%, природного газа – на 32,7%⁷.

Платежный баланс Российской Федерации демонстрирует и отток иностранного капитала с российского рынка. Известно, что инвестиционная привлекательность рубля, как источника относительно высокой доходности для инвесторов на фоне падения доходности активов на рынках развитых стран, обусловлена его волатильностью. Но в кризисных условиях рубль «проседает» настолько глубоко, что потери инвесторов превышают ожидаемую доходность по рублевым активам. Это становится причиной масштабного вывода иностранных капиталов с российского рынка. Чистый отток капитала с российского рынка в I квартале 2020 г. составил 17 млрд долл. США, что соответствует $\frac{3}{4}$ выведенного из страны капитала за весь 2019 г. Несопоставимо малы в I квартале 2020 г. по сравнению с предыдущим годом и прямые иностранные инвестиции – 200 млн долл. США против 28,691 млрд долл. за 2019 г. в целом и 10,319 млрд долл. США – в IV квартале 2019 г.⁸

Динамика курса рубля логично отреагировала на сокращение поступлений на внутренний валютный рынок и бегство капитала (рис. 2). Только в марте 2020 г. снижение валютного курса составило 18,4%, а его вмененная волатильность, исходя из цен трехмесячных опционов, составила 24,9%. При этом курсы мировых валют, представляющих сильные экономики, и в текущих кризисных обстоятельствах остаются относительно стабильными.

Макроэкономическая база не в состоянии оказать поддержку курсу российской национальной валюты. По итогам 2019 г. темпы роста российского ВВП составили 1,3%⁹. Это – минимальное значение с 2016 г. В течение последнего года замедлилось развитие базовых отраслей, снизились инвестиционная и потребительская активность. Отечественный финансовый рынок России отличается неустойчивостью и узостью. Высоки риски, связанные со структурными дисбалансами в российской экономике и отсутствием диверсифицированного экспорта и др.

⁷ Рассчитано авторами по: данные Банка России. www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs (дата обращения: 18.04.2020).

⁸ Рассчитано авторами по: данные Банка России. www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs (дата обращения: 18.04.2020).

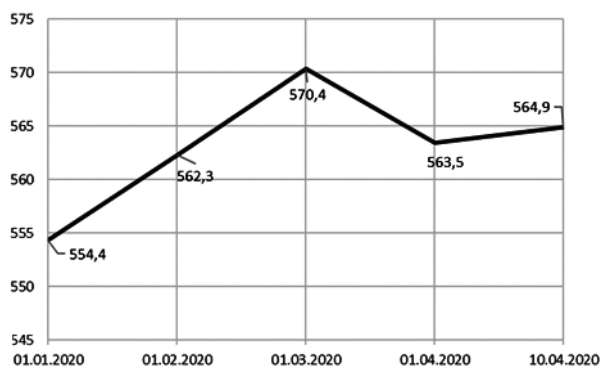
⁹ Росстат. showdata.gks.ru/report/280029.

Источник: составлено авторами по: данные Банка России. www.cbr.ru/statistics/acro_itm/svs (дата обращения: 18.04.2020).

Рис. 2. Динамика валютного курса рубля в 2020 г., долл./руб.

Для современного тренда курса рубля характерна не только его очевидная девальвационная направленность, но и всплеск его волатильности. Курсовые котировки рубля во многом определялись балансом спроса и предложения на российском валютном рынке. В марте 2020 г. объем покупок иностранной валюты нерезидентами и дочерними организациями составил 314,3 млрд руб., что превышает аналогичный показатель конца 2014 г. после девальвации рубля, а также примерно вдвое больше, чем показатель апреля 2018 г. после расширения анти-российских санкций¹⁰.

Источник: составлено авторами по: данные Банка России. www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs (дата обращения: 18.04.2020).

Рис. 3. Международные резервы Российской Федерации в 2020 г., млрд долл.

¹⁰ Рассчитано авторами по: данные Банка России. www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs (дата обращения: 18.04.2020).

В этих условиях важны меры поддержки национальной валюты мегарегулятором. Банк России прекратил покупки иностранной валюты в рамках бюджетного правила и увеличивает продажи иностранной валюты на внутреннем валютном рынке. Международные резервы России как гарантия обеспеченности валютного курса рубля пока стабильны (см. рис. 3). Приемлемым является и уровень их достаточности – 16 месяцев. Однако изменение этого показателя в случае направления определенной части международных резервов на стабилизацию российской экономики может стать негативным сигналом для участников валютного рынка и усилить понижительные курсовые тенденции.

Таким образом, факторы платежного баланса и фундаментального развития экономики в средне- и краткосрочной перспективе будут оказывать выраженное давление на курс рубля в сторону понижения. Механизмы государственного воздействия на российский валютный рынок в определенной мере смогут затормозить этот девальвационный процесс.

Мировая цена нефти, курс рубля и нефтегазовые доходы федерального бюджета: танго втроем

В марте-апреле 2020 г. реализовался негативный сценарий в отношении формирования нефтегазовых доходов федерального бюджета, который можно с уверенностью назвать «двойным нефтяным шоком» – падение мировых нефтяных цен с одновременным сокращением объемов добычи нефти. Так, в 2020 г. средняя мировая цена нефти в марте снизилась по сравнению с январем более чем на 50%. Объем экспорта нефти из России за I квартал 2020 г. сократился на 2,5% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. (или на 11,4% к его прогнозируемому объему за 2020 г.).

Снижение мировой цены на нефть в современных условиях попрежнему является наиболее существенным фактором недополучения федеральным бюджетом России нефтегазовых доходов, как и в предыдущие кризисные периоды в 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг. Так, падение среднегодовой мировой цены нефти в 2009 г. на 34,5% (до 67,26 долл/барр.) в сравнении с ее величиной в 2008 г. (102,64 долл/барр.) привело к сокращению нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2009 г. на 1,7 трлн руб. против их утвержденной в законе о федеральном бюджете величины [10]. В 2015 г. снижение среднегодовой мировой цены на нефть на 50,1%, или в 2 раза, в сравнении со средней ценой в 2014 г. (до 53,3 долл. со 106,7 долл/барр.) обусловило выпадение нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2015 г. на 1,8 трлн руб. [11].

В этой связи актуальной является прогнозная оценка объемов:

1) выпадающих *нефтегазовых доходов* федерального бюджета в 2020 г. при различных среднегодовых значениях мировой цены нефти марки Urals и курса доллара к рублю в сравнении со значениями указанных показателей, используемых при расчете законодательно утвержденных доходов федерального бюджета (т. е. при среднегодовой цене на нефть марки Urals 57,7 долл. / барр. и среднегодовом курсе доллара 63,9 руб.) [12];

2) выпадающих *базовых нефтегазовых доходов* при снижении цены на нефть марки Urals ниже базового уровня, составляющего в 2020 г., согласно бюджетному правилу, 42,45 долл./ барр.¹¹ (см. табл. 2).

Наша оценка основана на расчетной зависимости, при которой снижение цен на нефть марки Urals на 1 долл. приводит к выпадению более 2 млрд долл. нефтегазовых доходов федерального бюджета¹².

Расчеты показывают, что в 2020 г. сохраняется высокая зависимость нефтегазовых доходов федерального бюджета от колебания мировых цен на нефть. При этом, чем ниже мировая цена нефти, тем это более очевидно: так, при цене на нефть 35 долл./барр. выпадающие нефтегазовые доходы федерального бюджета в 2020 г. составят около 2,5 трлн руб. (или 12% утвержденного в законе о бюджете объема [12]), а при ценах нефти в 20–25 долл./барр. – около 3,0 трлн руб. (или более 14% совокупных доходов). Ослабление курса рубля, которое усиливается снижением мировой цены на нефть, лишь частично компенсирует выпадающие нефтегазовые доходы (см. табл. 2).

Объем выпадающих базовых нефтегазовых доходов федерального бюджета, т. е. доходов, сформированных при средней мировой цене нефти марки Urals ниже базовой (42,45 долл./барр. в 2020 г.) и требующих компенсации из Фонда национального благосостояния (ФНБ), значительно скромнее (последняя строка табл. 2): при цене нефти около 35 долл./барр. из ФНБ потребуется компенсировать чуть более 800 млрд. руб.; при цене в 20 долл./барр. – 1,8 трлн руб., а менее 20 долл. – уже больше 2,0 трлн руб. Значения нашего прогноза в целом совпадают с показателями прогноза выпадающего объема базовых нефтегазовых доходов при различной продолжительности «нефтяного шока», представленного Министерством финансов Российской Федерации [4, с. 48].

По данным Министерства финансов РФ, по состоянию на 1 апреля 2020 г. объем ликвидных активов Фонда национального благосо-

¹¹ Без учета механизма демпфера в отношении налогообложения нефтеперерабатывающего сектора, который позволяет федеральному бюджету получать дополнительные поступления от нефтяных компаний при падении цены нефти марки Urals ниже 55 долл./барр.

¹² <https://1prime.ru/experts/20200318/831100191.html> (дата обращения: 18.04.2020).

Таблица 2

Оценка выпадающего объема нефтегазовых доходов федерального бюджета России в 2020 г. при изменении мировой цены на нефть и валютного курса доллара (без учета механизма демпфера), млрд руб.

Показатели	Параметры, заложенные в федеральный бюджет на 2020 г.	Прогноз 1	Прогноз 2	Прогноз 3	Прогноз 4	Прогноз 5	Прогноз 6
Мировая цена нефти марки Urals, в долл. за барр.	57,7	40	35	30	25	20	10
Потери нефтегазовых доходов (от их уровня при средней мировой цене нефти в 57,7 долл. за барр.), млрд долл.	–	– 35,4	–45,4	–55,4	–65,4	–75,4	– 95,4
Курс долл. к рублю	63,9	70,6	73	78	83	88,6	90,0
Выпадающие нефтегазовые доходы, руб.	–	–2262	–2901	–3540	–4179	–4818	– 6 096
Дополнительные нефтегазовые доходы от снижения курса рубля, руб.	–	+ 237	+ 413	+ 781	+1249	+1862	+ 2 681
Выпадающие нефтегазовые доходы, скорректированные на курс доллара к рублю, руб.	–	–2025	–2488	–2759	–2930	–2956	– 3 415
Выпадающие базовые нефтегазовые доходы (от их уровня при базовой мировой цене нефти марки Urals в 42,45 долл. за барр.), млрд долл.	–	–4,9	–14,9	–24,9	–34,9	–44,9	– 64,9
Выпадающие базовые нефтегазовые доходы, руб.	–	–313	–952	–1591	–2230	–2869	– 4 147
Выпадающие базовые нефтегазовые доходы, скорректированные на курс доллара, руб.	–	–280	–817	–1240	–1564	–1760	– 2 323

Источник: рассчитано авторами.

стояния (средства на банковских счетах в Банке России) составил 11 095,2 млрд руб., или 142,7 млрд долл. Если прогноз относительно закрепления мировой цены нефти на новом среднесрочном рубеже сохранится в диапазоне 30–35 долл./барр., при ежегодной индексации базовой цены нефти, используемой в бюджетном правиле при расчете базовых нефтегазовых доходов федерального бюджета, объем расходования ФНБ в 2020 г. составит 25–15 млрд долл. соответственно, в 2021 г. – 26,5–16,5 млрд долл., в 2022 г. – 28–18 млрд долл. Таким образом, за 3 года бюджетного цикла его величина может сократиться по верхней границе замещения выпадающих базовых нефтегазовых доходов более чем на 55%.

Определенную поддержку нефтегазовым доходам федерального бюджета в 2020 г. в части компенсации потерь от сокращения поступлений экспортных пошлин и налога на добычу углеводородов будет оказывать прогнозируемое ослабление валютного курса рубля.

Фундаментальные факторы тянут вниз ненефтегазовые доходы федерального бюджета

Однако прогнозной оценки выпадения только нефтегазовых доходов будет явно недостаточно для отражения общего объема потерь федерального бюджета. В этой связи проведем факторную оценку возможного объема *выпадающих ненефтегазовых доходов федерального бюджета*, прежде всего – их налоговых источников.

На поступление ненефтегазовых налоговых доходов, которые в первую очередь формируются за счет налога на добавленную стоимость (около 58% всех ненефтегазовых доходов), будут влиять следующие факторы:

- 1) замедление инвестиционной активности и как следствие – падение инвестиций в основной капитал;
- 2) снижение прибыли прибыльных организаций;
- 3) рост курса доллара;
- 4) существенное сжатие потребительского спроса¹³;
- 5) повышение темпов инфляции под влиянием девальвации рубля и дефицита товарного предложения.

Проведем прогнозную оценку изменения указанных факторов до конца 2020 г. Определяющим фактором, заметно влияющим на поступления ненефтегазовых доходов федерального бюджета, является *объем инвестиций в основной капитал* (рассчитанный нами коэффици-

¹³ Согласно мониторингу бизнес-среды, к концу 2020 г. ожидают снижение выручки в среднем на 24%. Также более трети предприятий (36%) ожидают снижения операционной прибыли в среднем на 21%. Треть компаний ожидают снижения числа сотрудников и уровня заработных плат – в среднем на 20%, 29% компаний говорят, что спрос на их конечную продукцию снизится в среднем на 22% [6].

ент парной корреляции между указанными показателями составляет 0,957). Как правило, инвестиции в основной капитал распределены по году неравномерно: на I квартал приходилось в среднем 13,5% годового объема, тогда как на IV квартал – 41,2%. В текущем, 2020 г. I квартал имеет шансы стать наименее пострадавшим в плане сокращения объема инвестиций. Принимая во внимание нормальный режим функционирования экономики в январе–феврале 2020 г., а также продолжающуюся работу строительного комплекса, по итогам I квартала 2020 г. можно ожидать близкий к нулевому рост инвестиций по сравнению с I кварталом 2019 г. (2,5–2,7 трлн руб. в текущих ценах).

Во втором полугодии, скорее всего, сохранятся устойчивые предпосылки к снижению динамики инвестиций ввиду замедления экономической активности. Этому будет способствовать:

1) производственная нецелесообразность. По итогам 2019 г. добыча нефти и газа, обрабатывающие производства, транспортировка и хранение обеспечивали практически половину всего объема инвестиций в основной капитал (49,2%) [8]. Эти виды деятельности существенно затронуты локдауном, а будущие объемы инвестиций будут зависеть от темпов их восстановления вслед за восстановлением спроса;

2) финансовые ограничения. На долю банковских кредитов в 2019 г. приходилось 8,7% средств, инвестированных в основной капитал [8]. Поэтому ожидающееся замедление роста темпов кредитования реального сектора будет не самым значительным фактором замедления инвестиционной активности. Более 50% всех инвестиций в основной капитал (57,1% по итогам 2019 г. [8]) профинансировано собственными средствами компаний – наиболее чувствительным к кризисным проявлениям источником. Еще 15–16% источников приходятся на бюджетные инвестиции [8]. Совокупное воздействие финансовых ограничений на снижение объемов инвестиций в течение 2020 г. оценивается нами в 10%¹⁴, в том числе за счет переноса финансирования инвестиций на более поздние периоды.

Прогнозируемая авторами динамика инвестиций в основной капитал по позитивному сценарию восстановления российской экономики представлена в табл. 3.

Поддержку позитивному сценарию динамики инвестиций в основной капитал в 3–4 кварталах 2020 г. может оказать жилищное строительство, нефтегазовый сектор, агропромкомплекс, IT-инфраструктура. В пользу такого варианта развития событий свидетельствуют продолжающееся смягчение денежно-кредитной политики, анонсированные

¹⁴ Экспертная оценка дана на основе проведенных одним из авторов статьи персональных интервью представителей финансового и реального секторов экономики при подготовке материалов для данной статьи.

Таблица 3

Прогноз динамики инвестиций в основной капитал в условиях позитивного сценария

Период	2019 г. факт млн руб. [9]	2020 г. (прогноз) млн руб.	Темп прироста, % к 2019 г.	Метод оценки
1 квартал	2 688 500,0	2 662 876,1	–1,0	Экстраполяция
2 квартал	4 094 800,0	3 275 840,0	–20,0	Экспертная оценка
3 квартал	4 945 800,0	4 451 220,0	–10,0	Экспертная оценка
4 квартал	7 589 700,0	7 210 215,0	–5,0	Экспертная оценка
Итого за год	19 318 800,0	17 600 151,1	–8,9	Расчетное значение

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 4

Прогноз динамики инвестиций в основной капитал в условиях пессимистичного сценария

Период	Средняя мировая цена барреля URALS, долл., оптимистичный сценарий	Инвестиции в основ- ной капи- тал, млн руб.	Темп прироста, % к 2019 г.
1 квартал 2020	49,00 (факт)	2 423 524,4	–9,9
2 квартал 2020	30,00 (экспертная оценка)	2 043 124,0	–50,1
3 квартал 2020	35,00 (экспертная оценка)	3 255 089,9	–34,2
4 квартал 2020	40,00 (экспертная оценка)	5 442 768,0	–28,3
Итого за год	–	13 164 506,3	–31,9
(с поправкой на ошибку прогноза)		13 869 642,5	–28,2

Источник: рассчитано авторами.

меры поддержки жилищного строительства, а также поступающие сигналы о разработке правительством планов снятия ограничений с бизнеса.

При негативном варианте развития событий возможно повторение и «превышение» результата 2009 г., когда инвестиции сократились на 9,2% в сравнении с 2008 г.

Для моделирования такого варианта была построена экспресс-модель отклика инвестиций в основной капитал на изменение мировой цены барреля нефти Urals (см. табл. 4). Используемая модель отклика строилась на ретроспективных данных о средней мировой

цене барреля нефти марки Urals за период 2011–2019 гг. Тестирование модели на данных 2019 г. показало достоверность получаемых с помощью нее результатов (ошибка прогноза составила 3,6% в меньшую сторону). С учетом значительного снижения мировых цен на нефть марки Urals в прогнозируемый период наш прогноз по инвестициям в основной капитал можно оценивать как пессимистичный.

Основываясь на прогнозах значений среднегодовой мировой цены нефти до конца 2020 г. и в среднесрочном периоде на уровне от 27 долл./барр. [3] до 35 долл./барр. [2], полагаем, что динамика инвестиций в основной капитал в российской экономике будет зависеть от темпов восстановления ее «нефтегазовых» секторов.

Другим немаловажным фактором формирования ненефтегазовых доходов федерального бюджета является *объем прибыли прибыльных организаций* (коэффициент парной корреляции составляет 0,961). Снижение объемов прибыли организаций в 2020 г. будет определяться не только общим спадом в национальной и мировой экономиках ввиду принятых карантинных мер, но и девальвацией рубля, а также потерей доходов от экспорта нефтяными компаниями. В базовом сценарии развития ситуации с коронавирусом, согласно прогнозу Института исследований и экспертизы ВЭБ РФ, по итогам 2020 г. сильнее всего из ненефтяных отраслей пострадают гостиничный бизнес и сфера общественного питания (–22,2%), культура и спорт (–21,2%), транспорт (–10,6%), оптовая и розничная торговля (–4,3%) [5]. Доля указанных отраслей в общем объеме прибыли российских организаций в 2018–2019 г., исключая торговлю, составляла менее 0,5% [9], следовательно, снижение прибыли в них не окажет существенного влияния на общий объем прибыли организаций. На долю оптовой и розничной торговли в 2018–2019 гг. приходилось соответственно 16,6% и 19,2% общей прибыли российских организаций. В нефтяном секторе, на долю которого в суммарной прибыли российских организаций приходилось в 2018 г. – 22,8%, а в 1 полугодии 2019 г. – 15,7%, по итогам 2020 г. сокращение чистой прибыли может составить от 54% до 100% (при средней мировой цене нефти в 30 долл./барр.) от ее прогнозного уровня¹⁵. В силу этого наш прогноз по общему снижению прибыли прибыльных организаций, исходя из структуры прибыли по видам экономической деятельности в 2018–2019 гг., при позитивном сценарии развития экономики составит 9,7–10%, при негативном – 18–20%.

Еще одним фундаментальным фактором, влияющим на ненефтегазовые доходы федерального бюджета, является *инфляция*. Ее влияние происходит через поступления косвенных налогов (НДС и акци-

¹⁵ Агентство экономической информации Прайм. 1prime.ru/experts/20200320/831114271.html (дата обращения: 18.04.2020).

зов), объем которых определяется в том числе ценовой составляющей. В этой связи логично предположить, что повышение инфляции, отражаясь на росте цен, формирует дополнительную инфляционную составляющую нефтегазовых доходов федерального бюджета. Целевое значение инфляции, заложенное при формировании параметров федерального бюджета в 2020 г. [12], составляет 3%. Однако девальвация рубля в марте-апреле 2020 г. может дать дополнительный инфляционный эффект в годовом выражении в 1,2–1,3 п. п., повысив инфляцию с уровня февраля-марта 2020 г. в 2,3–2,5% до 3,5–3,8% в конце года. В случае дальнейшего снижения курса рубля к доллару (выше 80 руб./долл.) инфляция может увеличиться до 4,7–5,0%.

Неоднозначное влияние на объем нефтегазовых доходов федерального бюджета оказывает *валютный курс*. Более высокий, чем был заложен в макропрогноз на 2020 г. при утверждении закона о федеральном бюджете, номинальный курс доллара увеличивает лишь некоторые нефтегазовые доходы: прежде всего это относится к импортным пошлинам и НДС на ввозимые товары. В целом рост курса доллара негативно сказывается на нефтегазовых доходах федерального бюджета, сокращая их ввиду снижения спроса на импортируемые товары и услуги.

Для моделирования объема выпадающих нефтегазовых доходов федерального бюджета в зависимости от изменения указанных выше факторов был проведен регрессионный анализ, по результатам которого выявлено три наиболее значимых фактора: объем инвестиций в основной капитал, прибыль прибыльных организаций и темпы инфляции. Коэффициент линейной детерминации (*R*-квадрат) по результатам регрессии составил 0,983, что свидетельствует об адекватности построенной регрессионной модели и наличии высокой зависимости между анализируемыми параметрами.

На основе нашей экспертной оценки изменения указанных факторов в 2020 г. спрогнозирован объем выпадающих нефтегазовых доходов федерального бюджета. При сокращении инвестиций в основной капитал и прибыли прибыльных организаций соответственно на 6,9% и 10% (см. табл. 4) и сохранении инфляции в пределах целевого уровня Банка России (4%), объем выпадающих доходов федерального бюджета составит 2,07 трлн руб. (или 15,8% к их утвержденному в законе о бюджете объему [12]). В случае сокращения инвестиций в основной капитал на 11,1% и прибыли прибыльных организаций на 20% при прогнозной инфляции в 5% выпадающие нефтегазовые доходы федерального бюджета составят 2,82 трлн руб. (или 21,6% к утвержденным в законе значениям).

Таким образом, на основе проведенных расчетов общий объем совокупных потерь доходов федерального бюджета в 2020 г. к их объему, сформированному при средней мировой цене на нефть в 57,7 долл./барр.,

курсе доллара 63,9 руб. и темпах роста ВВП 1,9%, составит от 4,6 до 5,7 трлн руб. (или от 4% до 5% ВВП). В 2009 г. выпадающие доходы федерального бюджета в результате мирового финансового кризиса составили 3,8 трлн руб., или 9,2% ВВП, в т. ч. 4,4% – нефтегазовых доходов, 4,8% – ненефтегазовых доходов. Как видим, выпадающие доходы федерального бюджета в 2020 г. относительно ВВП могут быть в два раза меньше, чем в 2009 г.

При утвержденных расходах федерального бюджета в 19,7 трлн руб., возросших в результате внесения поправок в закон о федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 гг. в марте 2020 г. [12], структурный дефицит федерального бюджета с учетом рассчитанных выше потерь может составить от 3,3% до 4,2% ВВП (в 2009 г. он составил 5,9% ВВП). Ненефтегазовый дефицит также увеличится – с запланированных в 2020 г. 5,8% ВВП до 9,8%–10,8% ВВП (в 2009 г. он составлял 13,5% ВВП) [10]).

Рассчитанный выше объем выпадающих доходов федерального бюджета с учетом частичной их компенсации из ФНБ в 2020 г. (от 0,8 до 1,8 трлн руб. в зависимости от средней мировой цены на нефть) формирует потребность в дополнительных финансовых ресурсах, которая может составить от 0,9 до 2,3 трлн руб. На такую сумму следует ожидать рост государственных внутренних заимствований на рынке гособлигаций. Существующий запас по лимиту государственного долга России относительно ВВП, текущее значение которого по итогам I квартала 2020 г. составило 14,6%, в сравнении с его экономически безопасным уровнем (20% к ВВП), установленным на период 2020–2022 гг.¹⁶, позволяет сделать это без нарушения целевых показателей.

Выводы

Проведенный анализ прогнозных значений доходов федерального бюджета в 2020 г. показал, что их формирование будет происходить в условиях новой макроэкономической реальности, характеризующейся высокой неопределенностью сценарных условий развития как в отношении внутренних, так и в отношении глобальных факторов. Сохраняющиеся рецессионные риски мировой и российской экономики, определяющие устойчивый тренд на сокращение инвестиционной и потребительской активности экономических агентов и, как следствие, сокращение доходов бюджетных систем, с высокой вероятностью сохранятся до конца 2020 г.

¹⁶ См. Паспорт государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков». www.minfin.ru/ru/performance/budget/govprog/gosfin (дата обращения: 18.04.2020).

Как следует из приведенных выше расчетов, за 10,5 лет, прошедших с начала мирового финансового кризиса в 2008 г., за счет введения бюджетного правила и компенсационного механизма выпадающих нефтегазовых доходов из накопленных резервов нефтегазовая устойчивость федерального бюджета России заметно повысилась. Зависимость сбалансированности федерального бюджета от цен на нефть существенно снизилась после модернизации бюджетного правила в 2017 г. Если в 2013–2014 гг. первичная балансировка федерального бюджета (т. е. без учета его процентных расходов) осуществлялась при цене нефти на уровне 100–120 долл./барр., то в 2018 г. она сократилась до почти 45 долл./барр. [4, с. 10].

При закреплении мировых цен на нефть на уровне менее 20 долл./барр. в течение 2020 г., что соответствует негативному сценарию развития, неизбежно значительное ослабление валютного курса рубля. В таких условиях наиболее целесообразным вариантом реализации валютной политики российским мегарегулятором представляется плавная девальвация рубля за счет использования международных резервов Банка России, что позволит избежать шоковых последствий для российского населения и бизнеса.

Для федерального бюджета такой способ девальвации рубля позволит компенсировать значительный объем его выпадающих нефтегазовых доходов. С учетом необходимости реализации Правительством РФ антикризисных мер посредством увеличения расходов федерального бюджета, сценарий частичной компенсации его выпадающих доходов за счет снижения валютного курса рубля видится нами как наиболее вероятный.

В условиях высокой неопределенности конъюнктуры рынка углеводородов основную поддержку доходам федерального бюджета в среднесрочном периоде смогут оказать скорость и объемы восстановления покупательной и предпринимательской активности населения и бизнеса, зависящие, в свою очередь, от объемов и качества мер финансовой поддержки, предусмотренных антикризисной программой Правительства России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитическая записка Департамента исследований и прогнозирования Банка России. Валютный курс и конкурентоспособность экономики. 2017, май. №6. www.cbr.ru/Content/Document/File/16752/analytic_note_06.pdf.
2. Аналитическое кредитное рейтинговое агентство. Экономика РФ: уточнение прогноза до 2024 года. www.acra-ratings.ru/research/1769.
3. Банк России. Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 24 апреля 2020 г. cbr.ru/Collection/Collection/File/27833/forecast_200424.pdf.

4. Бюджетный прогноз Российской Федерации на период до 2036 года. Минфин РФ. М., 2019. С. 10. www.minfin.ru/common/upload/library/2019/04/main/Budzhethnyy_prognoz_2036_1.pdf.
5. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования Банка России. О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. 2019, апрель. www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19700/bulletin_19-03.pdf.
6. Мониторинг бизнес-среды ЦСП: компании сокращают зарплаты и персонал, прогнозируется снижение ВВП. Материалы онлайн-конференции «Состояние деловой среды в России на фоне социально-экономических «шоков»». М., 2020, апрель. www.csr.ru/ru/news/monitoring-biznes-sredy-tssr-kompanii-sokrashchayut-zarplaty-i-personal-prognoziruetsya-snizhenie-vvp.
7. Тенденции развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможные антикризисные меры. 2020, апрель. ВЭБ. Институт исследований и экспертизы. www.inveb.ru/attachments/article/247/%20%D0%B8%20%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BC%D0%B5%D1%80~.pdf.
8. Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации по источникам финансирования. www.gks.ru/storage/mediabank/Inv-if.xls.
9. Федеральная служба государственной статистики. Россия в цифрах – 2019 г. gks.ru/bgd/regl/b19_11/Main.htm.
10. Федеральный закон «Об исполнении федерального бюджета за 2009 год» от 03.10.2010. № 255-ФЗ (последняя редакция). www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105504.
11. Федеральный закон «Об исполнении федерального бюджета за 2015 год» от 31.10.2016. № 377-ФЗ (последняя редакция). www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206543.
12. Федеральный закон от 02.12.2019. № 380-ФЗ (ред. от 18.03.2020). «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339305/22f32f8ea88351e8d76707a067f06a877b63edd6.
13. World Bank Commodity Price Data, April 03. 2020. www.worldbank.org/en/research/commodity-markets#1.

ABOUT THE AUTHORS

Grishin Viktor Ivanovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Rector@rea.ru

Grishina Olga Alekseevna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Finance and Prices of G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
GrishinaOA@rea.ru

Chalova Alla Yurievna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Prices of G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
TChalova.AY@rea.ru

Voronkova Elena Konstantinovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Prices of G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Voronkova.EK@rea.ru

Dolgova Maria Vladimirovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Prices of G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Dolgova.MV@rea.ru

Kolmakov Vladimir Vladimirovich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Financial Management, REU named after G.V. Plekhanova, Moscow, Russia
Kolmakov.VV@rea.ru

THE VIRUS WILL NOT BYPASS THE FEDERAL BUDGET: LOSSES OF REVENUES ARE INEVITABLE

The processes and trends, taking place in the global and national economies with the onset of the global pandemic in January of 2020, certainly have a negative impact not only on the incomes of individual and corporate business entities, but also on the revenues of state authorities. In the Russian Federation, the most significant amount of resources at the state level is concentrated in the federal budget. Given the importance of a balanced implementation of the federal budget for the timely and full financing of expenditure commitments, approved in it, it is important to understand how much of its income can be lost in the current adverse conditions. The article presents calculations of the volumes of shortfalls in oil and gas and non-oil and gas revenues of the federal budget, based on forecasting of indicators of the world oil market, the dynamics of the ruble exchange rate and on the volume of investments in fixed assets in the Russian economy. To predict the values of these factors, statistical models were used, as well as methods of mathematical modeling and expert assessments of the authors of the article. Based on the forecasts made, the authors assessed the budgetary need for additional financial resources, taking into account the non-oil and gas balance of the federal budget, as well as its financial stability in the current situation, in comparison with previous crisis periods.

Keywords: *federal budget, oil prices, exchange rate, devaluation, shortfall in budget revenues, basic oil and gas revenues, non-oil and gas balance.*

JEL: E60, H50, H53, H61.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В.П. ОБОЛЕНСКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ: РЕАКЦИЯ РОССИИ¹

В статье рассматривается влияние на внешнюю торговлю России основных внешних факторов, осложняющих ее развитие и развитие экономики в целом, – волатильности мировых цен, пандемии коронавируса, роста протекционизма, распространения торговых войн, нарастающей регионализации международной торговли, усиления геополитической напряженности и связанной с ним санкционной политики западных стран. Анализируются действия российского правительства и отечественного бизнеса, направленные на смягчение последствий от ухудшения условий внешней торговли. Обращается внимание на необходимость сохранения акцента на переориентации части торговых потоков с западных на другие страны, усиления поддержки экспорта, создания условий для расширения масштабов свободной торговли со странами дальнего зарубежья, сужения сферы импортозамещения.

Ключевые слова: мировая торговля, пляска цен, коронавирус, протекционизм, торговые войны, торговая политика России, поддержка экспорта, соглашения о свободной торговле, импортозамещение.

JEL: F13, F14, F15.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10029

В наших предыдущих исследованиях показано, что в последние годы международная торговая система – комплекс торговых отношений всех стран мира и унифицированных правил их регулирования, базирующихся на правовых документах ВТО, – испытывает возрастающее напряжение². За последние три года ситуация в мировой торговле

¹ Исследование выполнено в Институте экономики РАН за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 18-014-00032 «Новые факторы развития внешнеэкономических связей России: риски и возможности»).

² Автор уже писал об этом в своих более ранних работах: Оболенский В.П. Мировые цены: влияние на внешнюю торговлю России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 121–132; Оболенский В.П. Рост напряженности в международной торговле: риски для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 92–10.

не стала определенной. Конъюнктура на внешних рынках продолжает менять свои векторы, за повышением цен следует их снижение, очередной период которого начался в прошедшем году. Расширяется использование правительствами многих стран тарифных и нетарифных мер защиты своей экономики. Не окончились развязанные Соединенными Штатами торговые войны, с их стороны продолжают атаки на согласованный на многостороннем уровне порядок применения торгово-политических инструментов. В результате реальный объем мировой торговли товарами, по данным ВТО, в 2019 г. сократился на 0,1% по сравнению с предыдущим годом, объем торговли услугами вырос совсем незначительно – на 2%, а суммарный стоимостной объем торговли товарами и услугами уменьшился на 1,8% при сохранении положительной динамики глобального ВВП – 2,3% [1].

В начале текущего года и без того сложная ситуация в мировой экономике и торговле заметно обострилась: человечество столкнулось с небывалым вызовом – пандемией коронавируса. Она уже привела к негативным социально-экономическим последствиям: к снижению деловой активности во всем мире, приостановке работы предприятий или к их закрытию, синхронному сжатию глобального предложения и спроса, разрыву в цепочках поставок, к росту безработицы, вызвала снижение цен на нефть. Вслед за этим цены на «черное» золото обвалились еще больше – в результате развала сделки ОПЕК+, что грозит ухудшением ценовой конъюнктуры на рынках базовых товаров. Международные экономические организации и авторитетные аналитические центры, учитывая влияние данных факторов, считают вероятным сползание мировой экономики в рецессию, которая может оказаться более глубокой, чем в 2008–2009 гг., когда глобальный ВВП сократился почти на 2%.

Правительства большинства стран в спешном порядке принимают антикризисные меры, направленные на поддержку здравоохранения, малого бизнеса, туристических компаний и обслуживающей их инфраструктуры, авиаперевозчиков и предприятий других видов транспорта, банков и населения. Лидеры стран G20 в коммюнике по итогам удаленной встречи в конце марта объявили о решимости принять все необходимые меры для сохранения уровня занятости и финансовой стабильности, минимизации последствий коронавируса для торговли и цепочек поставок.

В данной статье анализируются изменения, имевшие место в развитии мировой торговли в последние два с половиной года и рассматривается комплекс мер, которые реализуются или могут быть приняты российским правительством для смягчения негативного влияния внешних факторов на отечественную внешнюю торговлю и экономику в целом.

Усиление существовавших рисков и влияние коронавируса

Пляска цен и пандемия коронавируса. В изменении стоимостных объемов международной торговли определяющую роль играет волатильность цен на мировых товарных рынках. Она отражает циклический рост мирового производства, взлеты и падения спроса на отдельные группы товаров и услуг, в том числе вследствие операций спекулятивного капитала на мировых биржевых площадках [2, с. 64]. Неравномерность ценовой динамики имела место и в последние десять лет. Цены на базовые товары (commodities), рухнувшие в ходе глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. более чем на 30%, относительно быстро восстановились. В 2011 г. они превысили уровень 2008 г., но впоследствии началось их глубокое падение, продолжавшееся вплоть до 2017 г. (более чем на 35% по сравнению с 2014 г.), которое вновь сменилось трехлетним ростом. При этом в прошедшем году цены на минеральное сырье, руды, металлы и топливо выросли, а на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие снизились (см. табл. 1).

Таблица 1

Индексы мировых цен на базовые товары, 2015 г. = 100

Группы товаров	2014 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Все базовые товары	156,8	90,6	106,4	123,4	114,2
Продовольственные товары	118,5	103,6	102,3	95,6	93,8
Сельскохозяйственное сырье	115,3	99,7	104,9	103,1	99,1
Минеральное сырье, руды и металлы*	120,7	104,6	116,4	117,8	125,1
Топливо	179,9	82,5	103,9	132,5	115,8

* – исключая топливо.

Источник: составлено автором по: Unctadstatdatabase. Free market commodity prices indices, annual (2015=100). unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=140863.

Периодические изменения мировых цен напрямую сказываются на динамике стоимостных объемов отечественного экспорта, вносящего ощутимый вклад в поддержание объемов производства, уровня занятости и доходов предприятий и населения. Экспорт в течение 2017–2018 гг. стремительно увеличивался (более чем на 25% ежегодно), но основным фактором его роста, как показывают данные таможенной статистики, выступало ежегодное 20%-е повышение контрактных цен на отечественные товары. В прошедшем году экспорт сократился

на 6% при почти таком же снижении средних цен – в течение первых трех кварталов цены падали на 5–7% (квартал к кварталу). Российский импорт в 2017 г. вырос на 25% при повышении цен на 7%, в 2018г. – на 5% (индекс цен – 3%) и в 2019 г. – на 2% (индексы цен квартал к кварталу – 97–99%)³. На стоимостные показатели импорта мировые цены оказывают менее заметное влияние: отсутствие производства на территории РФ нужного оборудования, комплектующих и сырья, а также низкое качество отечественной продукции вынуждают предприятия прибегать к закупкам за рубежом даже при обесценившемся рубле, сдерживающем рост импорта [3].

В начале текущего года значительно ухудшилась конъюнктура на мировом рынке нефти, но причиной этого стал не только рост ее запасов и избытка предложения, как это случалось прежде, а вспышка эпидемии коронавируса в Китае, который является ее крупнейшим потребителем, и распространение заболевания на азиатские, европейские и другие страны. Временное закрытие и остановка предприятий по всему миру ударили по спросу на энергоресурсы, нефтяные котировки неуклонно ползли вниз. За январь-февраль фьючерсы на нефть марки Brent подешевели почти на 30% – с 68 долл. за баррель на 6 января до 50 долл. за баррель на 2 марта. Эксперты надеялись, что падение носит кратковременный характер и цены пойдут вверх после намечавшегося продления действовавшего с ноября 2016 г. соглашения ОПЕК+, которое помогло стабилизировать рынок, снять с него давление излишних запасов, сблизить величины спроса на нефть и ее предложения. Однако неготовность основных нефтедобывающих стран – России и Саудовской Аравии – договориться о его продлении и дальнейшем ограничении добычи привела к дальнейшему снижению котировок – до 26долл. за баррель на 18 марта. И хотя в начале апреля новое соглашение членов ОПЕК и стран вне ОПЕК об ограничении добычи было достигнуто, нефтяные цены остаются низкими. Большинство экспертов не ожидают их повышения к концу года выше уровня 40–50 долл. за баррель. Очевидно, что невысокие цены на нефть спровоцируют новый виток падения мировых цен на все другие базовые товары, которые и без того, по октябрьскому (2019 г.) прогнозу Всемирного банка, в текущем году будут идти вниз⁴.

Состояние мирового рынка нефти представляет особую опасность для России. Глобальный спрос на нефть в апреле 2020 г., по оценке Международного энергетического агентства (МЭА), упал до минимума за последние 25 лет. На фоне разрушения спроса и наращивания

³ ФТС РФ. База данных TCBT. stat.customs.ru.

⁴ World Bank. Commodity markets outlook. October 2019. www.worldbank.org/commodities.

поставок мировыми производителями в предыдущие месяцы на рынке сформировалось избыточное предложение. Излишки закупаются по бросовым ценам, доступные мощности для хранения нефти (танкеры, трубопроводы и наземные хранилища) близки к заполнению. После выхода прогноза МЭА июньские фьючерсы на нефть марки Brent опустились на 4% – до \$28,4 за баррель⁵. Все это может привести к масштабному сокращению экспортных отечественных поставок энергоресурсов и других товаров, объемов валютных поступлений, новому ослаблению рубля и ограничению возможностей закупок продукции за рубежом.

Нынешняя понижительная конъюнктура на нефтяном рынке грозит повторением ситуации, имевшей место во внешней торговле России в 2014–2016 гг., когда поставлявшиеся за рубеж топливно-энергетические товары подешевели за три года на 42%. В результате этого экспорт по стоимости сократился на 46%, причем подавляющая часть этого падения (83,5%) пришлось на долю нефти, нефтепродуктов и природного газа [4, с. 38], суммарная стоимость поставок которых снизилась на 57%. Снижение цен на нефть не только привело к сокращению валютных поступлений от экспорта, но и повлекло за собой серьезное ослабление рубля, удорожание импортных товаров, увеличение темпов инфляции и ухудшение социально-экономического положения населения.

Протекционизм и торговые войны. Пляска цен происходит на фоне новой волны протекционизма. По данным ВТО, странами – членами организации в 2017 г. было принято 108 новых ограничительных мер, охвативших импорт объемом 79 млрд долл., в 2018 г. – 137 мер, распространившихся на импорт объемом 588 млрд долл., в 2019 г. – 102 ограничения, затронувших рекордный объем импорта – 747 млрд долл., что на 27% больше, чем в аналогичном предыдущем периоде. В число этих мер входили повышение тарифов, количественные ограничения, ужесточение таможенных процедур, а также введение налогов на импорт и экспортных пошлин. К концу 2019 г. упомянутые ограничения, включая принятые ранее, охватили 7,5% всего мирового импорта товаров (1,7 трлн долл. из 19,5) [5]. Неуклонно растет также число применяемых членами ВТО специальных мер защиты рынка – антидемпинговых и компенсационных пошлин, защитных мер. Если в 2016 г. введено в действие 201 такого рода ограничения, то в 2017 г. введенных мер было уже 219, в 2018 г. – 238, в первой половине 2019 г. – 113⁶.

⁵ РБК. Спрос на нефть в мире упал до уровня 1995 г. www.rbc.ru/economics/15/04/2020/5e96c3bc9a7947288e5b4d69.

⁶ WTO. Trade topics. Anti-dumping. Subsidies & countervail measures. Safeguard measures. www.wto.org.

Новая волна протекционизма серьезно затронула российских экспортеров. За последние четыре года количество национальных рынков, на которых в отношении отечественной продукции действуют различные ограничительные меры, выросло с 26 до 34, а число таких мер – со 110 до 190, то есть в 1,9 раза. В период 2016–2019 гг. на рынках других стран вступало в действие ежегодно в среднем 20 новых ограничений на экспортную продукцию России, наиболее активно они вводились в прошедшем году (см. табл.2).

Таблица 2

Ограничения в отношении российских товаров на рынках зарубежных стран, по состоянию на 1 января соответствующего года

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Ограничительные меры – всего	110	130	142	159	190
в т. ч. вновь введенные	13	20	12	17	31
Антидемпинговые меры	40	41	43	48	50
Компенсационные меры	1	1	1	1	1
Защитные меры	15	17	11	19	25
Прочие нетарифные меры	54	71	87	91	114
в т. ч. технические барьеры	9	10	16	12	18
санитарные и фитосанитарные меры	7	15	23	26	38
административные меры	21	28	21	23	30
Число стран, применивших ограничения	26	27	27	31	34

Источник: составлено автором по: Торговые ограничения. Портал внешнеэкономической информации. www.ved.gov.ru/rus_export/torg_exp.

В общем количестве ограничений три пятых приходится на прочие нетарифные меры – на санитарные и фитосанитарные меры, на технические барьеры, административные меры, рост которых внес основной вклад в увеличение общего количества ограничений. На долю специальных мер защиты рынка падает 40% всех применяемых мер. В начале прошлого года Минэкономразвития РФ оценивало ущерб от действовавших барьеров суммой 6,3 млрд долл. [6].

В усиление протекционизма в международной торговле внушительный вклад внесла американская администрация, развязавшая торговые войны со всем миром и избравшая своим оружием в них увеличение импортных пошлин на отдельные виды готовой продукции, а также на сталь и алюминий. Повышение Соединенными Штатами уровня тарифной защиты своего рынка подтолкнуло затронутые американскими мерами страны на введение ответных ограничений

в отношении продукции из США, вынудило экспортеров переориентировать поставки с американского рынка на другие страны и спровоцировало эти страны на ограничение импорта определенных товаров, произведенных не в Америке.

Основным объектом американского натиска в сфере торговых отношений стал Китай, который, по их мнению, применяет «несправедливые» и искажающие торговлю практики, наносящие ущерб США. В ходе развернувшейся тарифной войны Соединенные Штаты и КНР первоначально обменивались взаимными ограничениями, облагали дополнительными пошлинами ввоз товаров друг друга, охватив ими в итоге примерно треть импорта каждой из стран. В ходе саммита G20 в Буэнос-Айресе (декабрь 2018 г.) Соединенные Штаты и КНР объявили о временном перемирии, договорившись приостановить введение новых повышенных пошлин, обсудить вызывающие разногласия вопросы торговой политики и найти взаимоприемлемые решения. Продолжавшиеся больше года переговоры завершились подписанием в середине января 2020 г. торгового соглашения так называемой «первой фазы», приостановившего эскалацию конфликта. Соглашение затрагивает вопросы интеллектуальной собственности, трансфера технологий, торговли продовольствием и сельскохозяйственной продукцией, финансовых услуг, макроэкономической политики и валютного регулирования, транспарентности, расширения торговли и порядка разрешения споров. Оно будет действовать в течение двух лет, но уже в текущем году намечается второй этап переговоров, в ходе которого, вероятно, будут обсуждаться чувствительные темы, не нашедшие отражения в подписанном соглашении, – субсидирование промышленности и деятельность государственных торговых предприятий [7].

В рамках упомянутого соглашения КНР приняла на себя обязательства увеличить за два года закупки американских товаров и услуг на сумму 200 млрд долл., в том числе промышленных товаров – на 78, сельскохозяйственной продукции – на 32, продукции энергетического сектора – на 52, услуг – на 38 млрд долл. Выполнение этих обязательств может негативно сказаться на экономиках других стран – Австралии, Бразилии, Канаде, России, экспортирующих в Китай сырьевые товары. Им, скорее всего, придется сокращать объемы своих поставок. В частности, Россия, на которую приходится 13% всего китайского энергетического импорта, может потерять свою нынешнюю долю на рынке КНР. При этом США сохранили на неопределенное время ранее введенные повышенные пошлины (25%) на ввоз продукции из Китая общим объемом 250 млрд долл., что вынудит китайских производителей переориентировать поставки с американского рынка на рынки других стран. Таким образом, подписанное соглашение, формально носящее двусторонний характер, фактически затронет всех участни-

ков мировой торговли и не только не снизит напряженность в ней, но и может привести к возникновению новых торговых конфликтов.

Добившись от Китая согласия на расширение своего экспорта, США намереваются форсировать работу над торговыми договорами с ЕС, Великобританией и Бразилией, демонстрируя тем самым решимость продолжать торговые войны со всем миром, игнорируя собственные обязательства в ВТО и ломая сложившуюся систему глобального регулирования трансграничных потоков товаров и услуг.

Санкции западных стран в отношении России. Осложняет торговые отношения России с другими странами усилившаяся геополитическая напряженность. Введенные в 2014 г. Западом в обход Совбеза ООН антироссийские экономические санкции закрыли для отечественных предприятий ТЭК и ОПК возможности приобретения товаров и технологий двойного назначения, а также технологий, связанных с добычей углеводородного сырья из сланцев и на континентальном шельфе, в том числе на арктических месторождениях. Не секрет, что именно эти страны являются практически монополистами на рынках таких товаров и технологий и найти какие-либо другие источники их получения на других рынках чрезвычайно сложно. Привлечение отечественными банками и корпорациями средств с мировых рынков ссудного капитала заблокировано, в результате чего они сталкиваются с трудностями в рефинансировании внешних долговых обязательств, приобретении активов за рубежом. Но дело не только в конкретном содержании самих санкций. Западные корпорации и фирмы вынуждены учитывать в своей деятельности внешнюю политику своих правительств, более сдержанно относиться к развитию экономического взаимодействия с российскими предприятиями и банками. В последнее время работающие в России западные ТНК не создают новых мощностей, сворачивают производственные программы, а некоторые, как, например, General Motors и Ford, вообще уходят с отечественного рынка. Российские участники внешнеэкономической деятельности при заключении сделок с западными партнерами стремятся включать в контракты санкционные оговорки, предусматривающие компенсации за невыполнение обязательств, однако далеко не всем из них это удается.

Американская администрация идет еще дальше и использует санкции не только для оказания давления на российских юридических и физических лиц, но и для принуждения компаний других стран к отказу от сотрудничества с предприятиями России. В частности, например, швейцарская компания Allseas Group S.A. в декабре 2019 г. прекратила исполнение обязательств перед Газпромом по прокладке труб на морском участке Северного потока-2 под угрозой введения против нее санкций, предусмотренных в бюджете США на текущий год.

Российские ответы

Россия и страны – члены ОПЕК во главе с Саудовской Аравией, придя в ноябре 2016 г. к соглашению о сокращении добычи нефти и исполняя в течение трех лет свои обязательства, продемонстрировали всему миру, и себе в том числе, что мировые цены поддаются регулированию. Если в 2016 г. баррель нефти Brent стоил 32 долл., то через год его цена выросла до 56, в 2018 г. составляла 69, в 2019 г. – 61, в 2020 г. – 63 долл. за баррель (данные на январь соответствующего года). На этом фоне неожиданное решение не продлевать действие соглашения привело к обвалу нефтяных цен в марте с. г. почти на 62% по сравнению с началом 2020 г.

Отдельные российские специалисты не считают нынешний уровень цен драматичным и ожидают, что при таких ценах эффективность американских сланцевых проектов будет снижаться, в результате чего они будут закрываться. При уходе с рынка сланцевой нефти США цены, по их мнению, могут вырасти до 60 долл. за баррель уже в нынешнем году⁷. Однако несмотря на договоренность России и ОПЕК о возобновлении сокращения добычи, рынок не проявляет признаков существенного оживления.

Негативные последствия падения цен на нефть государство пытается смягчить с помощью инструментов денежно-кредитной политики. Минфин заявляет, что ему потребуется прибегнуть к использованию средств Фонда национального благосостояния, поскольку фактор нефти практически на 3 трлн руб. снижает объемы поступления нефтегазовых доходов в бюджет⁸. ЦБ России, реагируя на резкое падение курса рубля (с 67,5 руб. за долл. 7 марта до 80,2 руб. 20 марта) начал продажи валюты на внутреннем рынке, выручив за неделю 33,4 млрд руб.⁹ Правительство объявило о создании антикризисного фонда, об обнулении импортных пошлин на ряд товаров, упрощении таможенного оформления при ввозе социально значимой продукции, об освобождении в текущем году авиационных и туристических компаний от части взносов и введении для них налоговых каникул, предоставлении регионам бюджетных кредитов, расширении кредитования для производителей лекарств и медицинского оборудования, малого

⁷ Сечин назвал условие для роста цен на нефть до \$60 за баррель в этом году. www.rbc.ru/business/20/03/2020/5e7523f99a7947128306cbd4.

⁸ Силуанов сообщил, что бюджет России в 2020 г. будет дефицитным. tass.ru/ekonomika/8011905?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.rru%2Fnews.

⁹ ЦБ раскрыл объемы продажи валюты во время обвала рубля 18 марта. www.rbc.ru/finances/20/03/2020/5e74706e9a7947306b9d3dcb.

и среднего бизнеса, увеличении оплаты труда медицинских работников, ведущих лечение пациентов, заразившихся коронавирусом. Для купирования проявлений кризиса зарезервировано 1,4 трлн руб., или около 1,3% ВВП¹⁰. Этот пакет помощи бизнесу и населению пополняется вслед за обострением ситуации: руководство страны обнародовало планы расширения прямой финансовой поддержки малому и среднему бизнесу: компании, которые сохранили не менее 90% сотрудников, получают от государства средства на выплату зарплат. Каждый сотрудник таких пострадавших компаний сможет претендовать на выплату в размере одного минимального размера оплаты труда. Также будет расширена программа зарплатных кредитов, причем не менее чем на 75% таких кредитов будут предоставлены гарантии Внешэкономбанка. Кроме того, планируется использовать новый специальный финансовый продукт – льготный кредит на пополнение оборотных средств, необходимых предприятиям для закупки сырья и комплектующих, выплаты авансов поставщикам.

Последние годы показали, что российский бизнес и государство адекватно отреагировали на осложнение условий сотрудничества с западными странами, направляя все большую часть экспортной продукции на рынки стран Азии, Океании и Южной Америки и закупая там возрастающие количества импортных товаров. За 2016–2019 гг. отечественный экспорт в страны АТЭС (без Канады и США) вырос на 42%, импорт из этих стран – на 52% при заметно меньшем увеличении экспорта и импорта в целом – соответственно на 23 и 33%. Доля стран АТЭС за этот период возросла в российском экспорте с 19,9 до 23%, в импорте – с 31,2 до 35,6%. Вследствие такой переориентации товарных потоков удельный вес основного торгового партнера России – Европейского союза сократился на 3,5 п. п. в экспорте и на 2,1 п. п. в импорте (см. табл. 3).

«Азиатский разворот» стал возможным во многом благодаря активизации российско-китайского сотрудничества. Экспорт в КНР за анализируемый период увеличился вдвое, импорт – более чем в полтора раза. Заметный вклад в расширение поставок в Китай вносят и будут вносить компании топливно-энергетического комплекса, на которые приходится около трех четвертей экспорта в эту страну. Роснефть продолжает исполнение подписанного с китайским контрагентом контракта на поставку 365 млн т нефти в течение 25 лет. С текущего года объем экспорта товаров топливной группы увеличится: по сданному в конце 2019 г. газопроводу «Сила Сибири» в КНР за текущий год поступит минимум 5 млрд куб. м природного газа, за 2021 г. – 10 млрд,

¹⁰ РБК. Власти накопили перед кризисом денежную подушку на 18 трлн руб. www.rbc.ru/economics/08/04/2020/5e8b541b9a79470d40d7264b.

Таблица 3

**Динамика торговли России со странами АТЭС и ЕС
и их долей в российском экспорте и импорте**

	2015 г.		2017 г.		2019 г.	
	экс-порт	им-порт	экс-порт	им-порт	экс-порт	им-порт
Страны АТЭС*, млрд долл.	68,5	57,0	75,1	78,1	97,4	86,9
доля в %	19,9	31,2	21,0	34,3	23,0	35,6
в т. ч. Китай, млрд долл.	28,6	35,0	38,9	48,1	56,8	54,1
доля в %	8,3	19,1	10,9	21,0	13,4	22,2
Страны ЕС, млрд долл.	165,6	70,2	159,7	86,9	189,2	88,6
доля в %	48,2	38,4	44,6	38,2	44,7	36,3
Весь мир, млрд долл.	343,5	182,9	357,3	227,9	422,8	243,8

* без Канады и США.

Источник: составлено автором по: ФТС РФ. База данных ТСВТ. stat.customs.ru.; Статистика. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран, январь-декабрь 2019 г. www.customs.ru.

за 2022 г. – 15 млрд куб. м¹¹. Стабильно растет экспорт других товаров – древесины и изделий из нее, меди, энергетического оборудования, рыбы и морепродуктов. Темп прироста импорта из КНР практически равен аналогичному показателю стран АТЭС в целом.

Опережающая динамика торговли с участниками Форума АТЭС складывается не спонтанно, а под косвенным воздействием государства. «Азиатский разворот» обеспечивают главным образом компании с государственным участием, в том числе предприятия ОПК. Правительство не может напрямую влиять на географию товарных потоков: будучи членом Евразийского экономического союза, Россия, как и другие участники этого объединения, передала формирование и реализацию торговой политики на наднациональный уровень. Это касается и делегирования Евразийской экономической комиссии права стимулировать географическую диверсификацию поставок товаров через заключение соглашений о свободе торговли с зарубежными странами. К настоящему времени таких действующих соглашений у Евразийского союза всего четыре – с Вьетнамом, Сербией, Сингапуром и Ираном, внутренние рынки которых невелики.

¹¹ В соответствии с подписанным в 2014 г. контрактом Газпром после выхода газопровода на проектную мощность должен поставлять в Китай 38 млрд куб. м газа ежегодно.

Переключение торговых потоков на незападные страны в нынешней ситуации представляется закономерным. В среднесрочной перспективе санкционное давление на Россию со стороны США и их союзников вряд ли снизится. Это по-прежнему будет мотивировать российский бизнес на развитие взаимодействия со странами Азии, Латинской Америки и Африки, а в широком смысле – на сохранение ориентации на Восток. Даже с учетом того, что указанные страны, которые способны в какой-то мере компенсировать потерю импорта из Европы и США некоторых продовольственных и массовых промышленных товаров, не могут быть источниками поставок особо необходимых отечественной экономике последних поколений оборудования и технологий.

В текущем году «азиатскому развороту» будет способствовать неравномерность сокращения экспортных поставок и закупок импортной продукции различными странами. В наибольшей мере, по прогнозу МВФ, сократятся объемы торговли развитых стран: экспорт – на 12,8%, импорт – на 11,5%. У стран с формирующимися рынками и развивающихся стран торговля упадет менее значительно – соответственно на 9,6 и 8,2%¹².

Одновременно с усилением ориентации на Восток в России заметно активизировалась работа по обеспечению развития экспорта, главным образом несырьевой продукции, на объемы поставок которой мировая конъюнктура влияет в меньшей мере, чем на базовые товары. В Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» целью экономической политики объявлено формирование в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг глобальных конкурентоспособных несырьевых секторов, общая доля экспорта товаров (работ, услуг) которых должна составить не менее 20 % ВВП страны [8]. Решение этой задачи – решающее условие предусмотренного в национальном проекте «Международная кооперация и экспорт» увеличения за 2019–2024 гг. объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров в 1,85 раза по сравнению с 2017 г., продукции агропромышленного комплекса – в 2,1, экспорта услуг – 1,7 раза¹³. Выход на намеченные показатели предусматривается обеспечить за счет проведения промышленной, аграрной

¹² IMF. World Economic Outlook, April 2020: Chapter 1. www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020.

¹³ Паспорт национального проекта (программы) «Международная кооперация и экспорт». Утвержден Советом при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам. static.government.ru/media/files/FL01MAEp8YVvUkAkvBZotaYtVKNEKaALYA.pdf.

и торговой политики, направленной на достижение международной конкурентоспособности российских товаров и услуг, сокращения административных процедур и снижения барьеров, сдерживающих экспорт, завершения создания гибкой линейки финансовых инструментов его поддержки, устранения логистических ограничений и создания единой системы институтов продвижения экспорта. На выполнение данного проекта предполагается направить 957 млрд руб.

В достижение намеченных показателей должен внести свой вклад Российский экспортный центр (РЭЦ), в который интегрированы Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСПАР) и «Росэксимбанк». РЭЦ предоставляет экспортерам финансовую поддержку в форме кредитования, страхования, гарантий, финансирования участия в выставках и ярмарках, а также оказывает им нефинансовую поддержку посредством оказания юридических, информационных, образовательных, консультационных и рекламных услуг. В последние три года объем экспорта, поддержанного государством через РЭЦ, составлял ежегодно около 20 млрд долл.¹⁴

В 2018 г. объем несырьевого неэнергетического экспорта достиг рекордного уровня – 154,2 млрд долл. Но первый, 2019 г. реализации национального проекта не принес ожидаемых результатов: прирост экспорта оказался символическим – 0,2%. По расчетам ЦМАКП, выполненным в декабре 2019 г., ожидаемая величина несырьевого неэнергетического экспорта промышленных товаров составила 92% от целевых показателей. Из недобранных 8% более половины было обусловлено снижением контрактных цен на поставленные товары, прежде всего на продукцию металлургии, остальное – медленным ростом физического объема экспорта из-за усиления протекционизма на мировых рынках. При этом эксперты Центра считали, что поставки товаров агропромышленного комплекса превысят намеченный уровень [9]. В ближайшее время оба названных фактора продолжат негативно влиять на объемы поставок, что существенно осложнит реализацию национального проекта наращивания экспорта.

В этой связи представляется важным, чтобы принимаемые в настоящее время меры по купированию распространения коронавируса и снижения цен на нефть, а также другие сырьевые товары не привели к ослаблению внимания к вопросам поддержки экспорта, приобрета-

¹⁴ Фрадков П.М. Пора выходить из зоны комфорта стран СНГ // Коммерсантъ-Деньги. 2017. № 52. С. 18–20; Глава РЭЦ назвала основные направления работы для развития несырьевого экспорта. www.exportcenter.ru/press_center/news/glava-rets-nazvala-osnovnye-napравleniya-raboty-dlya-razvitiya-nesyrevogo-eksporta/.

ющим в нынешних условиях еще большую актуальность, и к сокращению финансирования федеральных проектов его развития¹⁵.

Наращиванию экспорта в целом могло бы помочь более активное участие России в интеграционных процессах, предполагающих, как правило, облегчение доступа на рынки друг друга партнерами того или иного регионального торгового соглашения (РТС). В рамках всех действующих региональных торговых соглашений обращается в настоящее время, по оценке ВТО, более трех пятых всего объема мировой торговли товарами¹⁶. Участниками РТС, включая трансрегиональные, являются все без исключения члены ВТО, каждый из них входит в среднем в 14 торговых группировок. На рынках всех стран – членов РТС их партнеры по соглашениям пользуются торговыми преференциями (отсутствием ввозных пошлин либо низкими пошлинами), что не может не сказываться неблагоприятно на экспортерах третьих стран, в том числе российских.

Участие России в формировании РТС до последнего времени ограничивалось решением задач сохранения и развития экономических связей на пространстве бывшего Советского Союза. С созданием Таможенного союза в составе Беларуси, Казахстана и России (2010 г.) в интеграционной политике России начался качественно новый этап – переход от двусторонних к многосторонним соглашениям. В 2011 г. вошло в силу многостороннее соглашение о зоне свободной торговли СНГ. На базе ТС в 2015 г. был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который наряду с основавшими его странами вошли также Армения и Киргизия. С этого времени последующее продвижение России по пути развития интеграционного взаимодействия с другими странами определяется договоренностями ЕАЭС.

Евразийский экономический союз, как уже отмечалось, подписал соглашения о свободной торговле с Вьетнамом (2015 г.), Ираном (2018 г., соглашение временное), Сербией и Сингапуром (2019 г.), продолжает переговоры о ЗСТ с Египтом, Израилем и Индией. Заинтересованность в установлении преференциального режима в торговле с Евразийским союзом выражают и другие азиатские страны, в частности, некоторые члены сообщества АСЕАН (Таиланд, Индонезия и Малайзия).

Подписанные Россией и ЕАЭС и готовящиеся Евразийским союзом региональные и трансрегиональные торговые соглашения охва-

¹⁵ В национальный проект «Международная кооперация и экспорт» входят пять федеральных проектов: «Промышленный экспорт», «Экспорт продукции АПК», «Экспорт услуг», «Логистика международной торговли», «Системные меры развития международной кооперации и экспорта».

¹⁶ World Trade Statistical Review 2017. WTO. P. 12. www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2017_e/wts17_toc_e.htm.

тывают лишь незначительную часть глобального рынка. На страны, являющиеся настоящими или будущими участниками соглашений с ЕАЭС/Россией, приходится 5,6% ВВП, 6,1% спроса и 8,9% импорта всех стран мира. Соответственно девять десятых отечественных экспортных поставок осуществляется в страны, на рынках которых в отношении российской продукции действуют импортные пошлины, вследствие чего товары из России менее конкурентоспособны по цене в сравнении с продукцией, поставляемой в рамках соответствующих РТС. Поэтому расширение пространства, на котором действует режим свободной торговли, становится одной из важных задач интеграционной политики России.

В целях смягчения влияния негативных явлений в мировой торговле, в частности, санкционного давления западных стран, в течение последних пяти лет осуществляется политика импортозамещения. К настоящему времени в отношении промышленной продукции она каких-либо заметных результатов не принесла. Импорт за это время уменьшился, но отрасли отечественной промышленности, за редчайшим исключением, не смогли компенсировать сокращения его объемов и сужения номенклатуры закупаемой продукции. Помехами импортозамещению остаются отсутствие производства на территории РФ нужного предприятиям оборудования, комплектующих и сырья, а также низкое качество отечественной продукции. По данным регулярных мониторингов, проводимых Институтом экономической политики (ИЭП), около двух пятых предприятий не готовы отказываться от закупок импортных машин, оборудования и материалов даже в условиях роста рублевых цен на них, провоцируемого удешевлением национальной валюты. Тем не менее, ИЭП отмечает, что в прошедшем году российский бизнес начал чаще отказываться от импортного оборудования: 12% предприятий перешли на отечественные аналоги, тогда как годом ранее таких предприятий было 10%¹⁷.

Представляется, что политика импортозамещения в промышленности себя исчерпала. В этой связи имело бы смысл сузить фронт импортозамещения, сконцентрировав имеющиеся ресурсы на разработке и внедрении в производство оборудования и технологий двойного и гражданского назначения для ОПК и ТЭК, в отношении которых западными странами введен запрет на продажу России.

Импортозамещение в отраслях АПК осуществляется более успешно. Прирост производства превысил величину сокращения ее импорта по свинине в 9,4 раза, мясу птицы и субпродуктов – в 3,8 раза,

¹⁷ Цухло С. Российские предприятия активизировали процесс импортозамещения. www.iep.ru/ru/kommentarii/sergey-tsukhlo-rossiyskie-predpriyatiya-aktivizirovali-protsess-importozameshcheniya.html.

мясу крупного рогатого скота (свежего или охлажденного) – в 2 раза [10]. В результате по этим трем группам товаров увеличение их товарных ресурсов оказалось существенным. Другими словами, в отношении этих видов продукции программу импортозамещения удалось реализовать полностью и даже перевыполнить, чего нельзя сказать о других ее видах.

Импульс сельскохозяйственному производству был дан государственной финансовой поддержкой, а также продовольственным эмбарго в отношении западных стран – участниц санкционного давления на Россию. Эта протекционистская мера дала неоднократно описанный в литературе эффект – принесла выигрыш производителям, ослабив конкуренцию со стороны иностранных поставщиков, и проигрыш потребителям, вынудив их приобретать более дорогие, но зачастую и менее качественные продовольственные товары.

Новая ситуация, сложившаяся в результате распространения коронавируса и обвала мировых цен на нефть, позволяет прогнозировать активизацию импортозамещения, импульс которому дадут удешевление рубля и вялый рост внутреннего спроса на потребительские и инвестиционные товары.

* * *

С середины текущего десятилетия международная торговля испытывает возрастающее напряжение. В начале нынешнего года и без того сложная ситуация в ней заметно обострилась в результате распространения по планете коронавируса и глубокого падения мировых цен на нефть. Сжатие глобального спроса и предложения приведет к сокращению внешней торговли России и ее вклада в экономический рост. В этих условиях проведение отечественными предприятиями, фирмами и банками экспортно-импортных операций во многом будет зависеть от результативности предпринимаемых правительством мер, направленных на минимизацию потерь от внешних шоков. Чем эффективнее окажутся эти меры, тем меньшим будет негативное влияние шоков на экономику и внешнюю торговлю. Общим знаменателем для промышленной, аграрной, торговой и интеграционной политики остается повышение конкурентоспособности отечественного производства.

В торговой политике было бы желательным исходить из прагматических соображений. Очевидно, что в среднесрочной перспективе санкционное давление западных стран по-прежнему будет мотивировать российский бизнес на сохранение ориентации на Восток. Государство сможет поддерживать эту тенденцию, иницилируя в Евразийской экономической комиссии проведение переговоров о формировании новых интеграционных соглашений с незападными странами. Под-

писание таких соглашений может способствовать решению задачи наращивания отечественного экспорта, поставленной высшим руководством страны. Политика импортозамещения, как показывает практика, относительно успешно осуществляется в агропромышленном комплексе, но в промышленности зашла в тупик. В этой связи имело бы смысл сконцентрировать ее в промышленности на более узких секторах, способных на осуществление разработок и внедрение в производство оборудования и технологий двойного и гражданского назначения для ОПК и ТЭК. Тем не менее, есть основания предполагать, что импортозамещение в экономике в целом, даже при отсутствии его государственного стимулирования, будет продолжаться под воздействием очередного обесценения рубля и слабого роста потребительского и инвестиционного спроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. WTO. Trade set to plunge as COVID-19 pandemic upends global economy. www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm.
2. Дюмулен И.И. Международная торговля. Экономика, политика, практика. М.: ВАВТ, 2015.
3. Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. ИЭП им. Е.Т. Гайдара, РАНХиГС, Минэкономразвития РФ. 2018, февраль. № 2 (63). www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/2-63-rus-2018.pdf4.
4. Оболенский В.П. Внешняя торговля России в условиях снижения мировых цен и «санкционной войны» // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 9. С. 34–44.
5. WTO. Overview of developments in the international trading environment. www.wto.org/english/news_e/news19_e/dgra_12dec19_e.htm. Report shows sharp rise in the coverage of trade-restrictive measures from WTO members. https://www.wto.org/english/news_e/news18_e/trdev_11dec18_e.htm.
6. Холявко А. Ограничения в \$6 млрд. // Ведомости. 2019, 19 февраля.
7. ВАВТ. Соглашение «первой фазы»: прорыв или временное затишье / Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. 2020, 20 февраля. № 44. С. 3–7. www.vavt.ru/imef/site/mon_me_mt.
8. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» / Гарант.ру. Информационно-правовой портал. www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200.
9. ЦМАКП. Несырьевой неэнергетический экспорт: начало «пятилетки» / Сюжеты внешней торговли. 2019. № 7. www.forecast.ru/_ARCHIVE/WW_MONS/2019/7_2019.pdf.
10. Оболенский В.П. Эффекты продовольственного эмбарго // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 2. С. 49–58.

ABOUT THE AUTHOR

Obolenskiy Vladimir Petrovich – Doctor of Economic Sciences, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
vobolenskiy@mail.ru

TURBULENCE IN INTERNATIONAL TRADE: RUSSIA'S REACTION

The article considers the impact on foreign trade of Russia of the main external factors, complicating its development, and the development of the economy as a whole – the volatility of world prices, the coronavirus pandemic, the growth of protectionism, the spread of trade wars, the growing regionalization of international trade, increasing geopolitical tensions and the associated sanctions policy of Western countries. The author analyzes the actions of the Russian government and domestic business, aimed at mitigating of the consequences of worsening foreign trade conditions. Attention is drawn to the need to maintain an emphasis on reorienting part of trade flows from Western to other countries, strengthening export support, creating conditions for expanding the scope of free trade with non-CIS countries – with the countries of the far abroad, and narrowing the scope of import substitution.

Keywords: *world trade, price dancing, coronavirus, protectionism, trade wars, Russia's trade policy, export support, free trade agreements, import substitution.*

JEL: F13, F14, F15.

Ю.К. КНЯЗЕВ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЫЗОВОВ НА РЫНКЕ ТРУДА: ОПЫТ СЛОВЕНИИ

В статье излагается опыт Словении по реагированию на современные вызовы на рынке труда, возникающие в связи со старением населения и нехваткой рабочей силы. Характеризуются меры, принимаемые для расширения занятости, в особенности молодежи и пенсионеров. Подробно исследуются вопросы привлечения иностранных трудовых мигрантов и их интеграции в словенское общество. В заключение обращается внимание на конкретные особенности словенского опыта и возможности его использования в России.

Ключевые слова: рынок труда, старение населения, нехватка рабочей силы, трудовая активность, безработица, привлечение мигрантов, автоматизация, роботизация.

JEL: E24, F22, J11, J14, J21, J26.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10030

Старение населения во многих странах порождает разнообразные проблемы, непосредственно затрагивающие национальные рынки труда. Не избежала их и небольшая Словения. При этом помимо продолжающегося старения населения словенский рынок труда начинает испытывать воздействие автоматизации и роботизации производства, которые могут привести к гораздо большему сокращению рабочих мест по сравнению с более развитыми странами, уже достаточно продвинувшимися в этом направлении. Это показывает сложность нынешней ситуации на рынке труда, где одновременно действуют разнонаправленные процессы, один из которых ведет к нехватке рабочей силы, а другой – начинает формировать предпосылки сокращения занятости. Но надо отметить, что на сегодняшний день наиболее сложной проблемой для Словении является нехватка рабочей силы. Масштабное снижение спроса на труд за счет внедрения новых технологий – дело будущего.

Словения сталкивается со значительными демографическими изменениями, особенно усилившимися с 2012 г. Хотя численность населения страны сохраняется на уровне 2 млн человек, в последнее

десятилетие заметно изменился его возрастной состав в сторону повышения доли пенсионеров и уменьшения численности лиц активного возраста. За 2012–2018 гг. численность лиц в возрасте 20–64 лет уменьшилась на 54 тыс. (в том числе в группе 20–29 лет – на 46 тыс.), в то время как количество жителей в возрасте 65 лет и выше выросло на 56 тыс. человек¹. На период до 2025 г. прогнозируется еще большее сокращение трудоактивных и некоторое уменьшение численности лиц группы 55–64 лет при одновременном росте числа пенсионеров в возрасте 65 лет и выше.

Если в разгар мирового кризиса и в годы экономической рецессии нехватка рабочей силы не ощущалась из-за падения спроса на нее, то в посткризисный период потребность в работниках резко возросла. В 2017 г. она превысила докризисный уровень и продолжала увеличиваться в 2018–2019 гг. При этом в условиях бурного развития сферы услуг продолжился процесс увеличения среди занятых доли лиц предпенсионного возраста (55–64 лет) (с 5,4% в 2005 г. она выросла до 11,8% в 2019 г.) и имеющих высшее образование (11,3% и 32,5% соответственно), что сопровождалось ростом средней заработной платы. В группе занятых пенсионного возраста все больше становится самозанятых и занятых неформально.

Судить о масштабах уменьшения предложения рабочей силы в Словении можно по данным о численности жителей трудоспособного возраста. В 2012–2017 гг. она ежегодно сокращалась на 10 тыс. человек. Это создавало и создает трудности для работодателей в поиске новых работников и повышает расходы на выплату более высоких заработных плат. Примерно половина всех предприятий испытывают сейчас нехватку рабочей силы. Ответом на этот вызов стало более полное использование трудовых ресурсов страны и проведение более активной миграционной политики в целях интегрирования иностранных мигрантов в словенское общество. Были поставлены и начали решаться задачи по приведению системы образования и подготовки кадров в соответствие с текущими потребностями экономики, по введению системы пожизненного обучения с целью поддержания занятости, при условии периодической смены профессий, содействия здоровому образу жизни и защите здоровья занятых на работах с опасными или вредными условиями труда. На предприятиях стали больше внимания уделять учету возрастных особенностей работников (age management). Интенсивнее стали заниматься внедрением автоматов

¹ Здесь и далее приводятся данные словенской статистики, размещенные на сайтах Статистического управления Республики Словении. SURS (www.stat.si/StatWeb/en/AboutUs/AboutStatOffice) и Статистической службы Европейского союза. Eurostat (ec.europa.eu/eurostat).

и роботов, что также требует непрерывного обучения в течение всей трудовой жизни для повышения квалификации или смены профессии. Одновременно активизировалась политика в целях улучшения жизни иностранных мигрантов, подавляющая часть которых прибывает в Словению из республик бывшей Югославии, а также из Албании, Болгарии и Румынии, их общественной интеграции, а также возвращения на родину словенских граждан.

Каков потенциал увеличения предложения рабочей силы на словенском рынке труда? Имеются три внутренних источника притока рабочей силы: более раннее начало трудовой деятельности у молодежи, удлинение срока трудовой активности пожилых людей и привлечение к труду пассивных граждан и безработных. Также надо отметить и внешний источник – приток иностранных трудовых мигрантов.

Для Словении характерно сравнительно позднее приобщение молодых людей к трудовой деятельности. Длительность процесса среднего и специального образования в Словении – наивысшая среди государств ЕС. Поэтому увеличить занятость можно только среди тех молодых людей, которые не учатся и не работают. Их доля уменьшалась в последние годы по экономическим и демографическим причинам и в результате мер государства по стимулированию занятости молодежи. Тем не менее их удельный вес в группе 25–34 лет (11,6%) сейчас выше докризисного уровня (8,3% в 2008 г.). Следовательно, все еще имеются неиспользованные возможности для повышения уровня их занятости, особенно среди девушек, которые в сравнении с юношами испытывают большие трудности в процессе перехода от учебы к постоянной работе (из-за повышенного спроса работодателей на технические профессии, которые осваиваются в основном юношами). Это относится и к детям гастарбайтеров, среди которых много тех, кто не учится и не работает.

Трудовая активность в Словении в возрастной группе 30–54 лет выше, чем в среднем по ЕС, и дальнейшее ее увеличение весьма затруднительно. Иная ситуация в группе лиц старше 55 лет. Их трудовая активность – самая низкая среди стран ЕС, и именно в этой возрастной группе имеются наибольшие возможности для дополнительной занятости. Что касается занятости пенсионеров, то, несмотря на влияние нового пенсионного закона 2012 г., стимулирующего повышение трудовой активности, доля работающих среди них еще очень низка из-за сравнительно благоприятных условий жизни на пенсии. Нужно учитывать, что в Словении довольно высокий уровень подушевого ВВП, составлявший в 2018 г. немногим более 22 тыс. долл. по официальному курсу валют и 27 тыс. долл. по ППС [1, с. 29], и сравнительно хорошо работающая и устойчивая пенсионная система, способствующая более низкой занятости среди возрастного населения. В период с 2013 г. по

2018 г. норма трудовой активности увеличилась в возрастной группе 60–64 лет с 16,8% до 24,9%, в то время как в среднем по ЕС – с 34,4% до 44,4%.

Трудовая активность довольно низка и у лиц старше 65 лет. С 2007 г. ее норма постоянно снижалась и достигла в 2018 г. 8,6%. В странах ЕС она составляла за последние 10 лет 12,7%, а в 2018 г. – 13,4%. На снижение этой нормы влияли демографические факторы, а именно сокращение числа экономически активных пожилых людей, в частности, из-за высокой доли лиц, заботившихся о родственниках в сельских семьях. Этому способствовал и закон о повышении пенсий госслужащим. Норма трудовой активности в возрастной группе 70–74 лет в Словении также была ниже, чем в среднем по ЕС (4,6% против 6,1%).

Оценивая потенциал расширения занятости за счет пенсионеров, важно принимать во внимание, что в Словении почти 15% из них вышли на пенсию досрочно, по причине слабого здоровья. Среди остальных пенсионеров много хронически больных. Немало среди них и тех, кто уже потерял профессиональные навыки и потому не способен возвратиться на рынок труда в условиях бурного технического прогресса. Все это свидетельствует об объективной ограниченности рекрутирования новых работников из числа пенсионеров.

Увеличить численность работающих возможно путем сокращения экономической неактивности граждан и количества безработных. Но необходимо учитывать, что норма безработицы в Словении в последние годы постоянно снижалась. Естественно, возможности притока новых работников из числа безработных все время уменьшались, и почти 50% среди них уже длительное время не имели работы и потеряли квалификацию. Кроме того, государство выделяло на проведение активной политики занятости в два раза меньше средств, чем в среднем по странам ОЭСР (0,24% ВВП против 0,52%, по данным за 2016 г.)

Готовность к трудовой деятельности сильно различается среди разных групп безработных и экономически неактивных лиц. Среди безработных стремление к трудоустройству сильнее у тех, кто недавно потерял работу, а также у более образованных, и гораздо меньше у давно потерявших рабочее место. Вероятность трудоустройства безработных, как правило, уменьшается по мере снижения активности в поиске работы и удлинения периода этого поиска. Хотя считается, что у безработных желание трудоустроиться сильнее, чем у экономически неактивных лиц. Фактически в 2008–2018 гг. именно на последних пришлось две трети вновь получивших работу. Это объясняется тем, что многие безработные довольствуются получаемыми пособиями и не спешат занимать предлагаемые рабочие места.

Несмотря на имеющийся немалый трудовой потенциал среди экономически неактивных лиц и безработных, из-за структурных несоот-

ветствий и отсутствия желания у этих категорий населения занимать любые предлагаемые доступные рабочие места, возможности его использования невелики. Поэтому важно оценивать реально достижимые объемы активизации этого потенциала, используя для этого точные показатели. Норма безработицы не может служить таким показателем, так как она, во-первых, не учитывает трудоспособных граждан, которые пока не работают, но могли бы начать трудиться, и, во-вторых, не отражает значительных различий в возможностях трудоустройства разных категорий людей. В связи с этим целесообразно рассчитывать индекс незанятости, который более точно определяет степень использования свободных (не занятых) рабочих мест на рынке труда. Их более полная загруженность могла бы ослабить нехватку рабочей силы.

Индекс незанятости показывает степень использования реальных возможностей трудоустройства точнее, чем норма безработицы, так как он учитывает не только безработных, но и большую группу экономически неактивных лиц и их потенциальные возможности занять рабочие места. Если доля всех незанятых лиц в Словении составляла в 2018 г. 42%, то за вычетом потенциально способных к труду она снижается до 17%. Эти данные подтверждают важность активизации пассивных в смысле трудоустройства лиц и необходимость проведения соответствующей государственной политики на рынке труда в целях расширения трудоустройства экономически неактивного населения. В качестве одной из мер этой политики можно упомянуть утвержденную словенским правительством в июле 2017 г. Стратегию долгоживущей семьи [2].

Значимый и активно используемый источник смягчения нехватки рабочей силы – приток трудовых мигрантов из-за границы и их последующая адаптация на словенском рынке труда. Известно, что динамика притока иностранной рабочей силы зависит от фаз делового цикла и структурных особенностей экономического роста. Приток иностранных мигрантов был сравнительно большим в 2005–2008 гг., когда в Словении наблюдался быстрый экономический рост, особенно в сфере строительства. В 2010–2012 гг. приток мигрантов снизился и составлял 600 тыс. человек в год. После 2014 г. он вновь усилился, что совпало с ускорением экономического роста и значительными демографическими изменениями. Отметим, что в 2011–2015 гг. рост иностранных мигрантов шел в основном вследствие увеличения членов их семей, а с 2016 г. стала увеличиваться численность новых трудовых мигрантов. С 2014 г. все больше прибывающих в страну мигрантов приходится на лиц в возрасте 25–29 лет – их доля достигла 14,1%. Также увеличивается доля иностранных мигрантов со средним образованием, которая в 2017 г. составила 58,7%. Это связано с изменениями спроса на рабо-

чую силу и хорошими условиями работы в Словении (высокая заработная плата, возможности карьерного роста и пр.). Этим же объясняется и рост численности возвращающихся из-за границы словенских граждан с высокой профессиональной подготовкой.

В целом удельный вес иностранных граждан в общем населении Словении в 2018 г. был равен 5,9%. Среди них большинство составляли переселенцы из республик бывшей Югославии. Из общего числа лиц, приехавших в страну в 2014–2017 гг., из Боснии и Герцеговины было 36%, из Сербии – 12%, из Косово – 11%, Хорватии – 7,2%, Северной Македонии – 7% [3, с. 22]. Это связано с особенностями демографической ситуации и состояния рынков труда в данных странах, изучению которых в Словении уделяют серьезное внимание. Норма безработицы во всех странах Балканского полуострова остается высокой, и эта проблема носит долгосрочный характер. Норма трудовой активности в странах Западных Балкан была в 2017 г. ниже, чем в ЕС и Словении (соответственно 60%, 63,1% и 69,3%). Доля безработных, не имеющих работы длительное время, составляла в Боснии и Герцеговине 82,1%, в Македонии – 77,9%, в Черногории – 77,5%. Удельный вес молодежи в возрасте 15–34 лет, который в Словении составлял 9,4%, а в ЕС – 10,8%, в Албании, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине превышал в среднем 13%. В Албании и Косово эта доля была выше 30%. Суммарно больше всего свободной рабочей силы в Румынии, которая лидирует и по числу переселенцев в другие страны.

Хотя в настоящее время наблюдается рост чистого притока рабочей силы на рынок труда Словении за счет иностранных трудовых мигрантов и возвращения из-за границы словенских граждан, необходимость активизации миграционной политики в условиях старения населения только усиливается. В Словении это осознают и, исходя из этого, формулируют направления миграционной политики и строят систему информирования иностранных граждан об условиях работы и жизни. Не случайно, согласно оценкам ОЭСР, Словения занимает место в верхней трети списка стран по показателю «привлекательности для талантов» [4].

Одной из главных политических задач в Словении является включение переселенцев в жизнедеятельность общества с целью привлечения их на рынок труда. Это двусторонний процесс приспособления друг к другу местного и прибывшего населения, охватывающий множество сфер, прежде всего образование, здравоохранение, коммунальные и другие услуги, обеспечивающие доступ не только к работе, но и к жилью, полноценному отдыху и развлечениям в свободное время.

Первоочередное значение имеет обучение мигрантов словенскому языку, знание которого не только создает комфортные условия для труда и жизни, но и ориентирует их на длительную жизнь в стране

пребывания и стабилизирует предложение рабочей силы на рынке труда. Знание языка расширяет возможности ознакомления с культурой и правилами поведения во всех областях жизни. В Словении гражданам иностранных государств – не членов ЕС предоставлено право бесплатного обучения словенскому языку и сдачи первого экзамена, подтверждающего его знание. Однако слишком короткая длительность языковых курсов не обеспечивает хорошего знания словенского языка в сравнении с другими, более распространенными языками. Поэтому появилась идея дифференцированного подхода к обучению языку в соответствии с потребностями разных профессиональных групп ради лучшего знания и приобретения навыков применения этих знаний. С лета 2018 г. в Словении стали предоставлять обновленную информацию об условиях работы и жизни в стране на английском и словенском языках.

Успешному включению мигрантов в жизнедеятельность принимающей страны могут способствовать специальные предмиграционные программы, которые должны реализоваться в родных для мигрантов странах. Такие программы могут предусматривать обучение словенскому языку, ознакомление с условиями работы, порядком поиска рабочих мест, подтверждения профессиональной квалификации и другими полезными сведениями для потенциальных мигрантов. Пока не имеется данных о наличии таких программ в конкретных странах и об их эффективности, но сама постановка этого вопроса заслуживает внимания.

Специальные меры предусмотрены для трудоустройства женщин, которые прибывают в Словению в основном ради воссоединения с мужьями и семьями мигрантов. С учетом их меньшей трудовой активности стимулируется повышение их занятости, как первого шага на пути дальнейшей интеграции в общество.

Большое внимание уделяется улучшению условий жизни мигрантов. Их доступ к образованию в Словении довольно высок, хотя конечные успехи не велики. Ясно, что необходимо обеспечивать более раннее начало учебы детям мигрантов, активнее содействовать обучению их словенскому языку.

Доступ мигрантов к здравоохранению практически такой же, что и для местных граждан. Правда, мигранты реже обращаются к врачам из страха потерять работу, хотя травматизм и смертность на рабочем месте у них гораздо выше вследствие выполнения ими более тяжелой и опасной работы [5].

Серьезной проблемой, пока не поддающейся решению, являются тяжелые жилищные условия, в которых вынуждены находиться мигранты из-за большой скученности в перенаселенных квартирах. Улучшению ситуации во многих сферах жизнедеятельности может

помочь более тесная координация разных заинтересованных институций (бюро по трудоустройству, школ, учреждений здравоохранения, неправительственных организаций). Осознание многочисленных и разных по важности проблем служит необходимым условием их постепенного, но неуклонного решения ради цивилизованного ответа на вызовы, возникшие из-за текущей нехватки рабочей силы и попыток компенсировать ее путем привлечения иностранных мигрантов.

В перспективе на рынке труда Словении могут проявиться новые вызовы, связанные с интенсивной автоматизацией и роботизацией разных сфер человеческой деятельности, в результате чего придется разрешать противоположные проблемы – избытка рабочей силы и роста структурной безработицы. Этот вопрос серьезно исследуется в Словении в научном и практическом планах. Страна имеет по сравнению с другими странами ЦВЕ довольно высокий уровень автоматизации и роботизации. Роботы применяются на 7%-ми словенских предприятий, в том числе на 6%-ти – в промышленности (в пищевой, текстильной, деревообрабатывающей, бумажной, химической отраслях) и на 1% организаций в сфере услуг. Этот показатель примерно соответствует среднеевропейскому уровню [6].

Что касается прогнозов, то, например, по оценке ОЭСР, технический прогресс ставит под угрозу 14% ныне имеющихся рабочих мест, а в Словении их доля оценивается в 25%. Однако пока это не более чем один из возможных сценариев. Автоматизация и роботизация, приводя к сокращению рабочих мест там, где они применяются, на ситуацию на словенском рынке труда в целом на настоящий момент не повлияли. Нужно также упомянуть, что в долгосрочной перспективе, по мнению ряда экспертов, даже в условиях значительного расширения автоматизации и роботизации производства, потребуется дополнительная рабочая сила с более высокой профессиональной подготовкой и произойдет всего лишь перераспределение рабочих мест между отраслями, производствами и видами труда. Как известно, уже давно происходит перемещение рабочей силы из сферы производства в образование, здравоохранение, социальное обеспечение и все расширяющуюся сферу услуг.

В Словении осознают необходимость приспособления экономики и всего общества к происходящим технологическим изменениям и учитывают потребность в устранении и предупреждении их негативных последствий. Уровень автоматизации и роботизации неравномерен в разных секторах, и пока нет полной ясности, как это повлияет на сокращение рабочих мест и вызовет ли появление «технологической безработицы». В любом случае, пока эти процессы будут содействовать восполнению нехватки рабочей силы, они будут нуждаться во всяческой поддержке. И они требуют изменения системы подготовки

кадров в направлении более качественного и непрерывного обучения работников в течение всей трудовой жизни.

Знакомство со словенским опытом реагирования на неоднозначные вызовы на рынке труда позволяет извлечь необходимые уроки при организации трудоустройства и проведении миграционной политики в России. Прежде всего необходимо отметить, что в Словении уделяется большое внимание проблемам, появившимся в связи со старением населения и требующим как восполнения возникающей вследствие этого общей нехватки рабочей силы, так и совершенствования испытывающей все большую затратную нагрузку пенсионной системы и всемерного приобщения к труду молодежи, пенсионеров и других, менее активных слоев населения. Эти проблемы подробно обсуждаются в средствах массовой информации, досконально исследуются учеными и постепенно решаются компетентными государственными органами в ходе проведения политики в соответствующих сферах. Особо обращается внимание на необходимость более тесной координации работы разных ведомств и общественных организаций, занимающихся подобными вопросами. Привлекает также нестандартный подход к поискам потенциальных источников дополнительной рабочей силы в разных возрастных группах, к обучению и переподготовке профессиональных кадров по принципу пожизненной учебы, например, в рамках специальной правительственной Стратегии долгоживущей семьи.

В Словении с большой серьезностью подходят ко всем вопросам, связанным с возможностью и неизбежностью привлечения иностранных трудовых мигрантов на рынок труда. Осознается долгосрочный характер миграционных процессов и необходимость разрешения возникающих проблем на постоянной основе. Ставится задача более глубокой интеграции мигрантов в социум, и принимаются действенные меры к обучению словенскому языку их и членов их семей, особенно детей, ознакомлению с местными традициями, с национальной культурой, условиями труда и жизни, правами и обязанностями иностранцев. Развернута широкая сеть бесплатных курсов обучения словенскому языку. Детям мигрантов доступно дошкольное и основное образование. Мигрантам предоставляется медицинское обслуживание на тех же условиях, что и для местного населения. Должное внимание уделяется улучшению условий жизни мигрантов, оказанию социальной помощи всем нуждающимся. Вместе с тем отмечаются жилищные и бытовые трудности, испытываемые большинством мигрантов, и отсутствие материальных средств для их устранения.

Серьезно изучаются в Словении последствия автоматизации и роботизации производства, имеющие противоречивый характер. Эти процессы сегодня воспринимаются как подспорье в решении

текущей проблемы нехватки рабочей силы, но в то же время осознаются вызовы технологического прогресса, которые в недалеком будущем могут повлиять как на рынок труда в связи с сокращением рабочих мест и снижением возможностей трудоустройства, так и на развитие социальной сферы, функционирование которой все больше будет зависеть не от налоговых взносов занятых работников, численность которых может уменьшиться, а от национального дохода, увеличивающегося по мере роста общественной производительности труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ekonomsko ogledalo. 2020. № 2. www.umar.gov.si/publikacije/ekonomsko_ogledalo.
2. Strategija dolgožive družbe. Vlada Republike Slovenije, 2017. extranet.who.int/countryplanningcycles/sites/default/files/planning_cycle_repository/slovenia/slovenia_slovenian.pdf.
3. Kajzer A., Perko M., Sodija U., Celebić T., Petan P., Kuštrin A., Rogan D. Soočavanje s pomanjkanjem delovne sile / Ekonomski izzivi, 2019. Ljubljana: OMAR.
4. Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees (2018). Paris: OECD. ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/local_integration.pdf.
5. Zečkanović A., Bilban M. 2017. Zdravstvene težave migrantskih delavcev. Zavod za varstvo pri RDV. www.zvd.si/media/medialibrary/2018/05.
6. Reiter O. Robot adoption in the EU-CEE and the rest of the EU// WIIW Monthly Report. 2019. No. 5. wiiw.ac.at/monthly-report-no-5-2019-p-4948.html.

ABOUT THE AUTHOR

Кныазев Юрий Константинович – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
kyuk151@rambler.ru

IN THE FACE OF CHALLENGES IN THE LABOR MARKET: THE EXPERIENCE OF SLOVENIA

The article describes the experience of Slovenia in responding to modern challenges in the labor market, arising from the aging of the population and labor shortages. The measures, taken to expand employment of youth and pensioners, in particular, are characterized. The issues of attracting foreign labor migrants and their integration into Slovenian society are studied in detail. In conclusion, attention is drawn to the specific features of the Slovenian experience and the possibility of its use in Russia.

Key words: labor market, aging population, labor shortage, labor activity, unemployment, attracting migrants, automation, robotics.

JEL: E24, F22, J11, J14, J21, J26.

Р.С. КУЗНЕЦОВ

студент Санкт-Петербургского государственного экономического
университета

Н.С. СЛАВЕЦКАЯ

кандидат экономических наук, преподаватель Санкт-Петербургского
государственного экономического университета

Т.Г. ТУМАРОВА

кандидат экономических наук, профессор, директор Института
магистратуры Санкт-Петербургского государственного экономического
университета

КАТАР НА ЕВРОПЕЙСКОМ РЫНКЕ СЖИЖЕННОГО ПРИРОДНОГО ГАЗА

В статье рассматривается проблема конкурентоспособности катарского сжиженного природного газа (СПГ). Дана характеристика современного состояния производства и транспортировки катарского СПГ в европейские страны. Приведены результаты анализа объемов и доли поставок сжиженного природного газа из Катара. На основе SWOT-анализа дается оценка конкурентоспособности СПГ из Катара на европейском рынке.

Ключевые слова: рынок природного газа, сжиженный природный газ, предложение СПГ, спрос на энергоресурсы, цена СПГ.

JEL: F14, F23.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10031

Ускоренное внедрение новых технологий и трансформация всего геополитического пространства вызвали значительные изменения ситуации на мировом рынке газа. Сланцевая революция и развитие технологий СПГ привели к нарушению сложившихся ранее региональных энергетических балансов. Эти изменения стали драйверами для осуществления сложных торговых операций в глобальном масштабе. Спрос на природный газ непрерывно растет. Его потребление увеличилось в 2018 г. примерно на 4,6%, что является самым высоким показателем начиная с 2010 г. Причем наблюдается увеличение импорта европейскими странами как трубопроводного, так и сжиженного газа

(см. рис. 1). Спрос именно на СПГ растет максимальными темпами во всем мире, а его производство, транспортировка и использование с каждым годом все более востребованы. Ввод в эксплуатацию в 2018 г. мощностей по сжижению более 50 млн т в год (72 млрд куб. м) позволил увеличить объемы торговли СПГ на 10%, доведя их до 420 млрд куб. м в год¹. В 2018 г. общий мировой танкерный парк СПГ вырос на 11,5%, но выросли и ставки по фрахтованию.

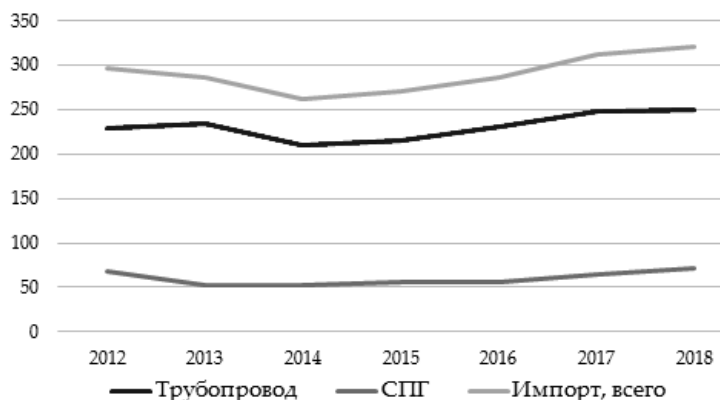
Глобальная торговля газом быстро расширяется благодаря значительному росту спроса и наличию больших запасов природного газа в Катаре, Австралии, США и в Российской Федерации. Торговля сжиженным природным газом является единственным реализуемым вариантом торговли между континентами. В последние два десятилетия наблюдается волна инвестиций в инфраструктуру экспорта СПГ. Крупные компании топливно-энергетического комплекса (например, Газпром, Total и Qatar Petroleum) активно развивают СПГ-проекты, строят собственные танкерные флоты. Страны-импортеры, в свою очередь, активно развивают инфраструктуру СПГ, строят терминалы по приему и регазификации сжиженного природного газа.

Катарская экономика является одной из самых быстрорастущих в мире, а ее основу составляют добыча и переработка топливных полезных ископаемых, прежде всего газа. В 1970-х годах огромные запасы природного газа были обнаружены на шельфовом Северном месторождении, которое пересекает морскую границу между Катаром и Ираном, причем большая часть месторождения находится в катарских водах. Северное месторождение остается крупнейшим из когда-либо найденных месторождений попутного нефтяного газа с запасами, которых при сохранении текущего уровня добычи в 77 млн т в год хватит еще на 130 лет. Катар занимает третье место в мире по доказанным запасам природного газа. В 2018 г. они составляли 24,7 трлн куб.м., или 12,5% мировых запасов.

В 2017 г. Катар объявил о выходе из ОПЕК, что явилось стратегическим ответом страны на изменение энергетического ландшафта в Персидском заливе и продолжавшийся около 18 месяцев бойкот со стороны Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Бахрейна и Египта. Еще одна из причин выхода из организации – неодобрение страной усиливающегося влияния Саудовской Аравии на деятельность ОПЕК [1]. Решение о выходе из ОПЕК объясняется правительством страны желанием сосредоточиться в первую очередь на добыче газа, а не нефти. Несмотря на то, что страна открыла нефть в 1939 г., через год после Саудовской Аравии и Кувейта, а присоеди-

¹ Global Gas Security Review. 2019. International Energy Agency, September 2019. www.iea.org/reports/global-gas-security-review-2019.

лась к ОПЕК в 1961 г., крупным игроком на мировом нефтяном рынке она так и не стала, что во многом обусловлено ограничением объемов экспорта стандартами ОПЕК.

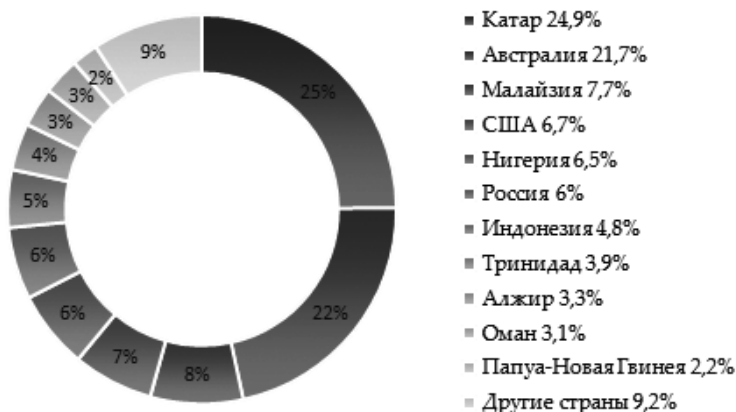

Источник: составлено авторами по: Global gas report. 2019. The SNAM, International Gas Union, 2019. www.igu.org/research/global-gas-report-2019.

Рис. 1. Динамика импорта природного газа в страны Европы, млрд куб.м.

Выбор Катара в пользу сжиженного природного, а не трубопроводного газа во многом обусловлен географическим положением страны и возможностью поставлять газ как на рынки Азии, так и в Европу. Цепочка создания стоимости сжиженного природного газа отличается от трубопроводного по двум основным технологическим характеристикам. Во-первых, необходимо сжижать природный газ при очень низкой температуре, чтобы повысить его плотность. Во-вторых, необходимо осуществлять регазификацию СПГ на терминале страны-импортера. Использование данных технологий значительно повышает стоимость сжиженного природного газа по сравнению с трубопроводным. Однако сравнительное преимущество СПГ заключается в том, что стоимость его транспортировки на дальние расстояния зачастую дешевле, чем транспортировка по трубопроводам. Востребованность СПГ повышается также по мере развития технологий плавучей регазификации.

Известно, что большая часть европейского импорта газа в целом – это поставки по трубопроводам из России. СПГ играет важную роль, например, для Великобритании и части государств Южной Европы. При этом почти половину европейского сжиженного природного газа поставляет Катар, который является лидирующим экспортером сжиженного природного газа по миру в целом (см. рис. 2.). В то же время нужно отметить, что, несмотря на самый крупный объем экспорта, доля Катара на мировом рынке снижается. Это объясняется стабильностью производства, в то время как другие страны экспорт СПГ наращивают.

Источник: составлено авторами по: World LNG report 2019. International gas union (IGU). 2019. www.igu.org/sites/default/files/node-news_item-field_file/IGU%20Annual%20Report%202019_23%20loresfinal.pdf.

Рис. 2. Рыночная доля государств – экспортеров СПГ в 2018 г.

Производство катарского СПГ осуществляется в промышленном центре Рас-Лаффан на побережье Персидского залива. Государственная компания Qatar Petroleum является основным акционером проекта по производству СПГ – Qatargas. В 2016 г. Qatargas был объединен с компанией RasGas². В данном проекте также принимают участие следующие компании: ExxonMobil, ConocoPhillips, Total, Shell, Mitsui и Marubeni. Система заводов Qatargas представляет собой один из крупнейших в мире мегапроектов по производству сжиженного природного газа. На заводе действует 14 производственных линий. Компания также планирует нарастить производство до 110 млн т в год к 2025 г. Оценивая СПГ-проекты Катара, стоит также обратить внимание на танкерный флот этой страны, который обеспечивает независимость Катара от стран-транзитеров. Крупнейшим игроком здесь выступает компания Qatar gas transport company Ltd. «Nakilat». В 2018 г. компания владела танкерным флотом из 65 судов (включая 20 стандартных судов, 31 Q-Flex и 14 Q-Max судов) (см. рис. 3). Nakilat осуществляет транспортировку по всему миру более 60% природного газа, производимого Катаром. Компания активно диверсифицирует свой флот и развивает судоходный потенциал для поддержки новых рынков СПГ³.

Важным фактором в торговле сжиженным природным газом является наличие у страны-импортера разгрузочных терминалов. В настоящее время в Европе функционируют 24 таких термина-

² Официальный сайт Qatar gas Company. Qatargas. www.qatargas.com/english/.

³ Nakilat annual report. 2018. Qatar gas transport company Ltd. «Nakilat» (QPSC). 2018. www.nakilat.com/annual-report-2/.

лов. Qatar Petroleum выступает акционером некоторых европейских СПГ-терминалов. Например, эта компания владеет 67,5% терминала South Hook. В Европе также намечено построить еще 12 регазификационных терминалов. Катар планирует наращивать строительство собственных терминалов по приему СПГ, рассматривая их наличие как важнейшее конкурентное преимущество. Но нужно отметить, что в настоящее время европейские СПГ-терминалы не работают на полную мощность [2], что в Европейском союзе рассматривается как важный элемент обеспечения энергетической безопасности. Там полагают, что безопасность поставок газа в Европу может быть более эффективно защищена за счет сохранения неиспользуемых мощностей (например, СПГ-терминалов), чтобы они могли быть задействованы в случае нарушения поставок от ключевых стран – экспортеров (например, России). В этом случае ЕС может увеличить объемы потребления сжиженного природного газа, задействовать новых поставщиков СПГ или заключить новые долгосрочные контракты с уже существующими поставщиками.

Источник: составлено авторами по: Nakilat annual report. 2018. Qatar gas transport company Ltd. «Nakilat» (QPSC). 2018. www.nakilat.com/annual-report-2.

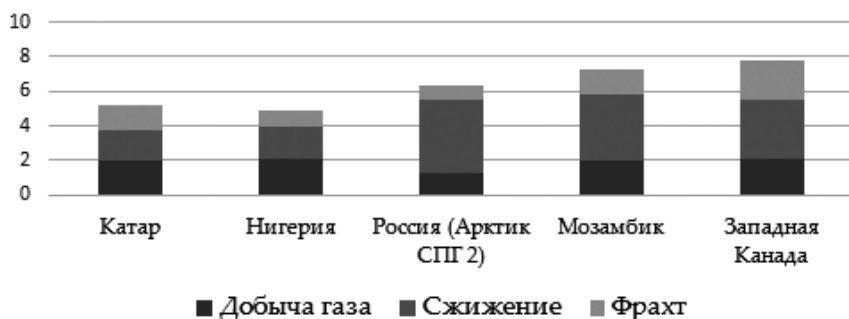
Рис. 3. Танкерный флот Qatar gas transport company Ltd. «Nakilat» в 2018 г.

Европейские страны взаимодействуют с несколькими поставщиками СПГ из разных государств. Крупнейшими выступают компании из Катара, Нигерии, Алжира, Российской Федерации, Норвегии и США. Стоит также отметить, что в настоящее время Катар является самым дешевым производителем на мировом рынке СПГ⁴. Стоимость катарского СПГ в Европе составляет менее 6 \$/MMBtu⁵. Сред-

⁴ IAEE Energy Forum U.S. LNG Exports Could Prove a Game Changer in the Global Gas Market. www.iaee.org/EN/publications/newsletterdl.aspx?id=368.

⁵ MMBtu – миллион британских тепловых единиц (используется на международных торговых биржах при расчете котировок газа).

ние издержки Катара на добычу газа составляют 2 \$/MMBtu, сжижение – около 1,5 \$/MMBtu и стоимость фрахта в Северо-Западную Европу – около 1,2 \$/MMBtu [3]. По прогнозу Оксфордского института энергетических исследований, и в дальнейшем при разработке новых проектов стоимость катарского сжиженного природного газа будет ниже, чем у большинства других поставщиков (см. рис. 4). СПГ из Катара по стоимости будет проигрывать только газу из Нигерии. Согласно прогнозу, стоимость катарского сжиженного природного газа на рынках Северо-Западной Европы в 2025 г. будет на 1,1 \$/MMBtu, или на 21%, ниже, чем российского (проект Арктик-СПГ 2), на 2,1 \$/MMBtu, или на 40%, ниже, чем мозамбикского и на 2,6 \$/MMBtu, или на 50%, ниже, чем газа, поставляемого из Западной Канады. Также нужно отметить самые низкие относительно других указанных проектов затраты Катара на сжижение: на 0,1 \$/MMBtu ниже, чем в Нигерии, на 2,5 \$/MMBtu ниже, чем в России, на 2,1 \$/MMBtu ниже, чем в Мозамбике и на 1,7 \$/MMBtu ниже, чем в Западной Канаде. Стоимость фрахта для Катара относительно высока, что объясняется его географическим расположением. Поэтому для Нигерии и России затраты на фрахт ниже на 0,5 и 0,7 \$/MMBtu соответственно. В то же время затраты Западной Канады на фрахт выше катарских на 0,8 \$/MMBtu.

Источник: составлено авторами по: [3].

Рис. 4. Ожидаемая стоимость сжиженного природного газа новых проектов на рынках Северо-Западной Европы в 2025 г. (по показателям «Добыча газа», «Сжижение», «Фрахт», \$/MMBtu).

Крупнейшими импортерами сжиженного природного газа среди европейских стран в 2018 г. являлись Испания, Франция, Италия и Великобритания (см. табл. 1). В настоящее время Катар также пытается наладить долгосрочное сотрудничество по поставкам СПГ с одним из крупнейших потребителей энергии в Европе – Германией, что может отрицательно сказаться на конкурентоспособности трубопроводного газа из России [4].

Таблица 1

Экспортеры СПГ в страны Европы в 2018 г., млрд куб. м

Куда	Откуда											
	США	Перу	Тринидад и Тобаго	Норвегия	Российская Федерация	Катар	Алжир	Ангола	Египет	Нигерия	Африка	Всего экспорт
Бельгия	–	–	–	0,1	0,8	2,7	–	0,1	–	–	–	3,7
Франция	0,5	0,3	0,1	1,5	1,5	1,1	4,0	0,1	0,4	3,6	–	13,1
Италия	0,5	–	–	0,1	–	6,3	0,7	–	0,2	0,1	0,1	8
Испания	0,3	1,7	2,2	0,6	0,9	3,4	1,5	0,1	–	4,1	0,1	14,9
Великобритания	1,2	0,1	0,8	0,2	1,7	2,9	0,3	–	0,2	–	0,1	7,5
Другие страны	1,1	0,3	0,2	2,0	2,0	3,1	1,1	0,2	–	2,5	0,1	12,6
Всего:	3,6	2,4	3,3	4,5	6,9	19,5	7,6	0,5	0,8	10,3	0,4	59,8

Источник: составлено авторами по: BP Statistical Review of World Energy. 2019. British Petroleum. 2019. www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-statistical-review-of-world-energy-2019.html.

Поставки СПГ из Катар в общей структуре импорта европейских стран составляют 32% всего объема поставок и являются наибольшими по сравнению с другими поставщиками, что говорит о лидирующем на настоящий момент положении страны на этом рынке. В планах Катар предусмотрено дальнейшее развитие взаимоотношений с европейскими потребителями. Однако, несмотря на значительную долю Катар, не стоит забывать о перспективах роста мощностей по сжижению в других странах. Так, в период с 2020 по 2024 гг. российский Газпром планирует ввести в эксплуатацию несколько заводов СПГ, общей номинальной мощностью в 29,5 млн т в год. Наибольшая доля будущих объемов поставок российского сжиженного природного газа будет, скорее всего, нацелена именно на европейский рынок и будет конкурировать с СПГ других поставщиков, включая Катар. При этом один из важнейших инструментов России в борьбе за европейский рынок, учитывая, что ПАО «Газпром» осуществляет почти половину

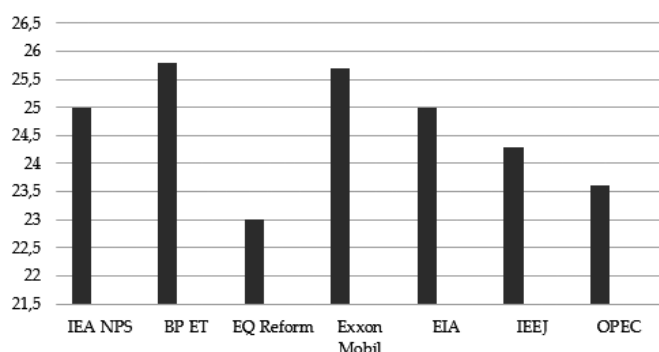
всех продаж природного газа в страны ЕС по трубопроводам, – возможность снижать цены с целью закрепления своих рыночных позиций. Россия также имеет возможность реализовать стратегию, которая может обеспечить выгоды в долгосрочной перспективе, вызвав ценовую войну в попытке не только удержать свои текущие рынки, но и расширить их. Отметим, что в последние годы США и Австралия также уже вложили существенные объемы инвестиций в проекты по производству СПГ⁶.

Активная внешняя политика Катара и его стремление играть ключевую роль на мировом рынке СПГ могут вести к усилению ответных мер со стороны стран – конкурентов. Например, Египет в состоянии ввести технические барьеры, препятствующие Катару транспортировать СПГ через Суэцкий канал по причинам, связанным с безопасностью и страховыми взносами. В таком случае экспорт катарского сжиженного природного газа в Европу будет осуществляться через Африканский Рог, что приведет к росту стоимости транспортировки. При таком сценарии могут вырасти поставки трубопроводного газа из России, а американский и российский СПГ для стран ЕС будет более привлекательным с точки зрения цены, чем катарский. Возможное ухудшение в отношениях между странами персидского залива также может вынудить катарские власти пойти на переговоры о заключении новых долгосрочных контрактов на поставку СПГ как в Европу, так и на Дальний Восток [2]. В условиях неопределенности и политической нестабильности Катар будет должен гарантировать бесперебойность поставок сжиженного природного газа и убедить потенциальных покупателей в их устойчивости.

Оценивая перспективы Катара и других стран – экспортеров СПГ на европейском рынке, нужно учитывать, что все основные сценарии от мировых нефтегазовых и консалтинговых компаний (IEA, USEIA, BP, Shell) – за последние пять лет они почти не менялись – предусматривают рост доли природного газа в мировом энергобалансе на период до 2040 г. примерно на 1,7% в год. Таким образом, доля газа составит в 2040 г. 24–25% (см. рис. 5). Согласно прогнозам, газ обгонит уголь как второй по величине источник энергоснабжения после нефти. Наращивание масштабов поставок сжиженного природного газа в Европу и соответствующее развитие газовой инфраструктуры, учитывая экологичность данного вида сырья и стремление европейских стран к снижению выбросов, станут дополнительными факторами роста спроса на СПГ.

⁶ LNGinEurope2018.AnoverviewofLNGimportterminalsineurope.King&Spalding.2018. www.kslaw.com/attachments/000/006/010/original/LNG_in_Europe_2018_-_An_Overview_of_LNG_Import_Terminals_in_Europe.pdf?1530031152.

В первой половине 2020 г. мировые рынки столкнулись с беспрецедентной ситуацией – обвальным падением цен нефть и спроса на энергоресурсы из-за пандемии COVID-19. Отметим и снижение цен на газ на европейских хабах TTF и NBP, на что наряду с пандемией повлиял и фактор сезонности. Естественно, значительное снижение цен на энергоресурсы ведет к снижению доходов компаний топливно-энергетического сектора и соответственно к снижению показателей CAPEX и OPEX, что обусловит перенос сроков ввода в эксплуатацию новых проектов по производству СПГ. Тем не менее влияние пандемии COVID-19, скорее всего, будет относительно краткосрочным, а на период до 2040 г. обусловит лишь незначительное снижение темпов роста спроса на природный газ. Развитие рынка природного газа продолжится, а его доля в общем энергобалансе стран в средне- и долгосрочной перспективе будет увеличиваться.

Источник: составлено авторами по: [3].

Рис. 5. Доля природного газа в мировом энергобалансе в 2040 г. (Прогнозы нефтегазовых и консалтинговых компаний).

Судя по результатам SWOT-анализа (см. табл. 2), Катар сохранит устойчивые позиции на рынке энергоресурсов и в дальнейшем будет оставаться основным конкурентом трубопроводному газу в Европе. Среди важнейших преимуществ Катара – возможность увеличения производства СПГ на уже введенных в эксплуатацию заводах, что устраняет риск внезапного роста затрат или перерасхода средств на строительство, а также возможность введения компанией Qatargas новых мощностей. Еще одним важным конкурентным преимуществом Катара является наличие собственного танкерного флота под управлением Qatar gas transport company Ltd. «Nakilat». Сравнительно невысокая цена на катарский СПГ, обеспечиваемая низкими затратами на добычу и низкими издержками на сжижение, также оказывает положительное влияние на перспективы страны на европейском рынке. Однако необходимо отметить следующие факторы, способные в значительной мере

Таблица 2

**SWOT-анализ катарского сжиженного природного газа
на европейских рынках**

Сильные стороны:	Слабые стороны:
– значительные доказанные запасы природного газа в стране в размере 24,7 трлн куб.м, или 12,5% общемировых запасов; – наибольший объем производства сжиженного природного газа в мире в объеме 70 млн т; – поддержка Qatargas со стороны государства, являющегося основным акционером компании; – налаженный производственный процесс, выраженный в бесперебойном функционировании всех введенных в эксплуатацию производственных линий; – крупный танкерный флот, насчитывающий 65 судов; – катарский СПГ уже занимает значительную долю рынка Европы – 32%; – конкурентоспособная цена на катарский СПГ; – широкая сеть доставки СПГ.	– технические возможности ряда европейских терминалов по приему СПГ-танкеров не позволяют обслуживать крупные танкеры из Катара; – введение в строй новых линий по производству СПГ требует от Qatargas значительных инвестиций и соответственно изъятия части денежных средств из оборота компании.
Возможности:	Угрозы:
– увеличение производственных мощностей до 110 млн т в год к 2025 г.; – реализация совместного проекта по постройке СПГ-терминала в Германии; – увеличение спроса на СПГ в Европе за счет стремления стран ЕС диверсифицировать поставки газа.	– конкуренция со стороны дешевого трубопроводного газа; – конкуренция со стороны других стран, наращивающих объемы производства и поставок СПГ (в частности, России, США и Австралии); – ухудшение политической обстановки и взаимоотношений между арабскими странами.

Источник: составлено авторами.

повлиять на позиции катарского СПГ: усиление конкуренции на мировом рынке СПГ, вызванное появлением новых экспортеров; увеличение объемов производства СПГ и его предложения, что может значительно снизить мировые цены на сжиженный природный газ [3]; наличие аль-

тернативных поставщиков СПГ, что расширяет возможности покупателей диктовать условия долгосрочных контрактов на поставку.

Свою ключевую задачу на долгосрочную перспективу Катар видит в сохранении доли рынка путем быстрой адаптации к его изменениям, включая динамику цен и появление новых центров сбыта СПГ. Реализация запланированных Катаром проектов по увеличению производственных мощностей СПГ создает реальные предпосылки для ее решения, что важно учитывать при формировании Россией своей энергетической стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tagliapietra S., Occhiali G., Hafner M.* The European gas markets: new dynamics in a rapidly evolving international context. papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3041122.
2. *Rende M.* The Qatar diplomatic crisis and the politics of energy // *Turkish Policy Quarterly*, 27 June 2017. Pp. 59–64.
3. Challenges to the Future of LNG: decarbonization, affordability and profitability. The Oxford Institute for Energy Studies. www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2019/10/Challenges-to-the-Future-of-LNG-NG-152.pdf?v=f9308c5d0596.
4. *Gamal R., Knecht E.* U.S. wants Qatar to challenge Russian gas in Europe – U.S. official. REUTERS. www.reuters.com/article/usa-energy-gulf-idUSL8N1ZE1XG.

ABOUT THE AUTHORS

Kuznetsov Roman Sergeevich – undergraduate, student of St. Petersburg State University of Economics, Russia
romak2921@mail.ru

Slavetskaya Nina Stepanovna – Candidate of Economic Sciences, Lecturer at St. Petersburg State University of Economics, Russia

Tumarova Tatyana Geltseva – Candidate of Economic Sciences, Professor, Director of the Institute of Magistracy of St. Petersburg State University of Economics, Russia

QATAR IN THE EUROPEAN MARKET OF LIQUEFIED NATURAL GAS

The article discusses the competitiveness of Qatari liquefied natural gas (LNG). The characteristic of the current state of production and transportation of Qatari LNG to European countries is given. The results of the analysis of the volumes and share of deliveries of liquefied natural gas from Qatar were presented. Based on the SWOT analysis, an assessment is made of the competitiveness of LNG from Qatar in the European market.

Key words: *natural gas market, liquefied natural gas, LNG supply, energy demand, LNG price.*

JEL: F14, F23.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

П.В. САВЧЕНКО

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

М.Н. ФЕДОРОВА

доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО И ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена исследованию социальных факторов развития российской экономики. Рассматриваются социально-трудовые отношения, уровень и качество жизни, социальные функции государства и бизнеса в условиях усиления социального тренда развития смешанной рыночной экономики и необходимости обеспечения ее устойчивого и динамичного роста. Особое внимание уделено обоснованию целесообразности сочетания социальных функций государства и заинтересованности бизнеса в социальных инвестициях.

Ключевые слова: смешанная рыночная экономика, социально-трудовые отношения, уровень и качество жизни, социальные функции государства, социальные инвестиции, реальные располагаемые доходы населения.

JEL: O10, O15, J30.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10032

Социальные аспекты устойчивого и динамичного экономического развития различных стран мира в последние десятилетия приобрели особое значение в связи с возрастанием роли человека в становлении нового постиндустриального общества. Творческий потенциал и интеллект человека становятся все более значимым фактором экономического роста [1], а «социальные расходы, – как отмечал академик РАН Л.И. Абалкин, – не безвозвратные затраты, не вычет из экономических ресурсов, а общественно необходимые вложения в человеческий капитал, в высшей степени эффектив-

ные как в социальном, так и в экономическом смысле» [2, с. 17]. Эта общая закономерность развития всей мировой экономики конца XX – начала XXI вв. в современных кризисных социально-экономических условиях, обусловленных пандемией 2020 г. и ее последствиями, будет только усиливаться.

В статье социальные факторы дальнейшего развития России рассматриваются с учетом сущностных характеристик российской экономики, среди которых на первый план мы поставили ее смешанный рыночный характер. Данный тип экономики, сложившийся в России в постсоветский период характеризуется тем, что, с одной стороны, в экономике присутствуют отношения частной собственности и конкуренции, труда и капитала, действует закон прибавочной стоимости, а с другой – сохраняются, хотя и в усеченной форме, отношения, которые существовали в советский период и которые обусловлены культурно- историческими традициями и национальным менталитетом. При этом на фоне имеющихся институциональных проблем постепенно усиливается потребность в решении целого ряда социальных задач как государством – для выполнения им своих социальных функций, так и бизнес-структурами.

Изучение социальных аспектов функционирования смешанной рыночной экономики охватывает широкий круг вопросов, среди которых в первую очередь нужно выделить социально-трудовые отношения, уровень и качество жизни, социальные функции государства и бизнеса, борьбу с коррупцией. Их рассмотрение начнем с социально-трудовых отношений, которые во многом определяют место и роль социального государства и человека как факторов экономического роста.

В смешанной рыночной экономике в социально-трудовых отношениях взаимодействуют различные социальные группы – олигархи, элита госслужащих, бизнес-сообщество, наемные работники, самозанятые, средний класс, креативные группы населения, маргинальные группы населения и т. д. ма его социальной устойчивости.

Социальная неоднородность общества в условиях смешанной рыночной экономики во многом является следствием действия закона прибавочной стоимости, в результате чего в России сложилось вопиющее неравенство в уровне жизни и доходах богатых и бедных. На долю 20% наименее обеспеченных в 2018 г. приходилось 5,3% доходов, а на долю 20% наиболее обеспеченных – 46,9%. Причем в последние годы растет доля населения с доходами ниже прожиточного минимума – с 12,5% в 2010 г. до 12,9% в 2018 г.¹

¹ Россия в цифрах. 2019. Стат. сб. М.: Росстат, 2019. С. 115.

Известно, что пороговыми значениями дифференциации доходов, не вызывающими социальную напряженность, в мировой практике считаются: для коэффициента Джини – 0,3–0,4, а для коэффициента фондов 7–9. В большинстве европейских стран значения этих показателей находятся в указанных диапазонах. Но в нашей стране коэффициент Джини увеличился с 0,409 в 2005 г. до 0,411 в 2018 г., а коэффициент фондов – с 15,2 до 15,5 соответственно². Поэтому снижение уровня неравенства и борьба с бедностью являются одними из наиболее острых проблем современного этапа социально-экономического развития России³.

Борьба с бедностью неразрывно связана с адресной поддержкой малообеспеченных семей. Надо сказать, что в настоящее время государство предпринимает целый ряд мер в этом направлении. Среди них: увеличение выплат на детей в малообеспеченных семьях, где доходы на человека не превышают прожиточный минимум, в размере от половины до одного прожиточного минимума (до достижения детьми 7-летнего возраста); начисление материнского капитала при рождении первого ребенка; обеспечение школьников 1–4 классов бесплатными обедами в школах. Большая часть из 4 млрд руб. дополнительных средств, выделенных Министерством финансов РФ до 2024 г. на реализацию национальных проектов⁴ и мер, изложенных в Послании Президента РФ Федеральному Собранию (15.01.2020 г.), будет направлена на поддержку малоимущих семей с детьми от 3 до 7 лет – около 1,39 трлн руб. и на материнский капитал – 1,23 трлн руб.⁵

На особое место при рассмотрении социальных аспектов устойчивого и динамичного развития смешанной рыночной экономики России нужно поставить повышение уровня и качества жизни населения. С одной стороны, и уровень, и качество жизни являются результатом развития экономики, а с другой – его фактором. От них, в конечном счете, зависит возможность развития человека как главной производительной силы и субъекта общественных отношений, социально-политическая стабильность в обществе и даже выбор человеком страны, где он предпочел бы жить и работать. Пока же, как известно, Российская

² Россия в цифрах. 2019. Стат. сб. М.: Росстат, 2019. С. 115, 126.

³ В Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.» № 204 от 07.05.2018 поставлена цель сократить бедность в 2 раза (www.kremlin.ru/events/president/news/57425).

⁴ Национальные проекты в области демографии, образования, здравоохранения, жилья и городской среды, производительности труда и поддержки занятости, экологии, науки и культуры, принятые в соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.» № 204 от 07.05.2018.

⁵ www.interfax.ru.

Федерация заметно отстает от развитых стран по уровню и качеству жизни населения, что обуславливает невысокий общий уровень социального развития. Сейчас наша страна по индексу социального развития (ИСР) занимает 62-е место (69,71)⁶. На первом месте находится Норвегия, где ИСР составляет 99,95, на втором – Дания (90,09) и на третьем – Швейцария (89,89)⁷. При этом нужно отметить, что Россия входит в группу стран с очень высоким индексом человеческого развития, занимая 49-е место (0,824, по данным на 2019 г.). На первом месте по этому индексу находится Норвегия (0,954), на втором – Швейцария (0,946), на третьем – Ирландия (0,942)⁸.

В России важную роль в повышении уровня и качества жизни и их взаимосвязи с экономическим ростом играет регулирование и поддержание (особенно в периоды кризисов) доходов различных социальных групп населения, потребительских бюджетов и заработной платы, что должно являться частью государственной социальной политики. Государство гарантирует минимальную заработную плату не ниже прожиточного минимума, соблюдение принципа равной оплаты за равный труд, равнодоступность социальных услуг образования и здравоохранения по всей территории России. Одним из механизмов повышения уровня и качества жизни может стать увеличение потребительской корзины, на основе которой определяется прожиточный минимум и, соответственно, гарантированная по Конституции РФ минимальная заработная плата. В нее следует включить расходы на доступ к Интернету, на занятия физкультурой и спортом, на юридические услуги, питание работающих вне дома, а также на сбережения на непредвиденные расходы⁹. В то же время рыночными условиями определяется взаимосвязь уровня и качества жизни среднего класса, креативных групп населения и бизнес-структур с экономическим ростом.

Общей основой взаимодействия государства и рынка в смешанной рыночной экономике должно являться сочетание принципов свободы и справедливости. Важно учитывать, что рыночный механизм регулирования рынка труда и оплаты труда сам по себе не в состоянии решить проблему справедливого вознаграждения за труд и возмеще-

⁶ Индекс социального развития характеризует уровень общественного благополучия и социального прогресса в странах мира. Он рассчитывается на основе результатов опросов, мнений экспертов и статистической информации международных организаций по показателям, объединенным в три группы, характеризующие основные потребности человека, основы благополучия человека и возможности развития человека.

⁷ www.gtmarket.ru.

⁸ gtmarket.ru/ratings/human-development-index.

⁹ Бобков В.Н. Чтобы жить на зарплату – безбедно // Российская газета, 24.01.2020. www.rg.ru.

ния затрат на рабочую силу для ее расширенного воспроизводства, о чем свидетельствует опыт постсоветской России. Это одна из важнейших причин стагнации реальных располагаемых доходов населения в 2014–2019 гг., которая привела к снижению потребительского спроса и темпов роста ВВП (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика ВВП и реальных располагаемых денежных доходов населения России, 2000–2019 гг. (в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году)

	2000	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
ВВП	110,0	106,4	104,5	103,4	101,3	100,7	97,7	100,3	101,6	102,3	101,4
Реальные располагаемые денежные доходы населения	112,0	112,4	105,9	104,6	104,0	98,8	97,6	95,5	99,5	100,1	100,8

Источник: составлено авторами по: Россия в цифрах. 2019. Стат. сб. М.: Росстат, 2019. С. 35, 37, 38, 39; Россия в цифрах. 2018. Стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 37, 38; Россия в цифрах. 2015. Стат. сб. М.: Росстат, 2015. С. 37, 38; Российский статистический ежегодник. 2018. Стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 51. (www.gks.ru; www.economy.gov.ru).

В целях преодоления стагнации реальных располагаемых доходов населения особое место в социально-экономической политике должно быть отведено мерам по регулированию заработной платы. Заработная плата – ключевой социально значимый фактор устойчивого развития смешанной рыночной экономики и экономического роста. Необходимо учитывать, что заработная плата играет несколько ролей: цены труда, формы вознаграждения за труд в соответствии с его количеством и качеством, денежного выражения стоимости рабочей силы. Однако в реализуемой в Российской Федерации модели социально-экономической политики она рассматривается преимущественно только как цена труда. Такой односторонний подход к заработной плате ведет не только к недооценке ее роли, но и к снижению спроса и, как следствие, к замедлению экономического роста российской экономики.

Роль заработной платы, как социального фактора устойчивого и динамичного развития российской экономики, неразрывно связана с возрастанием роли человека, его творческого потенциала, с общественно необходимыми затратами на воспроизводство рабочей силы, с количеством и качеством труда. Заработная плата, являясь основной формой денежных доходов населения, оказывает существенное влияние на мотивацию работников к труду. Ее доля в структуре денежных доходов населения хотя и колеблется, но устойчиво составляет более половины денежных доходов (см. табл. 2).

Таблица 2

**Доля оплаты труда в структуре денежных доходов населения,
2000–2018 гг. (%)**

	2000	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Доля оплаты труда (%)	62,8	63,6	65,2	65,1	65,3	56,6	52,8	53,9	55,4	59,3

Источник: составлено авторами по: Россия в цифрах. 2019. Стат. сб. М.: Росстат, 2019. С.120; Россия в цифрах. 2018. Стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 122. www.gks.ru.

Существенное влияние на уровень жизни населения оказывает его задолженность по кредитам (потребительским, ипотечным и т.п.), которая может снижать покупательную способность заработной платы. В России кредиты имеют более 50% занятого населения. Общая сумма задолженности по ним превысила в 2019 г. 16 трлн руб., причем в последние годы задолженность по кредитам устойчиво растет (см. табл. 3). В среднем ежемесячные платежи по кредитам составляют немногим более 10% ежемесячного дохода заемщиков. А у части заемщиков они значительно выше¹⁰. Для того чтобы не допускать рост задолженности населения по кредитам, Правительством РФ принято решение, чтобы банки выдавали кредиты только при условии, что ежемесячные платежи не будут превышать 50% ежемесячного дохода заемщика. Сокращению ежемесячных платежей по кредитам будет способствовать также снижение ставки ипотечного кредита (для семей с двумя и более детьми) до 6%, а на Дальнем Востоке – до 2%. Правительство разрабатывает план по дальнейшему снижению уровня ипотечной ставки и по рефинансированию выданных ипотечных кредитов¹¹.

Таблица 3

**Прирост, уменьшение (–) задолженности населения по кредитам,
2000–2018 гг. (млрд руб.)**

	2000	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Изменение суммы задолженности к предыдущему году (млрд руб.)	16	558	545	2312	2308	1230	–903	96	1358	2726

Источник: составлено авторами по: Россия в цифрах. 2019. Стат. сб. М.: Росстат, 2019. С. 119; Россия в цифрах. 2018. Стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 121. www.gks.ru.

¹⁰ www.cbr.ru.

¹¹ Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Правил возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации в 2020 году» от 23 апреля 2020 г. № 566 утверждена программа льготной ипотеки под 6,5% годовых для покупателей жилья в новостройках.

В ходе рыночных реформ в России был упразднен государственный контроль над заработной платой, и была ликвидирована единая сетка тарифных ставок и должностных окладов. Оплата труда регулировалась рынком или устанавливалась безо всякого обоснования – по усмотрению руководства предприятия. В результате сложились вопиющие перекосы в оплате труда, в вознаграждении за труд руководителей и рядовых работников.

Устранение перекосов в уровне оплаты труда является не только одной из актуальных социальных задач, но и условием обеспечения устойчивости экономического роста. Становится все более очевидным, что в смешанной рыночной экономике для устранения этих перекосов необходимо использовать позитивный опыт советского периода. Речь, конечно, не идет о копировании советской модели, а о выборочном использовании ее отдельных принципов, в том числе о связи заработной платы с количеством и качеством труда, равной оплаты за равный труд. И надо заметить, что в развитых европейских странах, например, в Швеции, такой подход широко используется [3, с. 465].

Принцип равной оплаты за равный труд, независимо от того, в каком регионе России живет человек, имеет большое значение для восстановления связи заработной платы с количеством и качеством труда в смешанной рыночной экономике России. Игнорирование этого принципа, особенно в социальной сфере, в сфере образования и здравоохранения, в конечном счете, привело к снижению качества работы государственных организаций, к текучести и дефициту кадров, усилило региональную дифференциацию, нарушило связь социальных факторов с развитием экономики. По данным Росстата, заработная плата учителей в Чукотском автономном округе составляет 256% от средней по России, в Ямало-Ненецком автономном округе – 242%, а в Республике Дагестан – 55%, в Карачаево-Черкесской Республике и Республике Северная Осетия – Алания – 58% (данные за 2017 г.)¹². Заработная плата врачей также значительно дифференцирована по регионам. В Ямало-Ненецком автономном округе она составляет 252% средней по России, в Сахалинской области – 265%, а в Республике Калмыкия – 56%, в Республике Ингушетия – 57% (данные на 2017 г.)¹³.

В настоящее время предпринимаются отдельные меры для восстановления принципа равной оплаты за равный труд. В Трудовой кодекс РФ внесено дополнение о предоставлении правительству полномочий по установлению требований к отраслевым системам оплаты труда.

¹² Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. М.: Росстат, 2018. С. 198–201.

¹³ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. М.: Росстат, 2018. С. 198–200.

В здравоохранении вводятся фиксированный минимальный оклад в каждой квалификационной группе и типовая норма труда на одну ставку, а при повышении оклада доплаты в регионах не должны сокращаться. Но такие меры охватывают ограниченный круг занятого населения, и пока они не привели к заметному сокращению необоснованной дифференциации в оплате труда, в том числе в региональном разрезе.

Социальные функции государства по мере развития смешанной рыночной экономики постепенно трансформируются, но его роль в решении социальных проблем не должна снижаться. Однако проведение в России в 1990-е годы либеральных рыночных реформ по рекомендациям «Вашингтонского консенсуса»¹⁴, который в социальной сфере предусматривал государственное финансирование только «основ образования и здравоохранения»[4], привело к сокращению социальных функций государства. Наиболее ощутимо это проявилось именно в этих двух социальных сферах.

Так называемая «оптимизация» здравоохранения, осуществляемая с 2010 г. (когда был принят закон об обязательном медицинском страховании), которая должна была позволить закрыть неэффективные медучреждения и расширить использование высокотехнологичных медучреждений, провалилась. Она привела к уменьшению количества больниц в 2 раза, поликлиник – почти на 13%, к сокращению большого числа медицинских работников. По данным Счетной палаты РФ, в 2019 г. по сравнению с 2017 г. численность врачей, среднего и младшего медперсонала сократилась соответственно на 1,0, 2,4 и 32,3%¹⁵. В результате снизились доступность и качество медицинских услуг, финансируемых государством. Для населения стало сложнее записаться на прием к специалистам узкого профиля, поэтому пациенты вынуждены чаще обращаться в платные медицинские учреждения.

Не менее сложные проблемы и в системе образования. Так по данным обследования материально-технического состояния школ, проведенного активистами ОНФ в 72-х регионах в 2018 г., только у 22% школ нет существенных проблем. Более чем в половине школ внутренние помещения находятся в плачевном состоянии (протечки, грибок,

¹⁴ «Вашингтонский консенсус» был сформулирован в 1989 г. Дж. Уильямсоном как рекомендации для стран Латинской Америки. «Вашингтонский консенсус» отводит главную роль сокращению дефицита бюджета, приватизации, конкуренции, свободному валютному курсу, привлечению иностранных инвестиций, гарантиям прав собственности. Он отражает общую позицию администрации США, МВФ и Всемирного банка. «Шоковая терапия» в России в 1990-е годы была основана на рекомендациях «Вашингтонского консенсуса».

¹⁵ Счетная палата зафиксировала развал здравоохранения // Независимая газета. 27.02.2020 г. [http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2F%2Feconomics%2F2020-02-27%2F4_7805_healthcare.html](http://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2F%2Feconomics%2F2020-02-27%2F4_7805_healthcare.html).

грязь и т. д.), в 1/3 школ не соблюдаются требования безопасности, нет спортзалов, спортивных площадок и стадионов, в 25% школ в туалетах неисправная сантехника, текут трубы, нет водоснабжения. По данным Министерства образования РФ, в 5000 школ туалеты размещены на улице. Многие здания требуют капитального ремонта¹⁶.

В последние годы стали предприниматься некоторые меры по восстановлению социальных функций государства, о чем свидетельствует рост социальных расходов государства, в процентах к ВВП. Если в 2005 г. они составляли, по данным Росстата, 9,3%, то в 2018 г. – 19,6%. Тем не менее, значимых изменений в социальной политике не произошло. И многие социальные функции государства, записанные в Конституции РФ, по-прежнему остаются декларациями.

Определяя меры по усилению социальных функций государства, важно обращать внимание на новые и востребованные в условиях смешанной рыночной экономики направления социальной политики. Одним из них является заключение социальных контрактов государства с человеком. Такие контракты основаны на целевом принципе выделения средств на решение конкретных социальных проблем. Сейчас делаются первые шаги – заключаются социальные контракты с многодетными семьями, в которых душевой доход ниже регионального прожиточного минимума. На средства, выделенные по социальному контракту, человек может получить новую профессию, которая даст возможность больше зарабатывать, или заняться малым бизнесом, что позволит увеличить доходы и выбраться из бедности¹⁷.

В решении социальных проблем в России особую роль играет бизнес-сообщество. Обращаясь к истории, нужно отметить, что многие российские предприниматели, будучи патриотами страны, принимали в этом активное участие. Они создавали благотворительные фонды для развития культуры, образования, здравоохранения. Среди таких предпринимателей – С.И. Мамонтов, С.П. Рябушинский, М.К. Тенишева, А.А. Бахрушин, А.П. Бахрушин, В.Д. Носов и др. Например, С.Т. Морозов и В.Е. Морозов строили для своих рабочих казармы, драматический театр, «ставили бочку» по случаю праздников. Они отлично знали психологию наемных работников своих фабрик, которые вышли из сельской общины, где господствовал принцип общинного коллективизма [5, с. 340–357; 6, с. 15–17].

Что касается использования ресурсов бизнеса для решения социальных вопросов в постсоветский период, то оно в целом не является значительным. По данным Росстата, в структуре затрат на рабочую

¹⁶ www.ucheba.ru.

¹⁷ Социальные контракты – пилотный проект, который осуществляется в 21 регионе страны и его предполагается распространить на все регионы.

силу в 1996–2017 гг. доля расходов на обеспечение работников жильем сократилась с 3,5% до 0,1%, профессиональное обучение – с 0,4% до 0,3%, социально-культурное обслуживание – с 3,5% до 0,3%¹⁸. Это соответствует логике либеральных рыночных реформ, которые предполагали сведение на нет социальных функций предприятий, как одного из пережитков советского периода. Хотя нельзя отрицать, что в именно в СССР был накоплен значительный позитивный опыт реализации социальных функций предприятий, например, в ходе реформ А.Н. Косыгина, когда за счет прибыли создавались фонд материального поощрения и фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства.

Конечно, в современной России есть примеры мобилизации финансовых средств бизнеса на решение социальных вопросов и благотворительность. Об этом свидетельствует то, что бизнес-элита России создала 20 крупных благотворительных фондов¹⁹. Например, фонд Е.П. и Г.Н. Тимченко осуществляет социально значимые программы, направленные на интеллектуальное, духовное и физическое развитие людей, в особенности детей-сирот и людей старшего поколения (программы «Старшее поколение», «Спорт», «Культура», «Семья и дети»)²⁰. Фонд В.О. Потанина осуществляет поддержку музеев и их сотрудников, образования, искусства, волонтерства и реализует другие социальные проекты²¹. Фонд В.Ю. Алекперова «Наше будущее» реализует региональные социальные программы и помогает развитию социального предпринимательства²². Представители бизнес-элиты выделяют средства на национальные проекты и борьбу с последствиями пандемии нового коронавируса.

Для того чтобы бизнес-структуры стремились вкладывать финансовые средства в социальные проекты, должны быть внесены существенные изменения в денежно-кредитную и бюджетно-налоговую политику государства, в результате которых бизнес будет заинтересован в социальных инвестициях и более активно начнет выделять средства на благотворительность. Можно ожидать, что более активному участию современного бизнес-сообщества в решении социальных проблем будет способствовать реализация норм Федерального закона «О защите и поощрении капиталовложений в РФ» № 69-ФЗ

¹⁸ Труд и занятость в России. 2019. М.: Росстат, 2019. С. 65, 104; Труд и занятость в России. 2003. М.: Росстат, 2003. С. 350, 351.

¹⁹ По данным Forbes, на первом месте – фонд Е.П. и Г.Н. Тимченко, на втором – фонд В.О. Потанина, на третьем – фонд В.Ю. Алекперова. www.forbes.ru.

²⁰ www.timchenkofoundation.org.

²¹ www.fondpotanin.ru.

²² www.nb-fond.ru.

от 01.04.2020 г., предусматривающих мораторий на изменение ставок налогов, регуляторных условий, тарифов естественных монополий, вывозных пошлин для крупных долгосрочных инвестиционных проектов. Определенный интерес для бизнеса будет представлять и его участие в реализации социальных контрактов в случае предоставления государством налоговых льгот (по примеру вычета из налогооблагаемой базы средств, направляемых на образование работников).

Решение социальных проблем и развитие социальной сферы в контексте задач обеспечения устойчивого и динамично роста российской экономики требуют системного подхода. Он предполагает необходимость учета всей совокупности факторов, воздействующих на социальные процессы, включая, например и такой, как коррупция, которая разрушает социальный потенциал экономического роста²³. Нужно обеспечить совместную согласованную работу и государственных структур, и бизнеса, и общественных объединений, и некоммерческих организаций, работающих в социальной сфере. Сама социальная политика при этом должна носить системный характер, что не отрицает необходимости реализации проектов, направленных на решение наиболее острых вопросов, как, например, корректировка деятельности здравоохранения и увеличение его финансирования в условиях борьбы с пандемией коронавируса нового типа. Критически важным является также сосредоточение усилий государства, в том числе по стимулированию бизнеса, на развитии тех направлений экономики, от которых прямо зависит решение социальных вопросов. Нам представляется, что приоритетом здесь должно стать формирование такой модели бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики государства, которая бы эффективно содействовала генерации рабочих мест, обеспечивающих устойчивую занятость и достойное вознаграждение за труд в соответствии с его количеством и качеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савченко П.В. Феномен Системы в контексте реалий и выбора вектора развития России» // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 2. С. 7–21.
2. Абалкин Л.И. Курс переходной экономики. Введение / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: Финстатинформ, 1997.
3. Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития. /Отв. ред. Р.С. Гринберг и П.В. Савченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2019.
4. Williamson J. Did the Washington Consensus Fail? Peterson Institute for International Economics. www.piie.com.

²³ По индексу восприятия коррупции (ИВК) Россия переместилась с 27-го места, занимаемого ей в конце 1980-х годов, на 138-е в 2018 г. (www.transparency.ru).

5. Строители России. XX век. Москва начала века. М.: «О-Мастеръ», 2001.
6. Баринов И. История российского предпринимательства. М.: ООО «ПРИНТЛЕТО», 2019.

ABOUT THE AUTHORS

Savchenko Paul Vyacheslavovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
pol@inecon.ru

Fedorova Maria Nikolaevna – Doctor of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
maria-fedorova.n@yandex.ru

SOCIAL ASPECTS OF SUSTAINABLE AND DYNAMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

The article is devoted to the study of social factors in the development of the Russian economy. The article considers social and labor relations, the level and quality of life, the social functions of the state and business in the context of strengthening the social trend of the development of a mixed market economy and the need to ensure its sustainable and dynamic growth. Particular attention is paid to justification of the feasibility of combining the social functions of the state and business interest in social investments.

Keywords: *mixed market economy, social and labor relations, standard and quality of life, social functions of the state, social investments, real disposable incomes of the population.*

JEL: O10, O15, J30.

П.С. ЗВЯГИНЦЕВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

В статье рассматривается роль и значение государственной собственности, в том числе для инновационного развития экономики страны. Проведен анализ организаций, осуществляющих инновации, в разрезе форм собственности. Сделан вывод о том, что для повышения инновационной активности организаций с государственной собственностью необходимо значительно увеличить финансирование в исследования и разработки. Произведен расчет количества сокращений государственных организаций и уменьшения имущества государственной казны Российской Федерации за период 2012–2021 гг. по результатам реализации и планам Государственной программы «Управление федеральным имуществом». Обосновывается вывод о необходимости принятия закона о национализации, приостановке приватизации, которая должна проводиться на иных принципах и подходах.

Ключевые слова: государственная собственность, частная собственность, инновации, инновационная активность организаций, технологические инновации, финансирование научных исследований и разработок, государственная программа, приватизация.

JEL: H50, H77, H12, L33.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10033

Материальной основой любого государства является государственная собственность, которая обеспечивает деятельность государства и представляет собой составную часть социальной инфраструктуры.

В любой национальной экономике государственный сектор играет очень важную роль и на него приходится определенная доля экономики. Размер государственного сектора может меняться:

- от стратегических задач, поставленных на заданный временной период;
- в зависимости от уровня и динамики развития социально-экономической системы страны;
- от глобальных и внешнеполитических условий;
- от культурно-исторических национальных традиций и других причин.

Государственный сектор является важным инструментом проведения структурной и инновационной политики. Многим странам

удается осуществить развитие инновационной экономики благодаря государственному сектору экономики. В текущих реалиях одним из драйверов экономического роста являются инновации, развитие которых способствует появлению более технологичных производств и более эффективному хозяйствованию [1; 2]. Инновациям принадлежит первостепенная роль в обеспечении динамически устойчивого развития экономики. Благодаря внедрению инноваций создается новая техника и принципиально новые технологические процессы. Поэтому многими правительствами мира инновационная модель развития экономики давно взята на вооружение. Так, в США в «Стратегии американских инноваций» записано: «стране, которая полностью сосредоточится на инновациях сегодня, будет принадлежать глобальная экономика завтра»¹.

В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. обозначены «достижимые цели долгосрочного развития, заключающиеся в обеспечении высокого уровня благосостояния населения и закреплении геополитической роли страны как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня. Единственным возможным способом достижения этих целей является переход экономики на инновационную социально ориентированную модель»². Поэтому в современных условиях развитие инновационной экономики является для России основной целью государственной политики. Однако, как показывают исследования, инновационная активность организаций за прошедшее десятилетие не увеличивалась, а уменьшалась (см. табл. 1).

Данные табл. 1 показывают, что инновационная активность организаций в 2018 г. составляла 7,45%, а в 2011 г. 10,4 %, т. е. уменьшилась на 28,4%.

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров и выполненных работ, услуг ежегодно уменьшался начиная с 2013 г. и в 2018 г. составил только 6,5 %, т. е. уменьшился на 29,3% (см. табл. 2).

Затраты на исследования и разработки (% от ВВП) ежегодно снижаются в целом по России начиная с 2010 г. (см. рис. 1). В 2018 г. они составили 1,0%, а в 2010 г. – 1,13%, т. е. уменьшились на 0,13%. Финансирование науки из средств федерального бюджета, в % к ВВП, в 2018 г. составило 0,40%, и уменьшилось по сравнению с 2010 г. на 0,11% (см. рис. 1).

¹ A Strategy for American Innovation. Washington, DC, October 2015. Pp. 2, 10–11.

² Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 года № 2227-р. «О Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/2f806c88991ebbad43cdaa1c63c2501dc94c14af (дата обращения: 12.04.2020).

Таблица 1

Уровень инновационной активности организаций Российской Федерации, %

	Годы									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017		2018 г.**
								по критериям 3-й редакции «Руководства Осло»*	по критериям 4-й редакции «Руководства Осло»*	
Российская Федерация	9,5	10,4	10,3	10,1	9,9	9,3	8,4	8,5	14,6	12,8
В % к 2018 г.	127,5	139,6	138,3	135,6	132,9	124,8	112,8	114,1	–	100,0

* За 2017 г. показатель рассчитан в соответствии со старой и обновленной четвертой редакцией международного руководства по статистическому измерению инноваций, реализуемого ОЭСР совместно с Евростатом (Руководство Осло). Методика расчета показателя утверждена приказом Росстата от 27.12.2019 № 818 для обеспечения международной сопоставимости (в 2018 г. были обновлены международные рекомендации (Руководство Осло). www.gks.ru/folder/14477.

** В 2018 г., по критериям 3-й редакции «Руководства Осло», равно 7,45%; рассчитано автором.

Источник: составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики. <https://www.gks.ru/folder/14477> (дата обращения: 11.03.2020).

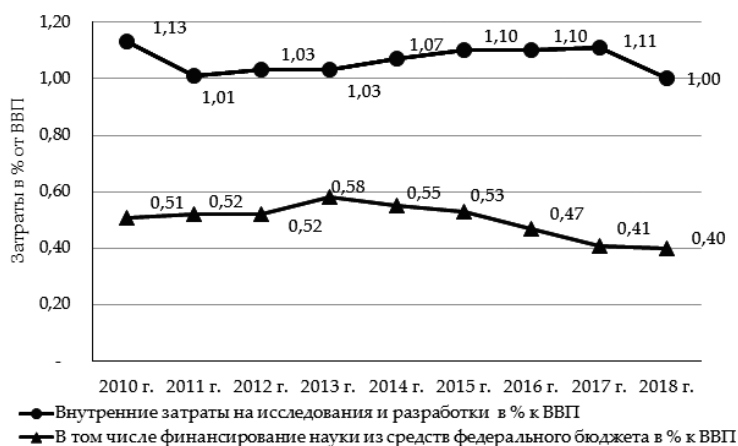
Таблица 2

Инновационные отгруженные товары, работы, услуги в России, 2010–2018 гг., %

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего	4,8	6,3	8,3	9,2	8,7	8,4	8,5	7,2	6,5
в % к 2018 году	73,9	96,9	127,7	141,5	133,9	129,2	130,8	115,4	100,0

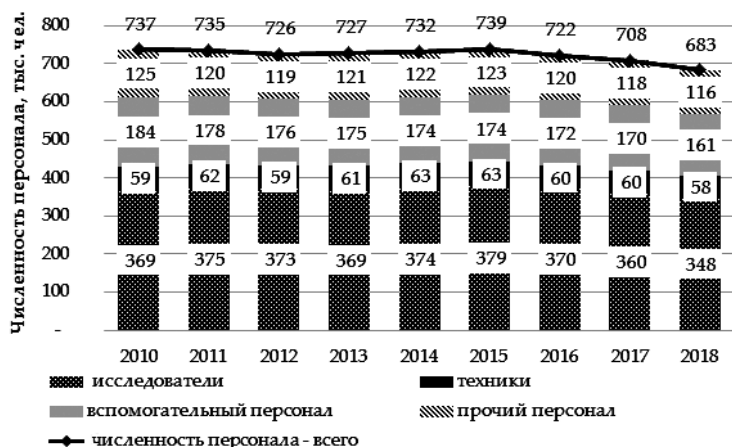
Источник: составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики. www.gks.ru/folder/14477 (дата обращения: 10.03.2020).

За годы рыночных реформ численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, значительно уменьшилась. Так, численность персонала по России в 2018 г. уменьшилась на 7,5 % по сравнению с 2010 г., в том числе исследователей – на 5,7%, техники – на 2,6%, вспомогательного персонала – на 12,6% и прочего персонала – на 6,7% (см. рис. 2).

Источник: составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики, www.gks.ru/folder/14477 (дата обращения: 16.03.2020).

Рис. 1. Затраты на исследования и разработки (% от ВВП), в целом по России, %

Источник: составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики, www.gks.ru/folder/14477 (дата обращения: 19.03.2020).

Рис. 2. Количество человек, занятых научными исследованиями и разработками, по категориям Российской Федерации, человек.

Таким образом, на протяжении последних десятилетий основные показатели инновационной деятельности российских организаций снижались. Это вызвано не только тем, что экономика страны оставалась невосприимчивой к инновациям, но и тем, что за последние годы затраты на исследования и разработки в России уменьшались, в том числе и на финансирование науки из средств федерального бюджета. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, также сокращалась. Все это и привело к уменьшению уровня инновационной активности российских организаций.

Несмотря на такое положение с инновационной деятельностью российских организаций, в Указе Президента Российской Федерации № 208 от 13.05.2017 г. «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве одной из основных задач государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности нашей страны записано: создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирования инновационного развития, а также совершенствование нормативно-правовой базы в этой сфере³. Экономическая безопасность России в современных реалиях может быть обеспечена только за счет ее инновационного развития.

Инновационная активность предприятий зависит от их формы собственности.

Так, в общем числе обследованных организаций России инновационная активность государственных организаций составила 9,7% в 2017 г., а частных – 9,1% (см. табл. 3). Данные табл. 3 показывают, что по технологическим инновациям инновационная активность государственных организаций составила 8,8% в 2017 г., а частных – 7,9%.

У предприятий федеральной собственности инновационная активность составила в 2017 г. 13,3 % и по технологическим инновациям – 12,4 %, что значительно больше чем у частных. Организации с муниципальной собственностью в 2017 г. имели низкую инновационную активность – 2,5% и 2,1% – технологическую активность. Низкая инновационная активность организаций с муниципальной собственностью уменьшила инновационную активность предприятий с государственной собственностью.

Инновационная активность государственных корпораций составила в 2017 г. 32,2%, а по технологическим инновациям – 30,2%, совместная федеральная и иностранная соответственно: 26,6% и 25,2%. Таким образом, государственные предприятия и корпорации наиболее активно осуществляют инновационную деятельность, внедряют технологические инновации по сравнению с частными и другими организациями. У муниципальных организаций инновационная активность меньше, чем у государственных организаций в 3,9 раз.

Инновационная активность религиозных объединений в общем числе обследованных организаций составила в 2017 г. 9,1%. Инновационная активность по технологическим инновациям религиозных объединений также составила 9,1% и была выше, чем у государственных и частных организаций. Это вызвано, по всей видимости, тем, что их организации не платят налоги государству. Организации иностранных граждан в общем числе обследованных организаций имеют низ-

³ www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения: 20.04.2020).

Таблица 3

**Инновационная активность организаций в общем числе
обследованных организаций по формам собственности в 2017 г.**

Перечень форм собственности	Инновационная активность организаций	Технологическая активность организаций
Российская	8,3	7,4
Государственная	9,7	8,8
Федеральная	13,3	12,4
Субъектов РФ	4,9	3,9
Муниципальная	2,5	2,1
Частная	9,1	7,9
Религиозных объединений	9,1	9,1
Государственных корпораций	32,2	30,2
Смешанная российская	17,7	16,6
Иностранная	6,9	6,0
Иностранных юридических лиц	7,0	6,1
Иностранных граждан и лиц без гражданства	4,8	4,8
Смешанная иностранная собственность	4,9	4,9
Российская и иностранная собственность	14,1	12,3
Совместная федеральная и иностранная	26,6	25,2
Совместная субъектов РФ и иностранная	20,0	16,7
Совместная частная и иностранная	13,1	11,3
Итого: по всем формам	8,5	7,5

Источник: составлено автором по: Статистика науки и образования. Вып. 4. Инновационная деятельность в Российской Федерации. Инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. С. 49.

кую инновационную активность. Так, их инновационная активность составила 4,8 % в 2017 г. в общем числе обследованных организаций, а по технологическим инновациям – 4,8%.

Государственные организации, осуществляющие технологические инновации, увеличивают количество отгруженных инновационных товаров (см. табл. 4).

Таблица 4

Показатели инновационной активности организаций, осуществлявших технологические инновации, по формам собственности

Наименование форм собственности	Отгруженные инновационные товары организациями, осуществляющими технологические инновации, %		
	2010 г.	2016 г.	2017 г.
Российская	7,4	16,1	11,5
Государственная	14,6	24,8	31,4
Федеральная	16,1	27,1	34,4
Субъектов Российской Федерации	7,7	4,1	3,7
Муниципальная	10,1	4,1	9,5
Частная	7,7	12,9	10,6
Потребительской кооперации	15,3	18,9	–
Общественных и религиозных организаций (объединений)	2,9	24,4	24,6
Смешанная	5,2	19,3	9,2
Государственных корпораций	8,8	25,4	23,6
Иностранная	11,5	23,0	22,0
Российская и иностранная	15,5	17,4	19,0
Всего	8,9	16,6	12,9

Источник: рассчитано автором по: Статистика науки и образования. Вып. 4. Инновационная деятельность в Российской Федерации. Инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018.

Так, инновационные товары, отгруженные инновационно активными государственными организациями, осуществляющими технологические инновации, в 2010 г. составляли 14,6%, в 2016 г. – 24,8% и в 2017 г. – 31,4%. В объеме отгруженных инновационных товаров активных федеральных организаций, осуществляющих технологические инновации, удельный вес товаров составил: 2010 г. – 16,1%, 2016 г. – 27,1% и 2016 г. – 34,4%.

Отгруженных инновационных товаров активными частными организациями, осуществляющими технологические инновации, значительно меньше, чем у государственных. В 2010 г. они составляли 7,7%, в 2016 г. – 12,9% и в 2017 г. – 10,6%.

Значительный темп роста отгруженных инновационных товаров составил у общественных и религиозных инновационно активных организаций (объединений). Если в 2010 г. он составлял 2,9%, то в 2017 г. – 24,6%, т. е. рост составил 8,5 раз.

Следовательно, несмотря на снижение уровня инновационной активности государственных организаций, удельный вес отгруженных ими инновационных товаров увеличился в 2017 г. на 6,6% по сравнению с 2016 г., а частными организациями уменьшился на 2,3% за аналогичный период.

Количество государственных организаций, разрабатывавших нанотехнологии, в 2017 г. составило 71 единицу, а частных организаций только 28 единиц (см. табл. 5). Количество государственных организаций, использовавших нанотехнологии, в 2017 г. составило 91 единицу, а частных организаций – 103 единицы.

За 2017 г. количество разработанных нанотехнологий государственными организациями составило 242 единицы, а частными организациями – 137 единиц. Количество используемых нанотехнологий государственными организациями за 2017 г. составило 437 единицы, а частных организаций – 428 единиц.

Несмотря на то что организаций с частной собственностью, разрабатывавших нанотехнологии и их использовавших, значительно меньше, чем государственных организаций, но число используемых ими нанотехнологий меньше только на 1,6%, чем используемых нанотехнологий государственными организациями. По всей видимости, организации с частной собственностью используют нанотехнологии, разработанные государственными и другими организациями.

Таким образом, в 2017 г. в России количество государственных организаций, разрабатывавших нанотехнологии, в 2,5 раза больше, чем частных организаций, и в 1,8 раза больше количества разработанных нанотехнологий.

Внутренние затраты организаций на исследования и разработки ежегодно увеличиваются (см. рис 3).

Если в 2010 г. затраты организаций на исследования и разработки составляли 523,4 млрд руб., то в 2017 г. – 1019,2 млрд руб., или увеличились на 94,7%. Затраты на исследования и разработки государственных организаций увеличивались с 2010 г. по 2014 г., но с 2015 г. по 2017 г. они сокращались и составили в 2017 г. 553,9 млрд руб., что составляет 94,2% от затрат 2015 г. Затраты организаций с частной собственностью ежегодно увеличиваются с 2010 г. по 2017 г. и составили в 2017 г. 181,0 млрд руб. Несмотря на сокращение затрат государственных организаций на исследования и разработки, они в 3,1 раз больше затрат частных организаций.

Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г.» повышение внутренних затрат на исследования и разработки должны составлять к 2020 г. до 2,5–3% ВВП, в т. ч. более половины – за счет част-

ного сектора⁴, а они составили в 2017 г. только 32,7% от внутренних затрат на исследования и разработки.

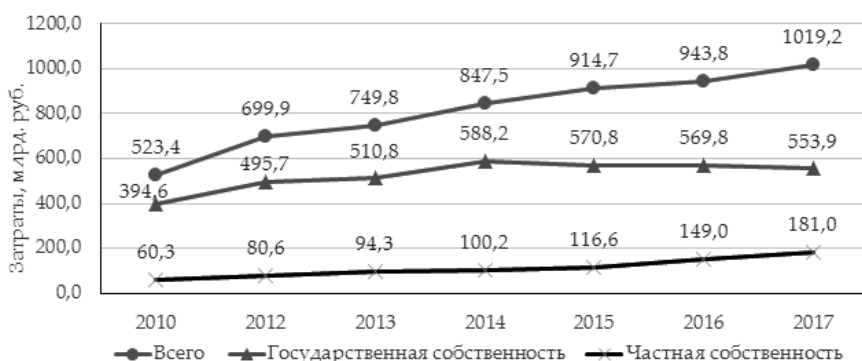
Таблица 5

Количество организаций, разрабатывавших и использовавших нанотехнологии, и количество нанотехнологий, разработанных и используемых в 2017 г. в РФ (единиц)

	Перечень собственности	Количество организаций		Количество нанотехнологий	
		разрабатывавших нанотехнологии	использовавших нанотехнологии	разработанных	используемых
1	Российская	110	242	396	1036
2	Государственная	71	91	242	435
3	Федеральная	69	88	240	415
4	Субъектов России	2	3	2	20
5	Муниципальная	–	11	–	34
6	Частная	28	103	137	428
7	Смешанная российская	9	29	14	115
8	Иностранная	1	14	29	56
9	Иностранных юридических лиц	1	14	29	56
10	Совместная Российская и иностранная	6	11	21	52
11	Совместная частная и иностранная	6	10	21	51
12	Итого	117	267	446	1144

Источник: составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики, in.minenergo.gov.ru/upload/iblock/324/3245b501c3c2668d9b86003762c32a49.xlsx (дата обращения: 21.03.2020).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г.». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444 (дата обращения: 14.04.2020).

Источник: составлено автором по: Индикаторы науки: 2019: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.Л. Дьяченко и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 90.

Рис. 3. Внутренние затраты организаций на исследования и разработки по формам собственности, млрд руб.

Это еще раз подтверждает, что частные организации меньше вкладывают средств в

исследования и разработки новых продуктов, так эти затраты являются рисковыми. По статистическим данным, сегодня 73,6% общего объема фундаментальных исследований выполняется в государственном секторе, 20,0% – в секторе высшего образования и только 6,2% – в предпринимательском секторе [3].

Рассмотрим, что мешает инновационной активности организаций в Российской Федерации. К факторам, препятствующим разработке и реализации инноваций, относятся экономические, внутренние и другие (см. табл. 6).

Данные табл. 6 показывают, что в России основными факторами, препятствующими разработке инноваций и их реализации, являются: высокая стоимость нововведений, недостаток собственных денежных средств, недостаток финансовой поддержки со стороны государства, высокий экономический риск, нехватка квалифицированного персонала. Такое положение вызвано тем, что финансирование науки на исследования и разработки из средств федерального бюджета РФ начиная с 2014 г. с каждым годом уменьшалось. В 2017 г. оно составило 377,9 млрд руб. (15 673,3 млн долл. США), или 0,41% от ВВП [4]. Финансирование науки на исследования и разработки из средств государственного бюджета в других странах в 2017 г. составило: в США – 151 380 млн долл., в Японии – 35 010 млн долл., в Корее – 21 894,1 млн долл., в Германии – 37 221,1 млн долл., во Франции – 17 430,8 млн долл. [4].

Проведенный анализ показал, что государственные предприятия в Российской Федерации проявляют более высокую инновационную

Таблица 6

**Факторы, препятствующие инновациям, в общем числе
обследованных организаций, %**

	2015 г.		2017 г.	
	Факторы, препятствующие инновациям	Факторы, препятствующие технологическим инновациям	Факторы, препятствующие инновациям	Факторы, препятствующие технологическим инновациям
Экономические факторы				
Недостаток собственных денежных средств	22,1	3,3	20,6	3,0
Недостаток финансовой поддержки со стороны государства	19,7	2,8	17,9	2,4
Низкий спрос на новые товары, работы, услуги	12,9	1,8	11,9	1,8
Высокая стоимость нововведений	23,0	3,5	21,6	3,2
Высокий экономический риск	20,0	3,1	18,8	2,8
Внутренние факторы				
Низкий инновационный потенциал организации	12,8	1,0	12,6	1,0
Недостаток квалифицированного персонала	13,9	2,0	13,3	1,8
Недостаток информации о новых технологиях	9,8	1,0	9,2	1,0
Недостаток информации о рынках сбыта	9,4	1,2	8,9	1,2
Неразвитость кооперационных связей	8,4	1,1	8,1	0,9
Другие факторы				
Недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность	11,7	2,2	10,8	1,8
Неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские, прочие услуги)	11,4	1,8	10,3	1,4
Неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности	12,8	1,9	11,7	1,7

Источник: составлено автором по: Статистика науки и образования. Вып. 4. Инновационная деятельность в Российской Федерации. Инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. С. 66.

активность по сравнению с частными организациями, и это несмотря на ежегодное снижения финансирования на исследования и разработки, небольшое количество государственных предприятий и на ежегодную их приватизацию.

Государственных предприятий в 2018 г. было 2,2 % от общего количества предприятий, общественных и религиозных организаций – 3,1%, в смешанной собственности – 4,1%, в муниципальной – 4,3%, а в частной собственности – 86,3% [4].

За семнадцать лет (с 2000 по 2017 г.) количество государственных организаций уменьшилось на 46,27%, а частных за этот период увеличилось на 36,24% [5].

Создание условий для эффективного управления федеральным имуществом и сокращение предприятий с государственной собственностью и имущества государственной казны с 2013 г. происходило в соответствии государственной программой «Управление федеральным имуществом»⁵. В 2017 г. в Программу «Управление федеральным имуществом»⁶ были внесены изменения, в том числе были изменены сроки реализации Программы, ожидаемые результаты, цели и задачи.

В 2018 г. в измененную Программу Правительство РФ вновь вносит изменения и ее утверждает⁷. В Программе изменены ожидаемые результаты ее реализации, объемы бюджетных ассигнований, увеличены сроки ее реализации и сокращения количества организаций с государственным участием и имущества государственной казны Российской Федерации. В 2019 г. Правительство РФ принимает очередное Постановление (четвертое) № 352-20 и в очередной раз продлевает сроки реализации Программы – до 2021 г.⁸

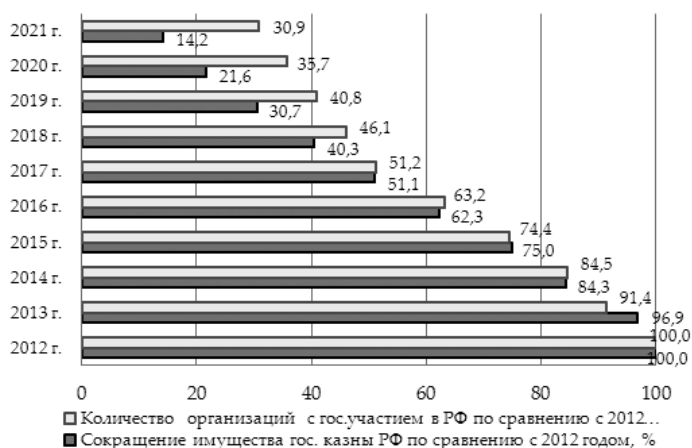
К 2021 г. количество государственных организаций, по данным Программы, сократится до 30,9% по отношению к 2012 г., или уменьшится в 3,24 раз. Имущество государственной казны Российской Федерации уменьшится до 14,2%, т. е. сократится в 7,05 раз (см. рис. 4).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 16.02.2013 № 191-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление федеральным имуществом». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142285 (дата обращения: 10.04.2020).

⁶ Постановление Правительства РФ от 31 марта 2017 г. № 381-12 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Управление федеральным имуществом» (дата обращения: 10.04.2020).

⁷ Постановление Правительства РФ от 30 марта 2018 г. № 367-14 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Управление федеральным имуществом» (дата обращения: 12.04.2020).

⁸ Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 N 352-20 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Управление федеральным имуществом». rulaws.ru/government/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-29.03.2019-N-352-20 (дата обращения: 12.04.2020).

Источник: рассчитано автором по: данные Программы «Управление федеральным имуществом».

Рис. 4. Количество государственных организаций и имущества государственной казны, по сравнению с 2012 г., %.

В Программе наряду с сокращениями имущества государственной казны и количества организаций с государственным участием даны ежегодные сокращения количества акционерных обществ с государственным участием и федеральных унитарных предприятий по отношению к предыдущему году. Количество федеральных государственных унитарных предприятий в соответствии с Программой уменьшится к 2021 г. до 28,8%, т. е. сократится в 3,48 раз, а акционерных обществ с государственным участием соответственно до 33,3%, т. е. сократится в 3,01 раза [6].

По мнению ученых, «несмотря на разнообразие заявленных целей и задач, государственная программа, изначально принятая для создания условий для эффективного управления федеральным имуществом и совершенствования системы государственного материального резерва, в итоге стала характеризоваться такими целевыми индикаторами, которые иллюстрируют лишь тенденцию к сокращению государственного участия в экономике...» [7]. Таким образом, государственная программа «Управление федеральным имуществом» в процессе «доработки» реально становится инструментом сокращения количества государственных предприятий.

В периоды кризисов государственный сектор во многих странах мира выступал в качестве спасения национальной экономики. При реализации инновационной промышленной политики государство за счет административных действий может переориентировать финансовые потоки государственным предприятиям, согласно намеченным целям и перспективным направлениям развития.

Государственный сектор экономики нужен для инновационной экономики России. Это подтверждают и специалисты в данной области. Так, например, Е.Б. Ленчук считает, что «без мощной государственной активности в решении задач инновационного развития не обойтись. Это подтверждается и опытом других стран, добившихся успеха и вышедших на траекторию инновационного роста, которые сделали это благодаря активному участию и поддержке государства» [8].

Однако Правительство России планирует и дальше приватизировать государственные предприятия. Согласно прогнозному плану приватизации, в 2020–2022 гг. планируется приватизировать 86 федеральных государственных унитарных предприятий, 186 акционерных обществ, доли участия Российской Федерации в 13 обществах с ограниченной ответственностью, а также 1168 объектов иного имущества государственной казны Российской Федерации⁹.

Кроме перечисленных выше предприятий и объектов, по решению Президента и Правительства РФ, также будут приватизированы пакеты акций крупнейших компаний, занимающих лидирующее положение в соответствующих отраслях экономики¹⁰: Махачкалинский морской торговый порт; племенной форелеводческий завод Адлер; Новороссийский морской торговый порт и Внешнеэкономическое объединение Алмазювелирэкспорт.

Правительство планирует сокращать доли участия России в уставных капиталах акционерных обществ, в том числе Кизлярского коньячного завода (до 50% плюс 1 акция), Росспиртпрома (до 75% плюс 1 акция) и других¹¹.

Зачем правительство России избавляется от эффективных крупнейших компаний?

В прогнозный план приватизации федерального имущества на 2020–2022 гг. включены 23 акционерных обществ, находящиеся в федеральной собственности, которые занимаются научными исследованиями и разработками¹². Среди них:

1. Центральный конструкторско-технологический институт арматуростроения, г. Москва.
2. Научно-исследовательский институт вычислительных комплексов им. М.А. Карцева, г. Москва.
3. Государственный научно-исследовательский институт операционных систем, г. Москва.

⁹ Прогнозный план (программа) приватизации федерального имущества на 2020–2022 годы. rosim.ru/documents/367399 (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

4. Научно-исследовательская часть «МАТИ» Российского государственного технологического университета имени К.Э. Циолковского, г. Москва.
5. Научно-технический центр радиоэлектронной борьбы, г. Москва.
6. ОАО Институт «Прикладной биохимии и машиностроения», г. Москва.

В прогнозный план приватизации федерального имущества на 2020–2022 гг. включены 16 федеральных государственных унитарных предприятий, которые занимаются научными исследованиями и разработками¹³. Среди них:

1. Исследовательский центр инноваций и энергоэффективности, г. Москва.
2. Научно-производственное объединение «Гидротрубопровод», г. Москва.
3. Всероссийский научно-исследовательский институт химических средств защиты растений, г. Москва.
4. Всероссийский научно-исследовательский институт информатизации агрономии и экологии, Московская область, Одинцовский район, пос. Немчиновка-1.
5. Государственный научный центр «Научно-исследовательский институт органических полупродуктов и красителей», г. Москва.
6. Специальное конструкторско-технологическое бюро «Технолог», г. Санкт-Петербург.

По мнению Е.Б. Ленчук: «За годы рыночных трансформаций Россия практически потеряла отраслевую прикладную науку. За последнее десятилетие количество научно-исследовательских организаций и конструкторских бюро сократилось более чем на 30%, а проектных организаций – на 45%. При этом потери в отраслевой науке не удалось компенсировать развитием корпоративной науки. Сегодня идет последовательное разрушение фундаментальной науки» [8].

Частным компаниям в основном не нужны научно-исследовательские институты, им нужна их территория для строительства жилых домов или офисных помещений.

«Многие предприниматели озабочены не поиском талантливых изобретателей, не внедрением уникальных технологий, не созданием и выводом на рынок новых продуктов, а подкупом чиновников ради получения «контроля над потоками» перераспределения собственности» [9].

В России, в условиях нарастания санкционного давления, невозможности получения дешевых кредитов и новых технологий, а также

¹³ Прогнозный план (программа) приватизации федерального имущества на 2020–2022 годы. rosim.ru/documents/367399 (дата обращения: 20.04.2020).

информационной войны, без государственной собственности невозможно проведение новой индустриализации на базе инноваций.

Кроме этого, из-за ситуации с коронавирусом в России начали останавливаться автомобильные заводы и другие предприятия. Предполагаемые убытки для российской экономики из-за эпидемии коронавируса и ограничительных мер, связанных с ним, по оценкам Национального рейтингового агентства (НРА), могут составить 17,9 трлн руб. и лишиться работы около 15,5 млн человек [10].

Правительства многих стран в условиях развития коронавируса в качестве возможной меры поддержки предприятий в условиях пандемического кризиса рассматривают возможность их национализации. «Мы не допустим банкротства экономически крепких компаний», – заявил министр экономики и энергетики ФРГ Петер Альтмайер, пояснив, что национализация может стать одним из вариантов поддержки в условиях разрыва из-за коронавируса глобальных цепочек поставок и обвала спроса [11].

Итальянское правительство приняло решение о национализации авиакомпаний Alitalia, с компенсацией владельцам в размере 3,5 млрд евро [11].

Вопрос о национализации в России поднимался еще до начавшейся вирусной истерии. Депутаты Государственной Думы не раз пытались инициировать законопроекты о национализации, но они были отклонены Госдумой. «Главное сегодня – не упустить свою экономику, – подчеркнул Геннадий Зюганов. – Дешевают акции» [12].

Новые высокотехнологичные секторы экономики и обновление традиционных секторов экономики должны планироваться и финансироваться государством за счет эффективного инновационного развития.

Если экономика России не получит новый двигатель – передовые технологии, у нее не будет шанса войти в число глобальных лидеров. Это шанс для России стать лидером новейших отраслей экономики и начать формировать новые направления научного и технологического развития¹⁴.

Для этого должен быть принят закон о национализации, и приватизация должна проводиться на основе иных принципов и подходов. Государственная собственность является драйвером развития инновационной российской экономики.

Для повышения инновационной активности организаций с государственной собственностью необходимо значительно увеличить финансирование исследований и разработок.

¹⁴ Стратегия развития страны 2018–2024. Центр Стратегических разработок. [strategy.csr.ru/user; strategy.csr.ru/user /themes/standart/files/csr.compressed.pdf](https://strategy.csr.ru/user;strategy.csr.ru/user/themes/standart/files/csr.compressed.pdf) (дата обращения: 11.03.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hollanders H., Tarantola S., Loschky A.* Regional innovation scoreboard (RIS) 2009 // Pro INNO Europe. 2009. No. 2.
2. *Голдякова Т.В.* Понятие и классификация инноваций // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 2.
3. *Корепанов Е.Н.* Парадоксы в науке и инновациях // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 47–56.
4. *Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 208.*
5. *Звягинцев П.С.* Управление государственным имуществом: состояние и перспективы // Вестник Института экономики Российской Академии Наук. 2018. № 6. С. 115–129.
6. *Звягинцев П.С.* Государственные программы как инструмент управления федеральным имуществом: проблемы эффективности // В сборнике: Институциональные аспекты повышения качества государственного управления в контексте новых стратегических вызовов / Под ред. И.И. Смотрицкой, С.В. Козловой. М.: Институт экономики РАН, 2019. С.
7. *Козлова С.В.* Управление государственным и муниципальным имуществом: сможет ли новый закон преодолеть институциональные ловушки? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 5. С. 33–42.
8. *Ленчук Е.Б.* Формирование инновационной модели развития России: работа над ошибками // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 2. С. 27–39.
9. *Медведев Д.* Россия, вперёд! www.kremlin.ru/news/5413 (дата обращения: 12.03.2020).
10. Национальное рейтинговое агентство (НРА). Известия: «Общий ущерб от пандемии может составить почти 18 трлн руб.». www.ra-national.ru/ru/node/63643 (дата обращения: 11.03.2020).
11. *Катасонов В.* Коронавирус заставил вспомнить о национализации // Вестник. 2020. № 652. С. 86–92. kprf.ru/library/partypress (дата обращения: 12.03.2020).
12. *Зюганов Г.А.* «Мы в состоянии многое сделать в это трудное время» // Вестник. 2020. № 663. С. 2. kprf.ru/library/partypress (дата обращения: 12.03.2020).

ABOUT THE AUTHOR

Zvyagintsev Petr Semenovich – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
petrz@bk.ru

STATE OWNERSHIP AS A DRIVER OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIA'S INNOVATIVE ECONOMY

The article considers the role and importance of state ownership, including for the innovative development of the country's economy. The analysis of organizations, implementing innovations, in the context of forms of ownership, was conducted. It was concluded that, in order to increase the innovative activity of organizations with state ownership, it was necessary to significantly increase funding for research and development.

The calculation of the number of reductions of state organizations and the reduction of property of the state treasury of the Russian Federation for the period 2012-2021 was made, according to the results of implementation and plans of the State Program, called "Federal Property Management". The conclusion is substantiated that it is necessary to adopt a law on nationalization and on the suspension of privatization, which should be carried out on other principles and approaches.

Keywords: *state property, private property, innovation, innovative activity of organizations, technological innovation, financing of research and development, state program, privatization.*

JEL: H50, H77, H12, L33.

И.А. ЕЗАНГИНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Менеджмент и финансы производственных систем»
Волгоградского государственного технического университета

К.С. ВОДОЛАГИНА

студентка факультета экономики и менеджмента
Волгоградского государственного технического университета

А.Е. МАЛОВИЧКО

студентка факультета экономики и менеджмента
Волгоградского государственного технического университета

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ:
СТРУКТУРА, НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ**

В статье раскрываются содержание и особенности деятельности региональных институтов развития в условиях федеративного государственного устройства. Исследованы направления и формы работы данных институтов по стимулированию инвестиционных и инновационных процессов. Представлена классификация региональных институтов развития. Дана характеристика каждого элемента этой классификации и показана их роль в поддержке предпринимательства, наращивании инвестиционной и инновационной активности и развитии территорий. Выделены ключевые проблемы деятельности региональных институтов развития и определены направления их решения.

Ключевые слова: институт развития, региональный институт развития, региональный венчурный фонд, региональная корпорация развития, бизнес-инкубатор, государственно-частное партнерство, малый и средний бизнес, инвестиционный проект.

JEL: G23, G28, H70, O43.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10034

Политика управления взаимодействием различных бизнес-структур в условиях усложнения организационно-технологических решений становится все более значимым фактором обеспечения устойчивого и инновационно ориентированного экономического роста. Объективной необходимостью поэтому становится инициирование государством создания институтов развития как элементов иннова-

ционной экосистемы и инструментов оптимизации инвестиционных процессов. В составе этих институтов особое место занимают региональные институты. Их деятельность должна способствовать диверсификации экономики субъектов Российской Федерации, обеспечению открытого доступа к необходимым ресурсам для активизации инновационных процессов, развитию государственно-частного партнерства [1; 7; 9; 10]. Важным направлением деятельности региональных институтов развития является повышение инвестиционной привлекательности регионов в контексте формирования экосистемы рынка венчурных и прямых инвестиций. При этом в рамках проведенного исследования были рассмотрены институты развития двух типов: осуществляющие свою деятельность на определенной территории региональные отделения федеральных институтов развития и институты развития конкретного региона.

На настоящий момент большее распространение получили региональные отделения федеральных институтов, основным источником финансирования деятельности которых выступает федеральный бюджет. В свою очередь среди региональных отделений федеральных институтов преобладают региональные венчурные фонды, являющиеся местными операторами ОАО «Российская венчурная компания» (ОАО «РВК»). Деятельность венчурных фондов предполагает инвестирование в высокорискованные предприятия и ценные бумаги с целью получения прибыли. Они выступают источником относительно доступного финансирования для инновационных компаний на ранних стадиях их развития [2, с. 18].

Примером может служить созданный по инициативе ОАО «РВК» с целью финансирования и поддержки высокотехнологичных проектов на Дальнем Востоке России Дальневосточный Фонд Высоких Технологий. По состоянию на 01.03.2020 г. целевой объем Фонда составлял 10 млрд руб., максимальный размер инвестиций – 490 млн руб., средний размер инвестиции – 100 млн руб., инвестиционный период – 4 года. Линейка проектов в 2019 г. включала: создание R&D центра на Дальнем Востоке для доработки функционала контентной платформы (software), разработку новых моделей проекторов (hardware), продолжение разработок в области технологий VR/AR (объем инвестиций – 190 млн руб.); сборочное производство систем на основе суперконденсаторных и гибридных накопителей для авто- и электротранспорта, энергетики, промышленности и медицинского оборудования (объем инвестиций – 60 млн руб.); разработку и внедрение IT-решений для автоматизации охраны труда, промышленной и экологической безопасности с применением искусственного интеллекта и предиктивной аналитики, которая позволяет минимизировать вероятность происшествий (объем инвестиций – 100 млн руб.); сервис облачной теле-

фонии для бизнеса со встроенной виртуальной АТС, CRM-системой и телефонными номерами (объем инвестиций – 75 млн руб.).

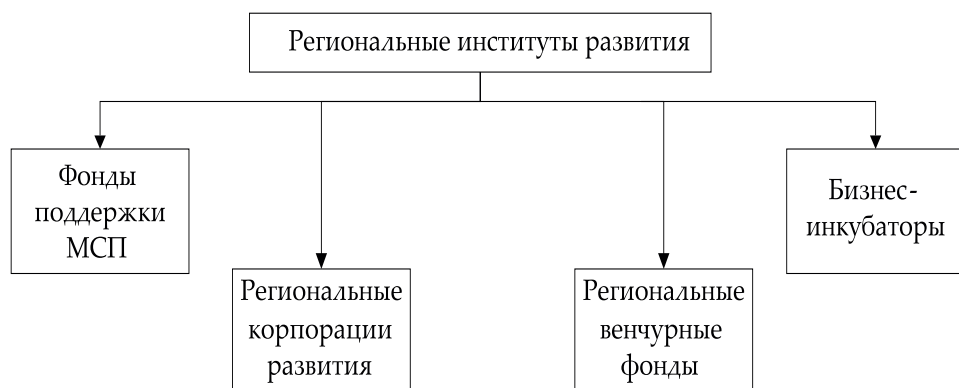
Наряду с ОАО «РВК» инициатором создания региональных отделений выступает Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (ГК «ВЭБ»)). Являясь важным элементом единой системы государственных институтов, созданных для ускоренного развития как Дальнего Востока, так и Арктики, корпорация выступает единственным акционером Фонда развития Дальнего Востока. В числе приоритетных проектов, реализуемых данным фондом, в частности, строительство горно-обогатительного комплекса Инаглинский, Находкинского завода минеральных удобрений, транграничного мостового перехода через реку Амур в Еврейской автономной области, развитие сети воздушных перевозок на Дальнем Востоке¹.

Помимо венчурных фондов и фондов развития регионов к региональным отделениям федеральных институтов развития относятся также структурные подразделения Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов. Функциональная направленность их деятельности связана с продвижением приоритетных проектов, профессиональной подготовкой и развитием кадров, а также улучшением предпринимательской среды в конкретных регионах.

Особую значимость для инфраструктурного и социального развития российских территорий имеет такая форма институтов федерального подчинения, как региональные ипотечные фонды, действующие по партнерским соглашениям с Агентством ипотечного жилищного кредитования (АИЖК) [1, с. 79]. В настоящее время Агентство упразднено, а его правопреемником выступает АО «ДОМ.РФ», выполняющее важнейшую функцию единого института развития в жилищной сфере. Этот финансовый институт развития, содействуя проведению государственной жилищной политики, на региональном уровне способствует: развитию рынка ипотечного кредитования, ипотечных ценных бумаг и арендного жилья; обеспечению застройщиков земельными ресурсами; формированию комфортной городской среды. Например, «Волгоградское агентство ипотечного жилищного кредитования» (АО «ВАИЖК») действует в качестве поставщика закладных и агента АО «Банк ДОМ.РФ» в рамках общефедеральной программы ипотечного жилищного кредитования, действующего на территории Волгоградской области.

В целом на региональные институты приходится порядка 30% от общего числа российских институтов развития. В их структуре выделяются 4 элемента, деятельность каждого из которых имеет свою целевую направленность (см. рис.).

¹ Официальный сайт Фонда развития Дальнего Востока. www.fondvostok.ru/projects/investment_projects (дата обращения: 21.02.2020).

Источник: составлено авторами.

Рис. Классификация региональных институтов развития

Фонд поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) – юридическое лицо, функционирующее как институт развития, обеспечивающий поддержку малого бизнеса на региональном уровне. Меры поддержки, осуществляемые этим фондом, включают обеспечение финансовой поддержкой программ из государственного бюджета, ориентированных на малый бизнес; содействие вовлечению инвесторов в проектную деятельность; информационную и консалтинговую поддержку субъектов малого и среднего бизнеса; содействие развитию инновационной деятельности в регионе; привлечение отечественного и международного банковского капитала в бизнес.

Основными целевыми показателями поддержки региональными фондами МСП признаются объем предоставленных поручительств и суммарный объем финансирования. По количеству предоставленных поручительств лидирует Москва (585 поручительств, что более чем в 2 раза превосходит аналогичный показатель, например, по Санкт-Петербургу и в 12,5 раз по Владимирской области). Москва является лидером и по совокупному объему предоставленных поручительств, и по суммарному объему финансирования. Такая концентрация объема предоставленных поручительств свидетельствует о неравномерности государственной поддержки развития МСП, что в ряду других факторов обуславливает недостаточные темпы развития субъектов малого и среднего бизнеса в отдаленных регионах [3, с. 573]. В то же время отметим, что регионы существенно различаются по среднему значению объема предоставленных поручительств. В денежном эквиваленте в расчете на одно поручительство максимальное значение достигнуто в Ростовской области (55 млн руб.) – это превышает соответствующие показатели по Москве и Санкт-Петербургу (см. табл. 1).

Таблица 1

**Целевые показатели деятельности региональных фондов поддержки
МСП в 2019 г.(по отдельным субъектам Российской Федерации)**

Область/ Город	Количество поручительств	Объем предостав- ленных поручи- тельств, млн руб.	Суммарный объем финанси- рования, млн руб.
Волгоградская область	54	390,16	1 267,34
Астраханская область	84	225,1	560,4
Владимирская область	47	487,9	1 776,9
Московская область	146	1 466	4 278,6
Ростовская область	117	935	3 823,42
Город Москва	585	11 393,8	23 904,7
Город Санкт-Петербург	223	2 549,7	6 064

Источник: составлено авторами по: Целевые показатели деятельности Гарантйных фондов Владимирской области (garantfond-33.ru/), Волгоградской области (nprgf.com/), Ростовской области (dongarant.ru/), Московского областного гарантийного фонда (www.mosreg-garant.ru/ru/), Астраханского залогового фонда (azf.su), Фонда содействия кредитованию малого и среднего бизнеса, микрокредитная организация (credit-fond.ru/), Фонда содействия кредитованию малого бизнеса Москвы (www.mosgarantfund.ru) (дата обращений: 24.02.2020).

Цели функционирования региональных корпораций развития связаны с упрощением взаимодействия государства и предприятий (минимизация бюрократических процедур, обеспечение максимальной прозрачности) и с формированием благоприятного регионального инвестиционного климата в части привлечения российских и иностранных инвестиций в проекты с параллельным предоставлением облегченного режима инвестиционного функционирования) [6, с. 20]. В Российской Федерации функционирует 46 корпораций развития, в том числе 43 – региональные и 3 – межрегиональные [5]. Их создание традиционно иницируется правительствами субъектов Российской Федерации, но в некоторых случаях учредителями и акционерами выступают крупные коммерческие компании. Корпорации развития могут являться совместной собственностью федеральных, региональных или муниципальных органов власти, а также могут участвовать в реализации инвестиционных программ региона, основанных на партнерском взаимодействии властей и частного капитала. Приорите-

тами деятельности данных региональных институтов развития выступают: оказание поддержки (курирование) на всех стадиях инвестиционного проекта; использование и совершенствование инструментов государственно-частного партнерства; социальная ориентированность при реализации проектов; перманентный учет эффективности участия в инвестиционных проектах; инвестиционный маркетинг региона [6, с. 20].

В качестве примера рассматриваемого регионального института развития можно привести АО «Корпорация развития» Волгоградской области, которая, сопровождая инвестиционный проект по принципу «одного окна», в своей деятельности ориентирована на комплексность и полноту функций инвестиционно-инфраструктурной поддержки предпринимателей, включая региональных субъектов МСП (информационно-консультационное сопровождение; содействие в поиске потенциальных партнеров в регионе; подбор площадок для реализации инвестиционного проекта; содействие при получении согласований и разрешительной документации; содействие в продвижении проекта и участии в конгрессах и выставочных мероприятиях). При участии АО «Корпорация развития» Волгоградской области в 2017 г. был реализован проект по созданию инновационного комплекса по выращиванию шампиньонов (объем инвестиций – 2,06 млрд руб.), в 2018 г. – строительство завода по производству медицинской и пищевой кристаллической глюкозы (1,9 млрд руб.), в 2019 г. – проект по созданию сети автомобильных газонакопительных компрессорных станций (АГКС) и станций технического обслуживания (свыше 2 млрд руб.)².

Отдельные российские регионы существенное внимание уделяют инвестиционным и концессионным соглашениям с участием корпораций развития, используя механизмы государственно-частного партнерства с вовлечением муниципальных образований. Так, в 2019 г. АО «Региональная корпорация развития» Ростовской области были заключены концессионные соглашения в отношении объектов системы теплоснабжения муниципального образования «Город Батайск», по реконструкции недвижимого муниципального имущества, предназначенного для размещения элементов обустройства автомобильных дорог (в том числе остановочных пунктов) (г. Волгодонск) и по созданию паркового комплекса нового типа на территории городского парка муниципального образования «Город Новошахтинск». Крупнейшим региональным инвестиционным проектом стал

² Официальный сайт Инвестиционного портала Волгоградской области. investvolga.volgograd.ru/about-region/instituty-razvitiya/ao-korporatsiya-razvitiya-volgogradskoy-oblasti. (дата обращения: 20.02.2020).

«Чистый Дон» общей стоимостью 4466,72 млн руб. и вкладом частного инвестора – 2250,38 млн руб.³

Особо нужно отметить деятельность межрегиональных корпораций, выполняющих роль координатора комплексного развития федерального округа в целом. Например, в Северо-Кавказском федеральном округе акционерное общество «Корпорация развития Северного Кавказа» (АО «КРСК») с момента своего создания в 2010 г. реализовало 9 проектов, в частности, по развитию на территории регионального индустриального парка «Невинномысск» национального аэрозольного кластера, интенсивного растениеводства и переработки сои, интенсивного выращивания сельскохозяйственных культур с использованием орошения. Сейчас у АО «КРСК» в стадии реализации находятся 3 крупных проекта⁴.

Венчурные фонды, ориентированные прежде всего на создание благоприятных условий для венчурных инвестиций в инновационные компании, привлечение частного капитала в инновационные проекты региона, – это один из наиболее перспективных типов институтов развития регионального уровня. Но масштабного распространения такие фонды пока в российских регионах не получили. Их деятельность характеризуется, как правило, низкими финансовыми результатами и малыми объемами финансирования. Можно указать только на отдельные позитивные примеры, выделив в первую очередь Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере города Москвы, который входит число ведущих венчурных фондов России [8]. Этот московский фонд на основе конкурсного отбора предоставляет финансовую поддержку в виде льготного займа на инновационные проекты. Основная цель данной инициативы направлена на поддержку уже имеющих инвесторов и увеличение их числа в Москве, а также входящих в инновационные проекты на самых ранних стадиях и стартапов, получивших инвестиции (см. табл. 2). Льготный займ возможен при выполнении определенных условий, а именно: обязательное участие частного инвестора; размер займа со стороны Фонда в 2 раза больше размера инвестиций, предоставляемых частным инвестором; обеспечением выполнения обязательств выступает залоговая доля Фонда в инновационном предприятии⁵.

³ Перечень заключенных соглашений в сфере государственно-частного партнерства (муниципально-частного партнерства). АО «Региональная корпорация развития» Ростовской области. www.rkr61.ru/images/Реализуемые%20проекты%20на%2001.01.2020.pdf (дата обращения: 22.02.2020).

⁴ Официальный сайт Корпорации развития Северного Кавказа. krskfo.ru/deyatelnost-krsk/projects (дата обращения: 21.02.2020).

⁵ Официальный сайт Фонд развития венчурного инвестирования города Москвы. www.mosinnov.ru/fund.html (дата обращения: 24.02.2020).

Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере города Москвы реализует важнейшую функцию, способствуя расширению источников финансирования объектов инвестирования за счет вложения в проекты средств частных инвесторов (АльфАкселератор, LETA Capital, WINNO Moscow, ФРИИ (Фонд развития интернет-инициатив), Phystechventures, Startacapital, БиоФонд, ТОНАП-венчур, Ехросcapital и пр.). Речь идет о взаимодействии в рамках проектного финансирования с инвесторами самых разных областей приложения капитала: о проектах в области бизнес-аналитики, «BigData» анализа, на базе технологии машинного обучения и искусственного интеллекта; о фармацевтических и биотехнологических проектах; об образовательных проектах, об акселерационных программах; проектах в области энергоэффективности, автономного транспорта. Среди соинвесторов фонда – «Корпоративный венчурный фонд группы компаний Softline», суммарный объем инвестиций которого начиная с 2008 г. составил 25 млн долл. в более чем 20 проектов на рынке России и СНГ. Как независимый инвестор фонд работает с компаниями на ранних этапах развития по широкому спектру технологий: cybersecurity, cloudcomputing, BigData, ArtificialIntelligence, InternetofThings и EdgeComputing. В то же время, характеризуя деятельность фонда, нужно отметить, что данные реестра инвестиционных займов свидетельствуют о длительных задержках их предоставления.

Таблица 2

Перечень направлений финансирования, осуществляемого Фондом содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере города Москвы

Направление финансирования	Размер займа
Предоставление льготных инвестиционных займов инновационным проектам на стадии Seed и Pre-seed, получившим финансовую поддержку в виде инвестиции от частных инвесторов	до 36 млн руб.
Предоставление льготных инвестиционных займов компаниям, которые готовятся к IPO в Секторе РИИ, Сегменте РИИ-Прайм, Секторе Роста ПАО «Московская Биржа»	до 30 млн руб.
Предоставление льготных целевых займов высокотехнологичным компаниям, являющимися эмитентами Сектора РИИ ММВБ	до 30 млн руб.

Источник: составлено авторами по: данные Фонда развития венчурного инвестирования города Москвы. www.mosinnov.ru/fund.html (дата обращения: 24.02.2020).

В классификации региональных институтов развития особое место занимают бизнес-инкубаторы. Речь идет об особых центрах институциональной поддержки развития малого бизнеса, ориентированных на создание благоприятных условий для возникновения и обеспечения эффективной деятельности малых предприятий, в том числе инновационных [4, с. 22]. Достигается это путем оказания таким субъектам на льготных условиях или безвозмездно материально-технических, информационных, консультационных, образовательных и прочих значимых услуг. К другим основным задачам бизнес-инкубаторов следует отнести концептуальную и техническую доработку бизнес-проектов, поиск партнеров, клиентов и инвесторов, обучение и переквалификацию начинающих предпринимателей, развитие молодежного предпринимательства.

Рассмотрим практику деятельности таких организаций на примере Омского регионального бизнес-инкубатора. Общие результаты его работы можно оценить по таким контрольным показателям, как количество рабочих мест (KPM), изменение финансовых результатов (ИФР), срок окупаемости проекта (СОП) (см. табл. 3 и 4).

План по созданию рабочих мест (показатель KPM) на 40 и более процентов исполнили в 2016 г. 16 резидентов (64% от общего числа). В 2017 г. их было 19 (70%), а в 2018 г. – 12 (40%). Число резидентов этого бизнес-инкубатора, выполнивших план по показателю ИФР на 40 и более процентов в 2016–2017 гг., составило 13 (52% от общего числа резидентов в 2016 г. и 48% – в 2017 г.). По результатам мониторинга 2018 г. число таких резидентов составило 17, или 57% от общего числа. При этом с 8 в 2016 г. до 11 в 2018 г. увеличилось число резидентов, превысивших плановый показатель изменения финансовых результатов. Также за анализируемый период с 7 до 3-х снизилось число предприятий, получивших финансовый убыток. Что касается срока окупаемости проекта, то этот показатель рассматривается как индикативный. Доля резидентов, достигших планового уровня в 2016 г., составила 85%, в 2017 г. – 82% и 2018 г. – 97%⁶.

О финансовой эффективности регионального бизнес-инкубирования можно судить по динамике налоговых отчислений резидентов. Соответствующие показатели по резидентам Омского регионального бизнес-инкубатора приведены в табл. 5. Они показывают, что в 2016 г. был отмечен более чем двукратный рост суммарных налоговых отчислений по сравнению с 2015 г., обусловленный как ростом числа резидентов – на 38%, так и ростом эффективности их деятельности.

⁶ Отчет о деятельности бюджетного учреждения Омской области «Омский региональный бизнес-инкубатор». www.omrbi.ru/sites/default/files/otchet_2019_god_v2.pdf (дата обращения: 24.02.2020).

Таблица 3

Общие результаты деятельности резидентов Омского регионального бизнес-инкубатора по контрольным показателям

Год	Число резидентов на конец периода	КРМ		ИФР, тыс. руб.	
		план	факт	план	факт
2015	18	202	48	–14450,0	8264,0
2016	25	310	104	69746,3	15620,0
2017	27	278	150	541772,3	15235,7
2018	28	223	82	38128,4	26462,2

Источник: составлено авторами по: отчет о деятельности бюджетного учреждения Омской области «Омский региональный бизнес-инкубатор». www.omrbi.ru/sites/default/files/otchet_2019_god_v2.pdf (дата обращения: 24.02.2020).

Таблица 4

Исполнение контрольных показателей резидентами Омского регионального бизнес-инкубатора в 2018 г.

Показатель (по периодам бизнес-инкубирования)		Исполнение	Не исполнен	Срок исполнения не наступил
КРМ	Более 2-х лет (8 резидентов)	2	3	–
	От 1 года до 2-х лет (10 резидентов)	1	9	–
	До 1 года (12 резидентов)	3	11	–
ИФР	Более 2-х лет (8 резидентов)	2	6	–
	От 1 года до 2-х лет (10 резидентов)	5	5	–
	До 1 года (12 резидентов)	4	8	–
СОП	Более 2-х лет (8 резидентов)	8	0	0
	От 1 года до 2-х лет (10 резидентов)	8	0	2
	До 1 года (12 резидентов)	3	1	8

Источник: составлено авторами по: отчет о деятельности бюджетного учреждения Омской области «Омский региональный бизнес-инкубатор». www.omrbi.ru/sites/default/files/otchet_2019_god_v2.pdf (дата обращения: 24.02.2020).

В 2017 г., когда число резидентов увеличилось на 8% при снижении на 43% числа резидентов второго года бизнес-инкубирования, прирост налоговых отчислений относительно 2017 г. тем не менее составил 1224,8 тыс. руб. (25,8%). В 2018 г., когда число резидентов составило 28, но при этом в 2 раза упало число резидентов третьего года инкубирования, суммарный объем уплаченных налогов незначительно сокра-

тился – на 107 тыс. руб., или на 1,79%, что свидетельствует об относительной эффективности деятельности резидентов, участвующих в бизнес-инкубирования на протяжении всего его цикла.

Таблица 5

Суммарные налоговые отчисления резидентов Омского регионального бизнес-инкубатора в 2015–2018 гг. (тыс. руб.)

Период	НДС	Налог на прибыль	УСН	НДФЛ	ПФР	ФОМС	ФСС	Итого
2015 г.	465,7	88,4	522,3	185,0	535,1	124,8	66,1	1987,4
2016 г.	487,2	96,0	1314,9	853,7	1585,4	259,3	146,7	4743,2
2017 г.	754,7	199,9	1361,8	1148,2	1998,8	341,9	162,5	5967,8
2018 г.	1095,8	671,2	1175,0	1157,4	1513,6	135,4	87,9	5860,8

Источник: составлено авторами по: отчет о деятельности бюджетного учреждения Омской области «Омский региональный бизнес-инкубатор». www.omrbi.ru/sites/default/files/otchet_2019_god_v2.pdf (дата обращения: 24.02.2020).

Эффективность деятельности региональных бизнес-инкубаторов существенно повышается, если они функционируют как часть технопарков. В этом случае бизнес-инкубатор входит в общую систему поддержки, финансирования, продвижения высокотехнологичного бизнеса при взаимодействии науки и образования. Примером может служить АО «Академпарк» – комплексный технологический парк в Новосибирске, обладающий особой технологической и деловой базой, которая позволяет создавать благоприятные условия для генерации и развития как новых инновационных компаний, так и для успешного развития уже действующих высокотехнологичных предприятий. Суть осуществляемого здесь бизнес-инкубирования – поддержка развития инновационных стартапов. Компания-резидент оплачивает только 10–20% от стоимости услуги, остальное – правительство Новосибирской области. В 2019 г. бизнес-инкубатор насчитывал 94 резидента, а их выручка составила 477 млн руб.⁷

Дальнейшее развитие российских регионов, сориентированное на повышение эффективности их экономики и укрепление ресурсной достаточности, предполагает формирование системы мер и механизмов стимулирования и институциональной поддержки процесса внедрения инноваций, обеспеченного необходимым финансированием. Региональные институты развития – востребованный и усиливающий свое значение элемент этой системы. Как показало про-

⁷ АО «Академпарк». academpark.com/projects/biznes_inkubator.

веденное исследование, такие институты становятся все более разнообразными, а сфера их деятельности – все более широкой. В то же время имеются существенные проблемы в их деятельности: преимущественная концентрация в городах федерального значения и других крупных городах; зависимость от финансового потенциала конкретного региона; недостаточная информационная открытость; работа с ограниченным кругом субъектов предпринимательской деятельности; отклонение фактических показателей от плановых; слабые позиции региональных венчурных фондов и отсутствие оперативности и гибкости в предоставлении ими инвестиционных ресурсов. Во многом сложившаяся ситуация – следствие отсутствия комплексной государственной программы усиления и расширения деятельности институтов развития как части региональной экономической политики. Необходимо обеспечить сбалансированность развития региональных отделений федеральных институтов и институтов развития, создаваемых и поддерживаемых самими регионами. При этом важно ориентировать институты развития на учет особенностей социально-экономического развития конкретной территории, ее географического, природно-ресурсного, производственного, кадрового инвестиционного потенциалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухвальд Е.М., Виленский А.В. Институты развития в стратегическом планировании пространственной структуры российской экономики // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 1 (15). С. 77–86.
2. Домнина И.Н., Маевская Л.И. Федеральные институты развития в инновационной системе региональной экономики. Оценка и перспективы их деятельности в российских регионах // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7. № 1А. С. 16–34.
3. Езангина И.А., Захарова Н.Д., Смыкова В.В., Агеева Т.В. Инвестиционные фонды современных институтов развития: структурно-типологический анализ // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9. (ч. 4). (86–4). С. 571–576.
4. Езангина И.А., Сторожилов Н.А. Усиление роли институтов развития в механизме банковского проектного финансирования // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 20–33.
5. Екимова Н. Корпорации развития как основа региональных стартапов. Федеральное интернет-издание «Капитал Страны». kapital-rus.ru/articles/article/korporacii_razvitiya_kak_osnova_regionalnyh_startapov (дата обращения: 20.02.2020).
6. Кузин В.Ю. Корпорации развития: институт регионального развития в России // Псковский регионологический журнал. 2015. № 23. С. 17–24.
7. Маслихина В.Ю. Роль и влияние региональных институтов развития на экономику регионов России // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. №4 (32). С. 153–160.

8. Мищенко А.А. Особенности инновационного процесса в городе Москве / Проблемы устойчивого развития российских регионов / Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тюмень, 16 мая 2014 г. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2014. С. 258–261.
9. Попов Е.В., Власов М.В., Симахина М.О. Институты регионального развития экономики знаний // Региональная экономика. Теория и практика. 2010. № 4. С. 2–7.
10. Татаркин А.И., Котлярова С.Н. Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона. 2013. № 3 (35). С. 9–18.

ABOUT THE AUTHORS

Ezangina Irina Alexandrovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of "Management and Finance of Production Systems" of the Volgograd State Technical University, Russia
ezangirina@rambler.ru

Vodolagina Kristina Sergeevna– 4th year Student of the Faculty of Economics and Management of Volgograd State Technical University, Russia
vodolagina1904@mail.ru

Malovichko Alina Evgenievna– 4th year Student of the Faculty of Economics and Management of Volgograd State Technical University, Russia
malovi4ko.a@gmail.com

REGIONAL INSTITUTIONS OF DEVELOPMENT: STRUCTURE, DIRECTIONS OF ACTIVITY, EFFECTIVENESS

The article reveals the content and features of the activities of regional institutions of development in conditions of a federal state system. The directions and forms of work of these institutions to stimulate investment and innovation processes, were examined. The classification of regional development institutions was presented. A characteristic of each element of this classification was given and their role in supporting entrepreneurship, in increasing of investment and innovation activity and in developing of territories, was shown. The key problems of the activities of regional institutions of development were highlighted and the directions for their solution were identified.

Keywords: *institution of development, regional institution of development, regional venture capital fund, regional development corporation, business incubator, public-private partnership, small and medium business, investment project.*

JEL: G23, G28, H70, O43.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

О.А. КИСЛИЦЫНА

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

НАУЧНЫЙ ДИСПУТ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ НЕРАВЕНСТВЕ: ОБЗОР АРГУМЕНТОВ «ЗА» И «ПРОТИВ»

В статье на основе анализа обширного массива научных литературных источников представлены аргументы как в пользу экономического неравенства, так и против него. Пропасть между богатыми и бедными наносит вред здоровью населения и его поведению, социальным отношениям, окружающей среде, экономическому росту и стабильности. Показано, что в последние годы интересы исследователей смещаются в сторону изучения несправедливого неравенства, связанного с неравенством возможностей.

Ключевые слова: *неравенство доходов, здоровье, социальные проблемы, экономический рост, неравенство возможностей.*

JEL: D63, E24, O15, O40.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10035

Тема экономического неравенства актуальна для многих стран, в том числе и для России, которая является одним из мировых лидеров по уровню этого показателя. Многие известные исследователи рассматривают неравенство в распределении доходов и богатства как важную социально-экономическую проблему, имеющую отрицательные последствия [1; 2; 3]. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой неравенство в целом полезно для стимулирования экономического роста, для улучшения качества жизни всех членов общества и является неотъемлемой частью социального прогресса [26; 78; 107].

Аргументы «против» экономического неравенства

Существует несколько аспектов общественного и экономического развития, на которые высокий уровень неравенства может оказывать негативное влияние¹ [89; 94; 110].

Здоровье

Статистическая связь между неравенством и здоровьем впервые была установлена более трех десятилетий назад [98]. Вначале она рассматривалась как статистический артефакт [49], но в последнее время ее существование считается доказанным фактом [48; 110].

Установлено, что общий уровень здоровья и ожидаемая продолжительность жизни ниже в странах с высоким уровнем экономического неравенства [30]. Обзор исследований, охвативших 60 млн участников, показал, что проживающие в регионах с высокой дифференциацией доходов, имеют избыточный риск преждевременной смертности и низкую самооценку состояния своего здоровья, независимо от социально-экономического статуса, возраста и пола [62].

Младенческая смертность выше в государствах с более высоким уровнем экономического неравенства [110]. Согласно исследованиям, в развитых странах для снижения младенческой смертности сокращение неравенства эффективнее, чем увеличение душевого ВВП [50].

В странах с высоким уровнем неравенства доходов имеется высокий риск развития депрессий, тревожных расстройств, шизофрении [97], потребления незаконных психоактивных веществ, ожирения [110].

Исследования, анализирующие в течение длительного периода времени связь между экономическим неравенством и здоровьем, показали более сильную корреляцию, чем анализ, проведенный только за один краткосрочный период времени [114]. Это свидетельствует о долгосрочном негативном воздействии неравенства на здоровье.

В научной литературе предлагается несколько гипотез о связи между здоровьем и неравенством получаемых доходов.

Согласно *гипотезе абсолютного дохода*, в обществах с высоким уровнем экономического неравенства значительной части населения не хватает материальных ресурсов для поддержания необходимых для хорошего здоровья условий (питание, жилье, доступ к услугам здравоохранения). Однако эта гипотеза не является доминирующей. Исследования в США [113], международные сопоставления [12], многоуровневые исследования, учитывающие индивидуальный доход

¹ The Equality Trust. www.equalitytrust.org.uk (дата обращения: 01.12.2019).

и социально-экономический статус [62], опровергают это объяснение. Хотя эффект неравенства сильнее для наименее обеспеченных слоев населения, тем не менее он распространяется на все общество в целом [104; 110].

Согласно *нео-материальной гипотезе*, неравенство в распределении доходов является одним из результатов исторических, культурных и политико-экономических процессов, которые формируют характер социальной инфраструктуры – образование, здравоохранение, транспорт, экология, доступность продуктов питания, качество жилья, правила гигиены труда и т. п. – образующей «нео-материальную» матрицу современной жизни. В странах с высоким уровнем неравенства наблюдается систематическое недоинвестирование в социальную инфраструктуру, что негативно сказывается на здоровье населения [58; 72; 102].

Как показало исследование, проведенное в 30 странах и охватившее 35 000 респондентов, более важным является *психосоциальное воздействие неравенства* [64]. В соответствии с этой гипотезой неравенство способствует возникновению социальной среды, негативно влияющей на здоровье. Различают две версии гипотезы психосоциального воздействия. *Психологический аспект* объясняет различия в здоровье населения воздействием стресса, обусловленного относительно низким положением индивида в социально-экономической иерархии, или относительным социально-экономическим недостатком [75; 109]. Таким образом, неравенство становится причиной возникновения проблем со здоровьем у людей, находящихся на нижних ступенях социальной иерархии. Стресс и депрессии повышают вероятность девиантного поведения индивида (например, он совершит преступление, станет виновником аварии). В этом случае вредное воздействие неравенства распространится на все общество. *Социальный аспект* рассматривает изменение уровня социального капитала как фактор, опосредующий связь между экономическим неравенством и здоровьем людей [59]. Чем выше уровень неравенства, тем меньше люди доверяют друг другу и меньше участвуют в жизни социума. Негативное влияние низкого уровня социального капитала на здоровье давно установлено и объясняется несколькими причинами [18; 69]. Социальные отношения, во-первых, облегчают доступ к информации медицинского характера (о заболеваниях, медицинских учреждениях, врачах, лекарственных средствах). Во-вторых, облегчают доступ к услугам здравоохранения (транспортные услуги, поиск врачей-специалистов, финансовая помощь). В-третьих, они снижают психологический стресс, связанный с болезнью, и способствуют развитию социальных норм, поддерживающих здоровый образ жизни (профилактика заболеваний, физическая активность).

Социальная мобильность, образование, дети

Социальная мобильность. В странах с высоким уровнем неравенства наблюдается низкий уровень социальной мобильности: дети низкооплачиваемых родителей с меньшей вероятностью получают высокооплачиваемую работу по сравнению с детьми из высокообеспеченных семей [27]. Такая связь сильнее, чем между социальной мобильностью и бедностью, и сохраняется на протяжении всей жизни человека [19]. Объясняется это тем, что в странах с высоким уровнем неравенства показатели образования в среднем ниже. При этом хорошее образование в большей степени способно повысить доходы тех, кто находится внизу шкалы распределения доходов.

Образование. Существует отрицательная корреляция между показателями успеваемости и неравенством [110], подтверждающаяся по всему спектру распределения: даже дети хорошо образованных и богатых родителей лучше учатся в более равных с социально-экономической точки зрения обществах [111]. Такой результат отчасти опосредован другими социальными проблемами, в том числе плохими семейными отношениями, с большей вероятностью распространенными в странах с высоким уровнем экономического неравенства [110].

Благополучие детей. Чем выше неравенство, тем ниже индекс благополучия детей [92; 93; 110], рассчитанный ЮНИСЕФ в 2007 г. и в 2013 г. [4; 5]. При этом связь между индексом благополучия и ВВП на душу выявлена не была. Доказано, что в странах, в которых наблюдалось наибольшее увеличение неравенства доходов, отмечалось значительно большее снижение благополучия детей», чтобы не вникать в методологию исследования, согласно которой индекс благополучия рассчитывался за один период, а неравенство рассматривалось за другой период [93].

Подростковые беременности. Подростковое материнство более распространено в социально неравных обществах [48; 90].

Отношения между детьми. Неравенство оказывает негативное воздействие на отношения между детьми. В странах с высоким уровнем неравенства значительно ниже доля детей, считающих своих сверстников добрыми и отзывчивыми [91], больше вероятность вовлечения детей в буллинг [39].

Отношения в семье. Уровень экономического неравенства влияет на качество семейной жизни, в т. ч. снижает возможности родителей и опекунов создавать хорошие условия для развития ребенка и обеспечивать его благополучие. Выявлена связь между проживанием в районах с высокой дифференциацией доходов и высоким уровнем жестокого обращения с детьми, не зависящая от образования и благосостояния родителей [36]; между ростом числа разводов и ростом неравенства [67].

Негативное воздействие неравенства на детей и семейные отношения объясняется тем, что в неравных обществах значительная часть родителей может иметь проблемы с психическим здоровьем, включая депрессию и тревогу, а также злоупотреблять психоактивными веществами [110].

Кроме того, неравенство воздействует на самих детей посредством психосоциального стресса [91]. Согласно исследованиям, дети еще до окончания начальной школы осознают социальные различия между классами. Они могут классифицировать профессии по уровням престижности и дифференцировать людей по социальным классам в соответствии с такими индикаторами, как одежда, жилье и автомобили [99; 106]. Дифференциация статуса или осознание того, как другие люди воспринимают ваш статус, оказывают влияние на физиологию, когнитивную деятельность и эмоции.

Преступность

Выявлена связь между уровнем неравенства и уровнем преступности в обществе, направленной как против частной собственности, так и против личности [38; 40; 81; 100], не зависящая от методологии исследования и других детерминант преступности (дохода, безработицы). Существует несколько теорий, позволяющих ее объяснить.

Экономическая теория преступности [15] представляет собой стандартную модель принятия решения, в которой индивиды делают выбор между незаконной и законной деятельностью на основании ожидаемой от нее полезности. Экономическая модель подразумевает, что неравенство способствует возникновению побуждений для криминальной деятельности [20].

Согласно *социологическим теориям*, людям, принадлежащим к более низкому классу или проживающим в районах более низкого класса, свойственны более высокие показатели преступности [21]. В соответствии с *теорией «относительного лишения»* неравенство способствует возникновению социальной напряженности, так как менее обеспеченные люди чувствуют себя ущемленными по сравнению с богатыми, что заставляет их искать компенсацию и удовлетворение всеми возможными способами, включая совершение преступлений [112].

На распространение преступности оказывает влияние *недостаток восходящей мобильности*. Люди, воспринимающие свою бедность как постоянную (долговременную), могут быть подвержены враждебным импульсам, вместо того чтобы искать рациональные пути решения проблем [28].

Согласно еще одной существующей теории [79], антиобщественное поведение проявляется тогда, когда система культурных ценностей придает особое значение определенным символам успеха для широ-

ких слоев населения, в то время как общественная структура строго ограничивает или полностью устраняет доступ к принятым способам получения этих символов для значительной части населения.

Преступность связана с недостатком социального капитала, часто наблюдающегося в обществах с высоким уровнем неравенства [66].

Социальный капитал

Социальные отношения и социальная активность. Неравенство оказывает влияние на взаимодействие людей. Жители стран с высоким уровнем неравенства менее склонны помогать друг другу [86], принимать участие в культурной [105] и общественной жизни [63], в том числе в выборах [103].

Доверие. В странах с высоким уровнем неравенства наблюдается низкий уровень доверия [56], что влечет за собой такие социальные проблемы, как насилие, ухудшение здоровья, уменьшение удовлетворенности жизнью [37; 38]. Это объясняется тем, что неравенство увеличивает социальную дистанцию между людьми, в результате чего они менее склонны доверять друг другу и выстраивать нормальные взаимоотношения [86].

Личность и мироощущение. В социально неоднородных обществах люди реже проявляют чуткость, доверие, альтруизм [31]; считают себя лучше других [71]; верят в то, что принадлежащие к верхушке общества более компетентны по сравнению с теми, кто находится внизу [34]. Неравенство оказывает влияние на систему ценностей и мироощущение людей, на политические взгляды, религиозные убеждения и на семейные традиции [96].

Счастье. Исследования, проведенные в западных развитых странах, показали, что чем выше уровень неравенства в обществе, тем люди менее способны ощущать чувство собственного благополучия (счастья, удовлетворенности жизнью) [41]. Некоторые исследователи объясняют это существованием естественного отвращения к неравенству, выявляемого даже у детей старше трех лет [70], или опосредованным влиянием низкого уровня доверия [83].

Окружающая среда

Экономическое неравенство способствует деградации окружающей среды, поскольку люди, получающие высокие доходы от вредных производств и загрязняющих видов деятельности, часто имеют возможности для уклонения от мер государственного регулирования, направленных на ее сохранение [3; 101]. Исследователи [33] утверждают, что предприятия и организации, контролируемые элитами с высоким уровнем дохода, являются основными источниками нынешних экологических кризисов.

Экономика

Нестабильность, кризис, задолженность и инфляция. Высокий уровень неравенства связан с экономической нестабильностью и кризисами [17], приводит к более высоким уровням задолженности домохозяйств [55]. Считается, что неравенство стимулирует рост потребления, поскольку люди тратят больше усилий на то, чтобы сохранить уровень жизни. Домашние хозяйства с низким доходом вынуждены заимствовать средства для поддержания нормального уровня потребления, что влечет за собой высокий уровень задолженности. Неравенство может увеличивать темпы инфляции [16].

Экономический рост. Доказательства взаимосвязи между уровнем неравенства и экономическим ростом неоднозначны [89]. Некоторые исследования показывают, что высокое неравенство способствует экономическому росту [14; 43; 68], а другие, напротив, нашли подтверждение тому, что неравенство его снижает [7; 24; 25; 32; 61; 88]. Третьи замечают, что экономический рост ниже, а периоды его роста короче в странах с высоким уровнем неравенства [84]. При этом существуют исследования, показывающие, что даже небольшие изменения в самой методологии анализа могут изменять показатели соотношения между экономическим ростом и уровнем неравенства [13; 53].

В научной литературе упоминаются несколько механизмов, посредством которых неравенство может оказывать негативное влияние на экономический рост [25; 41; 82].

Несовершенство кредитного рынка. Чем выше уровень неравенства, тем больше доля бедных, которые из-за недоступности для них кредитных ресурсов не в состоянии инвестировать в человеческий капитал, что, в свою очередь, оказывает влияние на экономический рост, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе [46]. Другие исследования подтверждают влияние неравенства на социальную мобильность и на распределение по профессиям людей с теми или иными способностями [52; 74; 85].

Фискальная политика. Значительная часть ранней литературы по вопросам неравенства и роста опиралась на политический процесс принятия решений большинством голосов и его влияния на государственные расходы и налогообложение [7; 87; 88]. Неравенство негативно воспринимается избирателями, поэтому они настаивают на введении прогрессивной шкалы налогообложения и его регулировании. Они не доверяют ни бизнесу, ни политике, направленной на поддержку бизнеса, что способствует уменьшению стимулов к инвестированию в развитие предприятий, что в результате оказывает негативное влияние на экономический рост в целом.

Социально-политическая нестабильность. Неравенство порождает общественно-политическую нестабильность, значительно снижающую

безопасность прав частной собственности, увеличивающую неопределенность и вызывающую сбои в производственной деятельности, тем самым уменьшая производительность труда и капитала, что оказывает отрицательное влияние на инвестиции и на рост экономики [60].

Аргументы «за» экономическое неравенство

Неправильное измерение уровня экономического неравенства

Одним из аргументов тех, кто не считает неравенство проблемой, является отрицание его роста [35]. Чтобы доказать это, оспариваются статистические данные, показатели благосостояния, используемые для измерения дифференциации доходов [8; 9; 51; 80]. Некоторые признают рост неравенства, но уверяют, что он не имеет негативного влияния, потому что улучшает жизнь всего населения [8].

Проблема состоит в том, что статистические данные о доходах и заработках, собираемые за последние сорок лет во многих странах, свидетельствуют об их стагнации по бедным и средним слоям населения. Одновременно основными выгодоприобретателями за этот период стали лица с высокими доходами и владельцы крупных капиталов [1; 2].

Некоторые исследователи, отрицающие рост неравенства, считают потребительские расходы лучшим показателем для измерения неравенства по сравнению с доходами [10; 51]. Эта логика основана на понятии «постоянного дохода», имеющего тенденцию изменяться в течение жизни. Молодые люди с низкими доходами в начале своего жизненного пути могут брать кредиты для поддержания желаемого уровня потребления, погашая свои долги на следующем этапе жизни, по мере увеличения доходов они могут начать копить на пенсию. По завершении трудовой карьеры они могут использовать эти сбережения для поддержания желаемого уровня потребления. Другими словами, заимствования и сбережения могут сгладить потребление в течение всей жизни, поэтому потребительские расходы являются лучшим показателем благосостояния, чем доход [89]. По мнению этих исследователей, неравенство по расходам различных групп населения меньше неравенства по их доходам [51]. На примере США они показывают, что хотя неравенство доходов возросло за последние 50 лет, неравенство расходов увеличилось только для высокодоходных групп [80]. Однако противники такого аргумента указывают на то, что меньший уровень неравенства расходов объясняется социальной политикой, а не использованием заимствований и сбережений [23]. После исправления погрешности измерения потребительских расходов с учетом

различных видов товаров, потребляемых домохозяйствами с разными уровнями дохода, обнаруживается, что неравенства расходов и доходов очень близки [6]. Кроме того, по мнению исследователей, увеличение неравенства в доходах в большей степени отражается на благополучии граждан [11].

Неравенство справедливо

Другой аргумент защитников неравенства заключается в том, что стремление бороться с экономической дифференциацией означает противостояние самой природе. Люди от рождения имеют разные качества и таланты; у богатых больше денег, поскольку они более умелые и трудолюбивые. Если кто-то недоволен своим доходом, то ему следует больше учиться и работать. А теми, кто выступает против неравенства, движет «зависть к богатым, а не сострадание к бедным» [10].

Однако нельзя сказать, что в современном мире реализуется принцип меритократии. Успешные люди не обязательно одарены какими-либо талантами от рождения. Они могут иметь самые обычные умственные способности, но именно удача оказаться в нужном месте в нужное время определяет успех [44; 95]. Кроме того, часть людей получает сверхдоходы в большей степени благодаря наследованию, лоббированию (кумовству, связям), преступлениям. Например, в России, согласно докладу Института международной экономики Петерсона [45], никто из миллиардеров не унаследовал свои богатства. Большая часть (64%) сколотили капитал благодаря связям в политике и доступу к добыче ресурсов. 21% заработали свои состояния в финансовом секторе, 10,8% – как основатели компаний, 3,6% – как ТОП-менеджеры. Согласно рейтингу журнала The Economist², ранжирующему страны по степени распространенности в них «кумовского капитализма» (crony capitalism), Россия в 2016 г. заняла первое место. Совокупный доход бизнесменов, полученный от отраслей, тесно взаимодействующих с государственными структурами (инфраструктурные проекты, нефтегазовый, оборонно-промышленный, банковский, транспортный секторы, недвижимость), составлял около 18% ВВП.

Неравенство стимулирует экономический рост

Повышение уровня неравенства иногда может сопровождаться экономическим ростом [84]. Некоторые исследователи объясняют это тем, что высокий уровень неравенства способствует увеличению сбережений и инвестиций [57] и поощряет инновации и предпринимательство [65].

² The Economist. Comparing crony capitalism around the world. The Economist's crony-capitalism index, 2016.

Механизм сбережений исследован мало [82], однако существующие исследования не подтвердили такой связи между неравенством и ростом [14]. Положительное влияние неравенства на предпринимательство и инновации также может быть оспорено. Исследование, проведенное в 21 стране ОЭСР за более чем 100-летний период, показывает, что неравенство фактически ограничивает возможности людей зарабатывать, получать образование и становиться предпринимателями [73]. Аналогично, предприятия вкладывают меньше средств в оборудование. Неравенство также приводит к сокращению рынка новых товаров [115]. В странах, где богатство сосредоточено в руках небольшой группы, увеличивается спрос на импортные товары и изделия ручной работы. В странах с меньшим неравенством наблюдается больший спрос на товары со стороны населения с меньшим уровнем благосостояния, что стимулирует производство новых товаров массового потребления. Кроме того, исследователи утверждают, что неравенство не является неизбежной ценой инновационной экономики [47]. По их мнению, стремление к инновациям не означает отказа от равенства – как раз наоборот.

Теория «просачивания сверху вниз» (trickle-down theory)

Согласно этой теории, если некоторые люди получают дополнительный доход, выгода от него может «просочиться» к другим. Например, когда предприниматель открывает бизнес, он получает возможность разбогатеть, создать рабочие места и обеспечить доходы для других работников. Снижение налоговой нагрузки на богатых ведет к росту их доходов, инвестиций, производительности. В результате, ускоряется рост экономики, что в конечном итоге улучшает жизнь более бедных слоев общества. Таким образом, выигрывают все.

Эта теория, а также основанная на ней экономическая политика Рейгана, подверглась критике и была опровергнута как практикой, так и научными исследованиями. Ее называют чудовищной ложью, предназначенной для оправдания того, что богатые становятся еще богаче³. В недавнем докладе МВФ [29] показано, что теория не только не работает, но и приводит к обратным результатам, фактически сокращая ВВП страны. Доказано, что, если доля доходов верхних 20% населения возрастает, рост ВВП в действительности снижается в среднесрочной перспективе. Это означает, что доходы не просачиваются вниз. Напротив, с более высоким ростом ВВП связан доход беднейших 20%. В докладе делается вывод о том, что для экономического роста наибольшее значение имеет социально-экономическое положение бед-

³ Los Angeles Times. Column: Trickle-down theory is a monstrous lie intended to justify the rich getting richer. 20.08. 2019.

ных и среднего класса. Исследования показывают, что богатство сверхбогатых не «просачивается вниз», а, как правило, укрывается в «налоговых убежищах» (офшорах), что отрицательно сказывается на налоговой базе экономики страны⁴.

Равенство возможностей и борьба с бедностью важнее, чем экономическое неравенство

Многие из тех, кто выступает против сокращения неравенства, акцентируют внимание на проблеме равенства возможностей [108]. Общее неравенство может быть разложено на две составляющие [76; 77]: неравенство возможностей, вытекающее из обстоятельств, не зависящих от индивида, и остаточное неравенство, возникающее в силу разности усилий, которые прилагают индивиды, а также от удачи. Исследователи полагают, что обе составляющие влияют на экономический рост прямо противоположным образом. Остаточное неравенство увеличивает рост, побуждая людей инвестировать в образование, а неравенство возможностей снижает экономический рост, способствуя накоплению человеческого капитала не более талантливыми индивидами, а теми, у кого более удачное социальное происхождение. И тогда влияние общего неравенства на рост не является однозначным: его знак и величина зависят от относительной силы каждой составляющей неравенства.

Некоторые исследователи [54] также предлагают делить неравенство на две составляющие, но при этом выделяют несправедливое неравенство, основываясь на этических принципах. К несправедливому неравенству они относят ту его часть, которая объясняется нарушениями равенства возможностей и свободы от бедности. Полученные исследователями результаты показывают, что использование только мер равенства возможностей сильно недооценивает несправедливое неравенство.

Таким образом, в научной литературе можно найти аргументы как в пользу неравенства, так и против него. Последних значительно больше. И вряд ли исследователи в скором времени придут к консенсусу по этому вопросу. Однако в последние годы интересы смещаются в сторону изучения несправедливого неравенства. И вопрос теперь состоит не в том, стоит ли бороться с неравенством или нет, а в том, как оценить несправедливую часть неравенства и как ее уменьшить.

⁴ The Gardian. Wealth doesn't trickle down – it just floods offshore, research reveals. 21.07.2012.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.
2. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
3. Стиглиц Д. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015.
4. Adamson P. Child poverty in perspective: an overview of child well-being in rich countries. UNICEF Innocenti Research Centre. Florence, Italy: Innocenti Report Card 7, 2007.
5. Adamson P. Child well-being in rich countries: a comparative overview. UNICEF Innocenti Research Centre. Florence, Italy: Innocenti Report Card 11. Report № 3, 2013.
6. Aguiar M., Bils M. Has Consumption Inequality Mirrored Income Inequality? // American Economic Review. 2015. Vol. 105. No. 9. Pp. 2725–2756.
7. Alesina A., Rodrik D. Distributive politics and economic growth // Quarterly Journal of Economics. 1994. Vol. 109. No. 2. Pp. 465–490.
8. Armour P. How the Top's Share of Income Changes with Comprehensive Measurements/ Furchtgott-Roth D. (Ed.). Income Inequality in America: Fact and Fiction. New York: Manhattan Institute, 2014.
9. Auten G., Splinter D. Income Inequality in the United States: Using Tax Data to Measure Long-term Trends. Washington, DC: Joint Committee on Taxation, 2018.
10. Azerrad D., Hederman R.S. Defending the Dream: Why Income Inequality Doesn't Threaten Opportunity. Washington: Heritage Foundation, 2012.
11. Attanasio O., Pistaferri L. Consumption Inequality//Journal of Economic Perspectives. 2016. Vol. 30. No. 2. Pp. 1–27.
12. Babones S.J. Income inequality and population health: correlation and causality // Social Science Medicine. 2008. Vol. 66. No. 7. Pp. 1614–1626.
13. Banerjee A.V., Duflo E. Inequality and Growth: What Can the Data Say? // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8. No. 3. Pp. 267–299.
14. Barro R. Inequality and growth in a panel of countries // Journal of Economic Growth. 2000. Vol.5. No.1. Pp. 5–32.
15. Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. No. 2. Pp. 169–217.
16. Beetsma R.M.W.J., van der Ploeg F. Does inequality cause inflation? The political economy of inflation, taxation and government debt//Public Choice. 1996. Vol. 87. No. 1–2. Pp. 143–162.
17. Berg A.G., Ostry J.D. Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin? International Monetary Fund. Research Department, 2011.
18. Berkman L.F., Glass T. Social integration, social networks, social support, and health / Berkman L.F., Kawachi I. (Eds.). Social epidemiology. New York: Oxford University Press, 2000.
19. Blanden J. How Much Can We Learn From International Comparisons of Intergenerational Mobility? Centre for the Economics of Education London School of Economics. Houghton Street. London, 2009.
20. Bourguignon F. Crime as a Social Cost of Poverty and Inequality: A Review Focusing on Developing Countries/ Yusuf S., Evenett S., Wu W. (Eds.). Facets of Globalization. World Bank discussion paper 415, 2001.

21. Braithwaite J. Inequality, Crime, and Public Policy. London and Boston: Routledge and Kegan Paul, 1979.
22. Brennan L.K. et al. Linking perceptions of the community to behavior: Are protective social factors associated with physical activity//Health Education & Behavior. 2003. Vol. 30. No. 6. Pp. 740–755.
23. Brzozowski M. et al. Consumption, Income, and Wealth Inequality in Canada // Review of Economic Dynamics. 2010. Vol. 13. No. 1. Pp. 52–75.
24. Castelló A. Inequality and growth in advanced economies: An empirical investigation // Journal of Economic Inequality. 2010. Vol. 8. No. 3. Pp. 293–321.
25. Cingano F. Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. No. 163. OECD Publishing. Paris, 2014.
26. Conard E. The Upside of Inequality: How Good Intentions Undermine the Middle Class. New York: Penguin Random House, 2016.
27. Corak M. Inequality from generation to generation: the United States in Comparison, 2012.
28. Coser L.A. Some Functions of Deviant Behavior and Normative Flexibility // American Journal of Sociology. 1962. Vol. 68. No. 2. Pp. 172–181.
29. Dabla-Norris E. et al. Causes and Consequences of Income Inequality: A Global Perspective. International Monetary Fund, Strategy, Policy, and Review Department, 2015, June.
30. De Vogli R. et al. Has the relation between income inequality and life expectancy disappeared? Evidence from Italy and top industrialised countries // Journal of Epidemiology and Community Health. 2005. Vol. 59. No. 2. Pp. 158–162.
31. De Vries R. et al. Income inequality and personality: Are less equal US. states less agreeable? // Social Science & Medicine. 2011. Vol. 72. No. 12. Pp. 19781–19985.
32. Deininger K., Squire L. New ways of looking at old issues: Inequality and growth // Journal of Development Economics. 1998. Vol. 57. No. 2. Pp. 259–287.
33. Downey L. Inequality, Democracy, and the Environment. New York: NYU Press, 2015.
34. Durante F. et al. Nations' income inequality predicts ambivalence in stereotype content: how societies mind the gap//Br J Soc Psychol. 2013. Vol. 52. No. 4. Pp. 726–746.
35. Early J.F. Reassessing the Facts about Inequality, Poverty, and Redistribution. Policy Analysis Paper No. 839. Washington: Cato Institute, 2018.
36. Eckenrode J. et al. Income inequality and child maltreatment in the United States // Pediatrics. 2014. Vol. 133. No. 3. Pp. 454–461.
37. Elgar F.J. Income Inequality, Trust, and Population Health in 33 Countries // Am J Public Health. 2010. Vol. 100. No. 11. Pp. 2311–2315.
38. Elgar F.J., Aitken N. Income inequality, trust and homicide in 33 countries // European Journal of Public Health. 2011. Vol. 21. No. 2. Pp. 241–246.
39. Elgar F.J. et al. Income Inequality and School Bullying: Multilevel Study of Adolescents in 37 Countries//J. Adolescent Health. 2009. Vol. 45. No. 4. Pp. 351–359.
40. Fajnzylber P. et al. Inequality and Violent Crime // The Journal of Law and Economics. 2002. Vol. 45. No. 1. Pp. 1–40.
41. Ferreira F.H.G. Inequality and Economic Performance. A Brief Overview to Theories of Growth and Distribution. Text for World Bank's Web Site on Inequality, Poverty, and Socio-economic Performance, 1999.
42. Ferrer-i-Carbonell A., Ramos X. Inequality and Happiness // Journal of Economic Surveys. 2014. Vol. 28. No. 5 Pp. 1016–1027.

43. *Forbes K.J.* A Reassessment of the Relationship Between Inequality and Growth // *The American economic review*. 2000. Vol. 90. No. 4. Pp. 869–887.
44. *Frank R.H.* Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016.
45. *Freund C., Oliver S.* The Origins of the Superrich: The Billionaire Characteristics Database. Peterson Institute for International Economics. Working Paper Series. WP 16–1, 2016.
46. *Galor O., Zeira J.* Income distribution and macroeconomics // *Review of Economic Studies*. 1993. Vol. 60. No. 1. Pp. 35–52.
47. *Gans J., Leigh, A.* Innovation+ Equality: How to Create a Future That Is More Star Trek Than Terminator. MIT Press, 2019.
48. *Gold R. et al.* Ecological analysis of teen birth rates: association with community income and income inequality // *Maternal and Child Health Journal*. 2001. Vol. 5. No. 3. Pp. 161–167.
49. *Gravelle H.* How much of the relationship between population mortality and unequal distribution of income is a statistical artefact? // *BMJ*. 1998. Vol. 316. No. 7128. Pp. 382–385.
50. *Hales S. et al.* National infant mortality rates in relation to gross national product and distribution of income // *Lancet*. 1999. Vol. 354 No. 9195. P. 2047.
51. *Hasset K.A., Mathur A.* A new measure of consumption inequality. American enterprise institute, 2012.
52. *Hassler J. et al.* Inequality and Mobility // *Journal of Economic Growth*. 2007. Vol. 12. No. 3. Pp. 235–259.
53. *Henderson D.J. et al.* The Inequality-Growth Plateau // *Economics Letters*. 2015. No. 128. Pp. 17–20.
54. *Hufe P. et al.* Measuring Unfair Inequality. VOX CEPR Policy Portal, 2018.
55. *Iacoviello M.* Household Debt and Income Inequality, 1963–2003 // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2008. Vol. 40. No. 5. Pp. 929–965.
56. *Jordahl H.* Inequality and Trust. Research Institute of Industrial Economics. IFN Working Paper 715, 2007.
57. *Kaldor N.* Alternative theories of distribution // *Review of Economic Studies*. 1955. Vol. 23 No. 2. Pp. 83–100.
58. *Kaplan G.A. et al.* Inequality in income and mortality in the United States: analysis of mortality and potential pathways // *BMJ*. 1996. Vol. 312. No. 7037. Pp. 999–1003.
59. *Kawachi I., Berkman L.* Social cohesion, social capital, and health/ Berkman L.F., Kawachi I. (Eds). *Social Epidemiology*. New York: Oxford University Press, 2000.
60. *Keefer P., Knack S.* Polarization, politics and property rights: Links between inequality and growth // *Public Choice*. 2002. Vol. 111. No. 1–2. Pp. 127–154.
61. *Knowles S.* Inequality and economic growth: The empirical relationship reconsidered in the light of comparable data // *Journal of Development Studies*. 2005. Vol. 41. No. 1. Pp. 135–139.
62. *Kondo N. et al.* Income inequality, mortality, and self- rated health: meta-analysis of multilevel studies // *BMJ*. 2009. No. 339. Pp. b4471.
63. *Lancee B., van de Werfhorst H.G.* Income Inequality and Participation: A Comparison of 24 European Countries. Amsterdam, AIAS: GINI Discussion Paper 6, 2011.
64. *Layte R.* The Association Between Income Inequality and Mental Health: Testing Status Anxiety, Social Capital, and Neo-Materialist Explanation // *European Sociological Review*. 2011. Vol. 28. No. 4. Pp. 498–511.

65. *Lazear E.P., Rosen S.* Rank-Order Tournaments as Optimum Labor Contracts // *Journal of Political Economy*. 1981. Vol. 89. No. 5. Pp. 841–864.
66. *Lederman D. et al.* Violent Crime: Does Social Capital Matter? // *Economic Development and Cultural Change*. 2002. Vol. 50. No. 3. Pp. 509–539.
67. *Levine A.S. et al.* Expenditure cascades. Social Science Research Network 1690612, 2010.
68. *Li H., Zou H.* Income inequality is not harmful for growth: Theory and evidence // *Review of Development Economics*. 1998. Vol. 2. No. 3. Pp. 318–334.
69. *Lindstrom M. et al.* Socioeconomic differences in leisure-time physical activity: The role of social participation and social capital in shaping health related behaviour // *Social Science & Medicine*. 2001. Vol. 52. No. 3. Pp. 441–451.
70. *LoBue V. et al.* When Getting Something Good is Bad: Even Three-year-olds React to Inequality. Blackwell Publishing Ltd., 2009.
71. *Loughnan S. et al.* Economic inequality is linked to biased self-perception // *Psychol. Sci*. 2011. Vol. 22. No. 10. Pp. 1254–1258.
72. *Lynch J.W. et al.* Income inequality and mortality: importance to health of individual income, psychosocial environment, or material conditions // *BMJ*. 2000. Vol. 320. No. 7243. Pp. 1200–1204.
73. *Madsen J.B. et al.* Inequality, financial development and economic growth in the OECD, 1870–2011 // *European Economic Review*. 2018. No. 101. Pp. 605–624.
74. *Maoz Y., Moav O.* Intergenerational earnings and the process of development // *The Economic Journal*. 1999. Vol. 109. No. 458. Pp. 677–697.
75. *Marmot M.* Status Syndrome: How Your Social Standing Directly Effects Your Health. London: Bloomsbury, 2004.
76. *Marrero G.A. et al.* Unequal opportunity, unequal growth. World Bank Policy Research Working Paper Series №7853, 2016.
77. *Marrero G.A., Rodríguez J.G.* Inequality of opportunity and growth // *Journal of Development Economics*. 2013. No. 104. Pp. 107–122.
78. *Mayer T.H.* Income Inequality: Piketty and the Neo-Marxist Revival // *Cato Journal*. 2015. No. 35. Pp. 95–116.
79. *Merton R.K.* Social Structure and Anomie // *American Sociological Review*. 1938. Vol. 3. No. 5. Pp. 672–682.
80. *Meyer B.D., Sullivan J. X.* Consumption and Income Inequality in the U.S. Since the 1960s//NBER Working Paper №23655, 2017.
81. *Morgan K.* Inequality and Crime // *The Review of Economics and Statistics*. 2000. No. 82. No. 4. Pp. 530–539.
82. *Neves P.C., Silva S.M.* Inequality and Growth: Uncovering the Main Conclusions from the Empirics // *The Journal of Development Studies*. 2014. Vol. 50. No. 1. Pp. 1–21.
83. *Oishi S. et al.* Income inequality and happiness // *Psychol. Sci*. 2011. Vol. 22. No. 9. Pp. 1095–1100.
84. *Ostry J.D. et al.* Redistribution, Inequality, and Growth. International Monetary Fund, 2014.
85. *Owen A., Weil N.* Intergenerational earnings, mobility, inequality and growth // *Journal of Monetary Economics*. 1998. Vol. 41 No. 1. Pp. 71–104.
86. *Paskov M., Dewilde C.* Income inequality and solidarity in Europe // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2012. Vol. 30. No. 40. Pp. 415–432.
87. *Perotti R.* Growth, income distribution, and democracy: What the data say // *Journal of Economic Growth*. 1996. Vol. 1. No. 2. Pp. 149–187.

88. *Persson T., Tabellini G.* Is inequality harmful for growth? // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84. No. 3. Pp. 600–621.
89. *Peterson E.* Is Economic Inequality Really a Problem? A Review of the Arguments // *Soc. Sci.* 2017. Vol. 6. No. 4. P. 147.
90. *Pickett K.E. et al.* Adolescent birth rates, total homicides, and income inequality in rich countries // *American Journal of Public Health*. 2005. Vol. 95. No. 7. Pp. 1181–1183.
91. *Pickett K., Vanderbloemen L.* Mind the Gap: tackling social and educational inequality. York: Cambridge Primary Review Trust, 2015.
92. *Pickett K.E., Wilkinson R.G.* Child wellbeing and income inequality in rich societies: ecological cross-sectional study // *BMJ*. 2007. Vol. 335. No. 7629. Pp. 1080–1086.
93. *Pickett K.E., Wilkinson R.G.* The Ethical and Policy Implications of Research on Income Inequality and Child Well-Being // *Pediatrics*. 2015. Vol. 135. No. 2. Pp. S39–S47.
94. *Pickett K.E., Wilkinson R.G.* Income inequality and health: A causal review/Social Science & Medicine. 2015. No. 128. Pp. 316–326.
95. *Pluchino A. et al.* Talent vs Luck: the role of randomness in success and failure // *Advances in Complex Systems*. 2018. Vol. 21. No. 03–04. Pp. 1850014 (31 pages).
96. *Pryor F.L.* The Impact of Income Inequality on Values and Attitudes // *Journal of Socio-Economics*. 2012. Vol. 41. No. 5. Pp. 615–622.
97. *Ribeiro W.S. et al.* Income inequality and mental illness-related morbidity and resilience: a systematic review and meta-analysis // *Lancet Psychiatry*. 2017. Vol. 4. No. 7. Pp. 554–562.
98. *Rodgers G.B.* Income and inequality as determinants of mortality: an international cross-section analysis // *Popul. Stud.* 1979. Vol. 33 No. 2. Pp. 343–351.
99. *Rosenberg M., Simmons R.* Black and white self-esteem: the urban school child. Washington, DC: American Sociological Association, 1971.
100. *Rufrancos H.G. et al.* Income Inequality and Crime: A Review and Explanation of the Time-series Evidence // *Social Criminol- Open Access*. 2013. Vol. 1. No. 1. (Страницы не указаны).
101. *Sayer A.* Why We Can't Afford the Rich. Chicago: The Policy Press and University of Chicago Press, 2016.
102. *Smith G.D., Egger M.* Commentary: understanding it all – health, meta-theories and mortality trends // *BMJ*. 1996. Vol. 313. No. 7072 Pp. 1548–1585.
103. *Solt F.* Does Economic Inequality Depress Electoral Participation? Testing the Schattschneider Hypothesis // *Polit. Behav.* 2010. Vol. 32. No. 2. Pp. 285–301.
104. *Subramanian S.V., Kawachi I.* Whose health is affected by income inequality? A multilevel interaction analysis of contemporaneous and lagged effects of state income inequality on individual self-rated health in the United States // *Health Place*. 2006. Vol. 12. No. 2. Pp. 141–156.
105. *Szlendak T., Karwacki A.* Do the Swedes really aspire to sense and the Portuguese to status? Cultural activity and income gap in the member states of the European Union // *International Sociology*. 2012. Vol. 27. No. 6. Pp. 807–826.
106. *Tudor J.F.* The development of class awareness in children // *Social Forces*. 1971. Vol. 49. No. 3. Pp. 470–476.
107. *Watkins D., Brook Y.* Equal is Unfair: America's Misguided Fight against Income Inequality. New York: St. Martin's Press, 2016.
108. *Watson W.* The Inequality Trap: Fighting Capitalism Instead of Poverty. Toronto: University of Toronto Press, 2015.

109. *Wilkinson R.G. Unhealthy Societies: the Afflictions of Inequality. London: Routledge, 1996.*
110. *Wilkinson R.G., Pickett K.E. The Spirit Level: Why equality is better for everyone. Penguin UK, 2010.*
111. *Willms J.D. Quality and inequality in children's literacy: the effects of families, schools, and communities / Keating D.P., Hertzman C. (Eds.) Developmental Health and the Wealth of Nations. New York: Guilford Press, 1999.*
112. *Wilson M., Daly M. Life Expectancy, Economic Inequality, Homicide, and Reproductive Timing in Chicago Neighborhoods//BMJ. 1997. Vol. 314. No. 7089. Pp. 1271–1274.*
113. *Wolfson M. et al. Relation between income inequality and mortality: empirical demonstration//BMJ. 1999. Vol. 319. No. 7215. Pp. 953–957.*
114. *Zheng H. Do people die from income inequality of a decade ago? // Soc. Sci. Med. 2012. Vol. 75. No. 1. Pp. 36–45.*
115. *Zweimüller J. Schumpeterian Entrepreneurs Meet Engel's Law: The Impact of Inequality on Innovation-Driven Growth//Journal of Economic Growth. 2000. Vol. 5. No. 2. Pp. 185–206.*

ABOUT THE AUTHOR

Kislitsyna Olga Anatolyevna – Doctor of Economic Sciences, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
olga.kislitsyna@gmail.com

SCIENTIFIC DISPUTE ON ECONOMIC INEQUALITY: A REVIEW OF ARGUMENTS “FOR” AND “AGAINST”

Based on the analysis of a vast array of scientific literary sources, the article presented arguments both in favor of and against economic inequality. The gap between rich and poor harms the health of the population and its behavior, social relations, the environment, economic growth and stability. It was shown that in recent years, the interests of researchers shifted towards the study of unfair inequality, associated with inequality of opportunities.

Keywords: *income inequality, health, social problems, economic growth, inequality of opportunities.*

JEL: D63, E24, O15, O40.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ю.В. ЕВСТАФЬЕВА

младший научный сотрудник Департамента экономической теории
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

КОРПОРАТИВНЫЕ ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КАК КОНТРАКТНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ЭКСПОРТА¹

В современных условиях организации хозяйственной деятельности контрактное оформление взаимных обязательств государства и бизнеса представляется эффективным средством практической реализации государственных плановых документов и достижения целей развития. Вслед за инструментом специальных инвестиционных контрактов в 2019 г. был запущен еще один контрактный инструмент – корпоративные программы повышения конкурентоспособности (КППК). С 2020 г. государственная поддержка оказывается только тем производителям-экспортерам, которые принимают на себя оформленные в КППК обязательства по достижению целевых показателей национального проекта «Международная кооперация и экспорт». В статье представлена характеристика инструмента, проанализированы значение его применения и первые результаты, даны рекомендации по совершенствованию.

Ключевые слова: корпоративная программа повышения конкурентоспособности, КППК, промышленная политика, несырьевой экспорт, субсидирование процентной ставки, реализация национальных проектов, международная кооперация и экспорт, стратегическое планирование.

JEL: F13, L50, O20, Z18.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10036

Ввиду отсутствия основного целеполагающего документа стратегического планирования – стратегии социально-экономического развития Российской Федерации – его место в системе государственного планирования де-факто занял комплекс национальных проектов, запущенных в 2018 г. Для достижения целевых индикаторов, установ-

¹ Работа выполнена в рамках фундаментальной НИР Финансового университета при Правительстве РФ по теме «Цикличность развития мирохозяйственных укладов» (ФНИР-2).

ленных национальными проектами, и для привлечения к их реализации российских предприятий ведется активная разработка различных инструментов, среди которых и корпоративные программы повышения конкурентоспособности (КППК).

КППК применяются в практике российского государственного управления с 2019 г., имеют преимущественно экспортную ориентацию и позиционируются как один из ключевых инструментов реализации национального проекта «Международная кооперация и экспорт», в частности входящего в его структуру федерального проекта «Промышленный экспорт». Предполагается выделение 327 млрд руб. из федерального бюджета на финансирование инструмента КППК до 2024 г., что составляет 77% от общего финансового обеспечения указанного федерального проекта (423,9 млрд руб. за 2019–2024 гг.). Ожидается, что данная мера позволит промышленным предприятиям на льготных условиях получить кредитные ресурсы объемом 7 трлн руб.² Однако следует отметить, что данные оценки были проведены в 2019 г., и экономический кризис, с которым столкнулась страна в последние месяцы, может негативно сказаться на реализации приведенных планов по бюджетному финансированию инструмента.

В отечественной научной литературе тематика реализации национальных проектов занимает значительное место. Отдельные аспекты осуществления национального проекта «Международная кооперация и экспорт» рассмотрены в работах Д.А. Изотова, А.А. Кешишяна, Н.О. Якушева [1; 2; 6]. Вопросы создания экономических стимулов для экспортеров и государственной поддержки несырьевого экспорта освещены в работах В.С. Кудряшова, Д.И. Полунина и Г.Г. Павловой, В.Ф. Шарова, М.Р. Пинской и С.В. Богачева [3; 4; 5]. Вместе с тем недавно введенный инструмент КППК пока остается вне поля зрения исследователей.

Целью статьи является введение в научный оборот понятия корпоративных программ повышения конкурентоспособности и оценка перспектив КППК как контрактного инструмента достижения целевых показателей стратегических планов развития, которыми по своей сути являются национальные проекты.

² Корпоративные программы повышения конкурентоспособности: государственная поддержка организаций, реализующих корпоративные программы повышения конкурентоспособности / Российский экспортный центр. export67.com/files/417/kppk_2019-03-13.pdf (дата обращения: 31.03.2020). Механизм государственной поддержки организаций, реализующих корпоративные программы повышения конкурентоспособности: в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт» / Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. investural.com/files/KPPK_Prezentaciya_Minpromtorg.pdf (дата обращения: 31.03.2020).

Корпоративные программы повышения конкурентоспособности: общая характеристика

Инструмент КППК регламентируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 февраля 2019 г. № 191³ (далее – Постановление №191), в соответствии с которым «корпоративная программа повышения конкурентоспособности – программа деятельности организации, направленная на повышение конкурентоспособности, увеличение объемов производства и экспорта продукции». Нормативно закреплено, что срок реализации такой программы может составлять от двух до шести лет. Однако если учитывать, что КППК должна быть завершена до 31 декабря 2024 г., то максимальная продолжительность программы с самого начала могла бы составлять не более пяти лет.

Инструмент предполагает заключение соглашений между экспортирующими (планирующими экспорт) компаниями и Минпромторгом России, в рамках которых компании берут на себя обязательства по наращиванию объемов производства и реализации конкурентоспособной продукции на внутреннем и зарубежных рынках, а государство – по субсидированию инвестиционного и иного банковского финансирования. Инвестиционное финансирование предполагает кредитование проектов по созданию экспортно ориентированных производств на территории России⁴ и/или за рубежом⁵. К иному финансированию относятся экспортные кредиты (кредиты на поставку продукции (ее компонентов) на экспорт, кредиты иностранным покупателям российской продукции и банкам этих покупателей, включая компенсацию части страховой премии соответствующих экспортных кредитов) и иные инструменты финансирования, аналогичные кредиту по экономической сути: различные виды аккредитивов, финансирование под уступку денежного требования, факторинг, форфейтинг и другие формы уступки.

Воспользоваться инструментом КППК могут как действующие экспортеры, так и организации, которые планируют осуществление

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 23 февраля 2019 г. № 191 «О государственной поддержке организаций, реализующих корпоративные программы повышения конкурентоспособности, и внесении изменения в правила предоставления из федерального бюджета субсидии в виде имущественного взноса Российской Федерации в государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» на возмещение части затрат, связанных с поддержкой производства высокотехнологичной продукции».

⁴ Доля экспортной выручки в общем планируемом объеме выручки создаваемого (модернизируемого) предприятия должна составлять не менее 30%.

⁵ Доля продукции либо ее компонентов российского производства в производимой, перерабатываемой или обслуживаемой продукции должна составлять не менее 30%.

экспортной деятельности в будущем. При этом их первая экспортная выручка должна быть зафиксирована не позднее 31 декабря 2022 г., если производство находится на территории России, и не позднее 31 декабря 2023 г. – для российских производств на территории иностранных государств.

Субсидируемая из федерального бюджета процентная ставка фиксируется на весь срок действия КППК и составляет 4,5% годовых. Таким образом, фактическая процентная ставка по одинаковым финансовым инструментам будет индивидуальной для каждого заемщика, реализующего КППК, и составит величину банковской ставки по одобренному кредиту за вычетом субсидируемой части. Также компенсации подлежит часть страховой премии по договорам страхования экспортных кредитов.

Субсидия из федерального бюджета является строго целевой. Установлены квоты использования субсидии по кредитным продуктам и лимиты по отраслям (см. рис. 1, 2). Квоты распределены таким образом, что более 40% общего объема предоставляемых субсидиарных средств направляется на инвестиционные проекты в России и за рубежом. Отраслевые лимиты для инвестиционных проектов за рубежом не устанавливаются.

Источник: составлено автором по: Постановление № 191.

Рис. 1. Установленные квоты по кредитным продуктам в рамках инструмента КППК, %.

Источник: составлено автором по: Постановление № 191.

Рис. 2. Установленные лимиты предоставления субсидии в рамках инструмента КППК по укрупненным отраслям промышленности, %.

Механизм предоставления господдержки

Чтобы получить субсидирование процентной ставки, компании-экспортеру необходимо утвердить собственную корпоративную программу повышения конкурентоспособности и подать заявку на участие этой КППК в отборе, по результатам которого компания может быть включена в специальный перечень производителей. Все заявленные КППК, соответствующие установленным требованиям, ранжируют по показателю результативности использования субсидированного финансирования, который рассчитывается как отношение совокупного прироста экспортной выручки и выручки на внутреннем рынке к полученному финансированию. Заявлять свои КППК могут только предприятия несырьевых и неэнергетических отраслей промышленности. С компаниями, прошедшими отбор, Минпромторг России заключает соглашения о реализации КППК. Во время проведения первого отбора КППК действовало правило, по которому отсекались последние 20% полученного в результате ранжирования рейтинга, если количество организаций в нем было больше пяти. Позже данная норма была упразднена.

Согласно паспорту национального проекта «Международная кооперация и экспорт», минимальный рост объема экспорта на 1 руб. государственной поддержки должен составлять 15 руб. в 2020 г., и 16 руб. – начиная с 2021 г.⁶ Для расчета значения показателя ранжирования для каждой отрасли введены дифференцированные по годам поправочные коэффициенты, которые корректируют вклад роста внутреннего и экспортного рынков в результативность.

Получателем субсидии от Минпромторга России на компенсацию недополученной прибыли является банк, предоставляющий финансирование организации, реализующей КППК. Таким образом, заемщик за субсидией не обращается, заявку на предоставление субсидии через акционерное общество «Российский экспортный центр» (РЭЦ) подает кредитная организация, предварительно заключив трехстороннее соглашение о предоставлении субсидии с Минпромторгом России и РЭЦ. Обращает на себя внимание тот факт, что организация-экспортер в данном случае стороной договора не является. Тем не менее она обязана не реже одного раза в год предоставлять в Минпромторг России отчет о выполнении КППК. Инструмент не предусматривает каких-либо штрафных санкций для предприятия в случае невыпол-

⁶ Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт» (утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)).

нения программы. Все риски несут кредитные организации, которые обязаны уплачивать штрафы в федеральный бюджет в случае, если организация, реализующая КППК, не достигла целевого значения показателя результативности.

К организации, включенной в специальный перечень реализующих КППК предприятий, при обращении за банковским финансированием применяются стандартные процедуры оценки финансового положения заемщика. Кредитная организация самостоятельно принимает итоговое решение о выдаче кредита и его условиях. Данная мера должна способствовать отсечению неэффективных проектов, с чем государство самостоятельно справляется не всегда.

Организация-производитель обязана заключить кредитное соглашение с одной или несколькими кредитными организациями в течение года со дня заключения соглашения о реализации КППК с Минпромторгом России. В противном случае соглашение о реализации КППК расторгается. Потенциальным заемщикам не запрещается обращаться в несколько кредитных организаций одновременно для получения наилучших условий кредитования.

КППК в современной промышленной политике

Общая «формула» инструмента КППК может быть представлена как государственная поддержка в обмен на долгосрочные обязательства по производству и реализации продукции в определенном объеме на внутреннем и внешних рынках, что полностью соответствует логике контрактной формы взаимоотношений публичной стороны и хозяйствующих субъектов в целях реализации документов стратегического планирования. Заявительный характер гарантирует участие рыночных компаний в реализации целевых показателей по несырьевому и неэнергетическому экспорту лишь в той мере, в которой это соответствует их собственным коммерческим интересам. Вместе с тем Правительство Российской Федерации активно стимулирует рыночных игроков выстраивать собственную бизнес-модель в увязке с целями государства, канализируя выделяемые бюджетные средства в контрактные инструменты. Введение инструмента КППК свидетельствует об изменении государственной политики в отношении предоставления льгот и субсидий: их получение будет возможно лишь при принятии компаниями определенных обязательств.

Как и в отношении специальных инвестиционных контрактов (СПИК), никакие новые субсидии, льготы и преференции не вводились: КППК, по сути, является новой формой предоставления давно используемых субсидий, направленных на стимулирование промышленного экспорта. Изменена была только величина субсидиру-

емой процентной ставки, которая до введения КППК составляла 3% по кредитам, не связанным с инвестициями. Вместе с тем, в отличие от СПИК, заключение соглашения о реализации КППК безальтернативно для компаний, претендующих на господдержку, ввиду того что ее предоставление вне инструмента прекращено. Включение субсидирования инвестиционного финансирования предприятий в России в инструмент КППК представляется обоснованным, так как для увеличения производства конкурентоспособной продукции и выхода компаний на экспортные рынки в будущем требуется расширение и обновление производственной базы.

С точки зрения администрирования государственной поддержки промышленного производства и экспорта, ключевое значение введения инструмента КППК заключается в переходе от прямого субсидирования затрат производителей к льготному кредитованию через банковскую систему. Представляется, что это приведет к росту эффективности государственной поддержки. Во-первых, банковская экспертиза заявок компаний гарантирует высокое качество формируемого государством «портфеля проектов» по производству промышленной продукции с целью дальнейшего экспорта. Во-вторых, предусмотренные штрафные санкции в случае недостижения заемщиком целевых показателей по КППК заставляют кредитные организации строго контролировать использование предоставляемого финансирования.

Нормативно закрепленные условия использования инструмента КППК обеспечивают соблюдение его целевой направленности. Риски реэкспорта продукции в рамках данного инструмента нивелированы посредством включения в список документов, предоставляемых организацией-экспортером при подаче заявки, заключения Минпромторга России о подтверждении производства продукции на территории Российской Федерации в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2015 г. № 719. Предусмотрена возможность предоставления письменного обязательства по получению заключения о подтверждении производства промышленной продукции (де-факто гарантийного письма)⁷. Указанные документы не предоставляются, если организация является держателем специального инвестиционного контракта, стороной которого является Российская Федерация, или продукция подлежит экспорту для последующего использования в производстве в рамках проекта по организации российского производства за рубежом. Компания не допускается к использованию инструмента в случае, если она имеет

⁷ Производители фармацевтической продукции вместо заключения Минпромторга России предоставляют соответствующую лицензию на производство лекарственных средств.

неисполненную обязанность по уплате налогов, сборов, страховых взносов и др., задолженности перед бюджетами бюджетной системы Российской Федерации, в течение трех последних лет находилась в процессе ликвидации или банкротства, является иностранным юридическим лицом или доля в уставном капитале юридических лиц, зарегистрированных в офшорных юрисдикциях, превышает 50%.

Финансирование, полученное на льготных условиях в рамках инструмента КППК, не может быть направлено на пополнение оборотных средств организации-экспортера. Направление средств на возмещение ранее понесенных инвестиционных затрат (как и рефинансирование длящихся инвестиционных проектов) также не предусмотрено. В соответствии с действующим законодательством воспользоваться инструментом могут только производители направляемой на экспорт продукции, товаропроводящие организации (торговые дома, транспортно-экспедиторские компании, сбытовые посредники за рубежом и прочие) не могут претендовать на государственную поддержку.

С 2020 г. на базе КППК предоставляются не только субсидии по кредитам, но и другие меры государственной поддержки, ряд из которых направлен на стимулирование спроса на произведенную в рамках программ продукцию, в частности путем снижения ее фактической стоимости для потребителя. Компании, осуществляющие КППК, имеют преференциальное право на получение так называемой логистической (транспортной) субсидии⁸ – компенсации части затрат на перевозку промышленной продукции. Упрощенный доступ к столь востребованной мере государственной поддержки, безусловно, повышает привлекательность инструмента КППК среди экспортирующих промышленных производителей, для которых величина логистической субсидии определяет географию рынков сбыта.

Действие лизинговой субсидии⁹ распространяется в преференциальном порядке на предметы лизинга, произведенные производителями, реализующими КППК, либо изготовленные на базе промышленной продукции, производители которой реализуют КППК (в отношении машиностроительной продукции). Преференциальный доступ реализующие КППК компании будут иметь и к некоторым другим

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2019 года № 1214 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 1908 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета на стимулирование спроса и повышение конкурентоспособности Российской промышленной продукции и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

мерам, например, субсидиям на финансирование части затрат, связанных с регистрацией на внешних рынках объектов интеллектуальной собственности¹⁰.

Опыт применения КППК

В 2019 г. было подано более 800 заявок от компаний на заключение соглашений о реализации КППК. По результатам отбора 711 организаций из 70 регионов, в том числе 69 системообразующих производителей (производителей федерального значения), было внесено в единый перечень производителей, реализующих КППК¹¹.

Наибольшее количество отобранных КППК приходится на химическую промышленность (145 отобранных заявок) и лесопромышленный комплекс (127) (см. табл.). 29,1% от всего банковского финансирования первого окна отбора запросили производители химической промышленности, еще 23,5% – компании лесопромышленного комплекса. В то же время удельный вес объема запрашиваемой кредитной поддержки тяжелого машиностроения – 0,6%, судостроения – 0,3%, нефтегазового машиностроения, как и станкоинструментальной промышленности, – около 0,1%.

По результатам отбора общий объем средств, запланированных к инвестированию, составил около 2,5 трлн руб., однако соглашения о реализации КППК с Минпромторгом России заключили не все предприятия. По данным министерства, на конец декабря 2019 г. было заключено более 360 соглашений с предприятиями с объемом запрашиваемого финансирования около 1,7 трлн руб.¹² Ввиду того, что данный показатель более чем в четыре раза меньше объема финансовых ресурсов, которые планировалось привлечь при помощи данного инструмента (7 трлн руб.), Минпромторг России будет проводить

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 1606 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2016 г. № 1368».

¹¹ Минпромторг России поддержит компании, реализующие механизмы КППК // Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!minpromtorg_rossii_podderzhit_kompanii_realizuyushhie_mehanizmy_kppk (дата обращения: 19.03.2020).

¹² Денис Мантуров дал интервью об итогах года телеканалу «Россия-24» // Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis_manturov_dal_intervyu_ob_itogah_goda_telekanalu_rossiya24 (дата обращения: 25.03.2020). Интервью Дениса Мантурова газете «Известия» // Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!intervyu_denisa_manturova_gazete_izvestiya (дата обращения: 25.03.2020).

второй этап отбора в 2020 г.¹³ Происходящий экономический кризис предсказуемо скажется на востребованности инструмента, так как запускать новые инвестиционные проекты в текущих условиях готовы немногие.

Тот факт, что при запуске инструмента в начале 2019 г. анонсировались такие целевые показатели по количеству КППК, как 250 – в 2019 г., 300 – в 2021 г. и 320 – в 2024 г.¹⁴ (отражают целевые показатели национального проекта «Международная кооперация и экспорт»), свидетельствует о том, что расчетная величина проектов (объем запрашиваемого финансирования по одной КППК) была намного большей, чем реально заявленных и поддержанных. Данное обстоятельство полностью отражает сложившуюся ситуацию в российской экономике: снижение процентной ставки на 4,5 % является недостаточным и не делает коммерчески привлекательными инвестиционные и (или) экспортные проекты для большинства несырьевых и неэнергетических промышленных производителей.

Ограничения инструмента и рекомендации по их устранению

Проведенный анализ КППК как контрактного инструмента взаимодействия государства и бизнеса выявил ряд ограничений для его применения.

1. Ограничение срока действия корпоративных программ повышения конкурентоспособности 2024 г. Инструмент изначально проектировался как средство выполнения национального проекта «Международная кооперация и экспорт», который, как и остальные национальные проекты, рассчитан до 2024 г. Ввиду того, что фактический срок такой программы мог составлять от двух до пяти лет, данный инструмент относится к краткосрочным и среднесрочным, однако он мог бы быть успешно использован для реализации долгосрочных планов и стратегий развития.

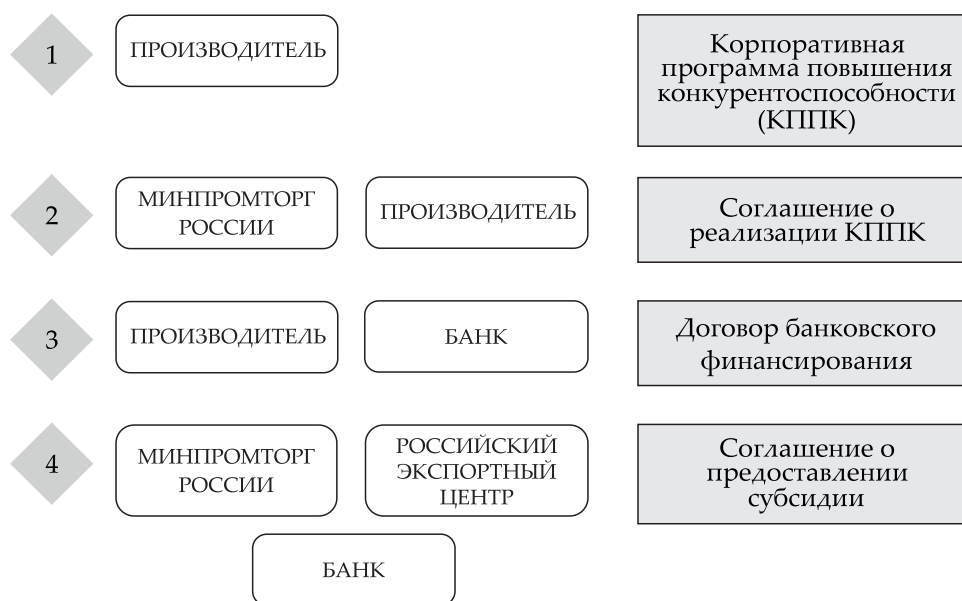
2. Необходимость принятия отдельных КППК для получения каждого вида финансирования (например, если компания претендует на получение инвестиционного финансирования проектов по организации российских производств за рубежом и торговое финансирование одновременно). Данная особенность обусловлена необходимо-

¹³ Утвержден единый перечень производителей, реализующих КППК // Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!utverzhden_edinyy_perechen_proizvoditeley_realizuyushhih_kppk (дата обращения: 19.03.2020).

¹⁴ Нарастающим итогом за 2019–2024 гг.

стью ранжирования заявленных КППК по каждому отдельному виду финансирования с учетом нормативно установленных квот и отраслевых лимитов. Таким образом, неспособность обеспечить получение господдержки по различным направлениям деятельности в рамках одной КППК вынуждает производственные предприятия утверждать несколько корпоративных программ повышения конкурентоспособности одновременно.

3. После утверждения компанией КППК требуется заключение как минимум трех соглашений, что затрудняет использование инструмента (см. рис. 3). Наибольшую сложность в данной связи создает невозможность включения кредитной организации в соглашение о реализации КППК.

Источник: составлено автором по: Постановление № 191.

Рис. 3. Процедура использования инструмента КППК.

4. Установленная процедура ранжирования всех заявленных КППК исключает возможность непрерывного принятия к рассмотрению программ компаний (по мере их поступления). Отборы КППК компаний проводятся дискретно. Проведение первого отбора в 2019 г. сразу после введения данного инструмента в правовое поле проводилось наспех, что не могло не отразиться на общем качестве программ, которое, несомненно, было бы выше при более тщательной подготовке. Компаниям изначально отводилось только 45 дней на разработку КППК, которая, по сути, является инвестиционной программой или, в зависимости от целей финансирования, программой развития

бизнеса, на сбор и предоставление всех необходимых документов. Позже срок приема заявок был продлен на 31 день по причине своей очевидной недостаточности. Представляется, что свои КППК предоставили главным образом те участники, которые уже планировали осуществление проектов требуемой направленности. В ряде случаев компании подавали заявки лишь с целью неупущения возможностей получения потенциальной господдержки в будущем, не заявляя потребность в финансировании. Это связано с тем, что на этапе объявления сбора заявок было анонсировано, что в дальнейшем все меры поддержки экспорта будут предоставляться лишь компаниям, имеющим соглашение о реализации КППК с Минпромторгом России. Следует отметить, что на момент сбора заявок нормативно было закреплено проведение только отбора 2019 г., а министерство воздерживалось от публичных заявлений о возможности проведения дополнительных отборов КППК в будущем. Результатом поспешной подачи производителями заявок ради участия в инициативе стало незаключение соглашений о реализации КППК, по минимальным оценкам, третью компаний, заявленные программы которых прошли отбор.

5. Субсидирование инвестиционного кредитования, предоставляемое в рамках инструмента, не предусматривает обязательного технологического совершенствования производства: привлеченные средства организация, заключившая соглашение о реализации КППК, может направить на экстенсивное наращивание производственных мощностей, что хотя и приведет к увеличению выпуска промышленной продукции, как в натуральных, так и в денежных единицах, но не обеспечит увеличение доли инновационной составляющей в добавленной стоимости. Технологическая сложность экспортируемой продукции, как и технический уровень промышленного производства, не принимаются во внимание и не влияют на оказание или неокказание господдержки. Прирост выручки от экспорта и продаж на внутреннем рынке, исходя из которого рассчитывается результативность КППК, не предполагает очищения от инфляции и учета изменения курса национальной валюты, что позволяет говорить об искажениях реального роста производства и сбыта произведенной продукции в сторону его увеличения.

6. Продолжающееся расширение списка мер господдержки с преференциальным доступом для предприятий–держателей соглашений о реализации КППК с Минпромторгом России без обеспечения возможности присоединения новых производителей к использованию инструмента создает неравные условия ведения хозяйственной деятельности. Компании, не претендовавшие на получение инвестиционного или торгового финансирования на льготных условиях (например, уже имевшие кредитные соглашения и реализовывающие свои

проекты) и, следовательно, не заявлявшие свои КППК в рамках окна отбора 2019 г., оказываются в проигрышном положении при распределении других льгот и субсидий, подведенных под данный инструмент позже¹⁵.

7. Привязка КППК к бюджетному финансированию, в рамках лимитов которого выполняются обязательства публичной стороны соглашения о реализации КППК в лице Минпромторга России, ограничивает применение этого инструмента фактическими возможностями федерального бюджета. Трехлетнее бюджетное планирование не позволяет гарантировать исполнение обязательств государства перед бизнесом по КППК на большем горизонте. Увеличение охвата производственных предприятий также ограничивается возможностями федерального бюджета. К тому же поддержка крайне неравномерно распределена по годам реализации национального проекта. Так, в 2019 г. было затрачено только 3 млрд руб. (изначально было выделено 9,5 млрд руб.¹⁶), в 2020 г. выделено 5,6 млрд руб., в 2021 г. планируется выделение 19 млрд руб., а в 2022 г. – 88 млрд руб.¹⁷ Даже если бюджеты на плановый период 2021–2022 гг. будут выполнены, то всего с 2019 г. по 2022 г. на цели поддержки промышленного производства и экспорта через инструмент КППК будет затрачено около 116 млрд руб., что составит только 35 % от объема финансового обеспечения, анонсированного при запуске инструмента (327 млрд руб. до 2024 г.).

Проанализированный опыт применения инструмента КППК позволяет дать ряд рекомендаций по его развитию и совершенствованию. В первую очередь необходимо обеспечить равный доступ всех заинтересованных производителей к мерам государственной поддержки, для чего провести дополнительный отбор компаний, претендующих не только на субсидирование процентной ставки по банковскому финансированию, но и на другие стимулирующие меры. При этом предприятия должны иметь достаточно времени для разработки и утверждения собственных корпоративных программ как ключевых документов корпоративного стратегического планирования.

¹⁵ После завершения приема заявок от организаций был принят ряд правительственных постановлений, устанавливающих преференциальный доступ реализующих КППК компаний к государственным субсидиям, в частности особо значимой для экспортной деятельности логистической субсидии. Следовательно, прочие производители будут получать субсидиарную государственную поддержку из неизрасходованных средств в пределах лимитов, то есть по остаточному принципу.

¹⁶ Федеральный закон от 29 ноября 2018 г. № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов».

¹⁷ Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов».

Представляется целесообразным разработать аналогичный долгосрочный инструмент поддержки производителей, а успешный опыт КППК распространить на другие отрасли народного хозяйства, в том числе на сферу услуг. Одновременно необходимо провести диверсификацию мер поддержки для производителей с целью снижения зависимости инструмента от бюджетного финансирования, что будет способствовать повышению привлекательности КППК и росту его востребованности. В частности, использование специальных инструментов рефинансирования Банка России позволило бы существенно снизить процентные ставки по привлекаемым кредитам.

В апреле 2020 г. РЭЦ совместно с Минпромторгом России были подготовлены некоторые изменения инструмента, которые среди прочего основывались на обращениях объединений производителей промышленной продукции, кредитных организаций и субъектов Российской Федерации. В частности, устанавливается частота проведения отборов программ предприятий для заключения последующих соглашений с Минпромторгом России: предполагается, что заседания отборочной комиссии будут проходить три раза в год. Также предложено предусмотреть субсидирование инвестиционного финансирования проектов по реализации ЕРС-контрактов¹⁸ за рубежом. Ожидается, что данная мера позволит привлечь к использованию инструмента компании, реализующие проекты по созданию промышленных объектов. В связи с де-факто чрезвычайной ситуацией, обусловленной пандемией коронавируса и новой волной экономического кризиса, в качестве одной из мер поддержки отечественных производителей предлагается продлить возможность получения субсидирования процентных ставок по кредитам экспортирующих организаций в размере 3 % годовых без заключения соглашения о реализации КППК (данная мера действовала во время так называемого переходного периода в 2019 г.)¹⁹. Российский союз промышленников и предпринимателей выступил с предложением переноса обязательств по началу экспортных поставок для компаний, принявших КППК, с 2022 г. на 2023 г.²⁰ Ввиду того что неблагоприятная внешнеторговая конъюнктура сохранится еще неопределенное время, можно ожидать рост предложений от предпринимательского сообщества по отсрочиванию выполнения обязательств по заключенным с государством соглашениям.

¹⁸ ЕРС-контракт – это вид договора между заказчиком и подрядчиком, разновидность комплексного подряда; аббревиатура от англ. engineering, procurement and construction (инжиниринг, снабжение, строительство и пуско-наладочные работы).

¹⁹ По состоянию на 15 мая 2020 г. изменения не были утверждены.

²⁰ Бизнес обкладывается соломой. Коммерсант. www.kommersant.ru/doc/4343413?query=рспп (дата обращения: 15.05.2020).

Заключение

Введение в правовое поле такого инструмента, как КППК, свидетельствует о том, что государство расширяет перечень контрактных инструментов, используемых для привлечения частного сектора к реализации планов экономического развития, и последовательно переходит к использованию договорно-правовых форм взаимодействия с бизнесом. Теперь государственная адресная поддержка будет оказываться только тем хозяйствующим субъектам, которые берут на себя обязательства по достижению плановых показателей стратегических документов.

На субсидиарную поддержку в рамках КППК заложена значительная сумма (более 300 млрд руб. до 2024 г.), однако уже сейчас можно предположить, что рассмотренные в статье ограничения не позволят в полной мере реализовать потенциал инструмента. Так как инструмент носит заявительный характер, эти ограничения могут привести к снижению востребованности инструмента промышленными производителями, которые, к тому же, будут ослаблены текущим экономическим кризисом. Без изменения нормативной правовой базы и обеспечения возможности безотлагательного доступа к инструменту всех заинтересованных организаций невозможно освоение выделяемых средств в полном объеме, а значит достижение целевых показателей национального проекта «Международная кооперация и экспорт» в части промышленного экспорта будет под угрозой срыва. Таким образом, внесение поправок, направленных на совершенствование инструмента, представляется весьма своевременным и необходимым, как и открытие второго окна отбора программ компаний.

В целом инструмент КППК является перспективным решением в области администрирования государственной поддержки промышленного экспорта, отвечающим современным требованиям контрактации обязательств сторон. Плодотворными представляются распространение положительного опыта использования КППК на другие несырьевые отрасли промышленности и сферу услуг, а также разработка на базе КППК аналогичного инструмента долгосрочной поддержки промышленных производителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изотов Д.А. Экономические аспекты «Майских указов» 2018 года: международная кооперация и экспорт // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 66–77.
2. Кешишян А.А. Вопросы финансирования национального проекта «Международная кооперация и экспорт» // Экономика и предпринимательство. 2020. № 1. С. 251–253.
3. Кудряшов В.С. Стимулирование и поддержка экспорта предприятий малого и среднего бизнеса в Российской Федерации и за рубежом // *Juvenis scientia*. 2018. №9. С. 25–29.
4. Полунин Д.И., Павлова Г.Г. Основные направления поддержки предприятий на федеральном и региональном уровнях в рамках реализации проекта «Международная кооперация и экспорт» // Общество, экономика, управление. 2019. Т. 4. № 4. С. 55–59.
5. Шаров В.Ф., Пинская М.Р., Богачев С.В. Совершенствование государственной поддержки экспортного кредитования внешней торговли в евразийском пространстве // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 74–86.
6. Якушев Н.О. Анализ и ключевые риски в реализации национального проекта «Международная кооперация и экспорт» // Вопросы региональной экономики. 2019. № 4 (41). С. 107–114.

ABOUT THE AUTHOR

Yevstafiyeva Yulia Valeryevna – Junior Scientific Associate of the Department of Economic Theory of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
YVEvstafeva@fa.ru

CORPORATE PROGRAMS TO INCREASE THE COMPETITIVENESS AS THE CONTRACTUAL TOOL OF STATE GOVERNANCE IN THE FIELD OF INDUSTRIAL EXPORTS

In modern conditions of the organization of economic activity, the contractual formulation of mutual obligations of the state and business seems to be an effective means of practical implementation of state planning documents and achieving of development goals. Following the special investment contract tool, another contract tool was launched in 2019 - Corporate Competitiveness Improvement Programs (CCIP). Since 2020, state support has been provided only to manufacturers and exporters who assume the commitments, formalized at the CCIP to achieve the targets of the national project called “International Cooperation and Export”. The article presented the characteristics of the tool, analyzed the significance of its application and the first results, gave recommendations for improvement.

Key words: *Corporate Competitiveness Improvement Program, CCIP, industrial policy, non-resource export, interest rate subsidies, implementation of national projects, international cooperation and export, strategic planning.*

JEL: F13, L50, O20, Z18.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.С. РЖАНИЦЫНА

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

РАБОТАЮЩИЕ ПЕНСИОНЕРЫ: ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10037

В Институте экономики РАН 6 ноября 2019 г. состоялся семинар на тему «Работающие пенсионеры: проблемы человека и государства». В работе семинаре приняли участие сотрудники Института экономики РАН, ИСЭПН РАН, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Пенсионного фонда России (ПФР), Федерации Независимых Профсоюзов России (ФНПР), ФГБНУ «Национальный НИИ Общественного здоровья им. Н.А. Семашко» и других организаций. На обсуждение были вынесены вопросы о проводимой государством политике в отношении работающих пенсионеров¹, о действующем законодательстве, регулирующем

¹ Определение «работающий пенсионер» содержится в статье 26.1 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» – это лица, осуществляющие «работу и (или) иную деятельность, в период которой они подлежат обязательному пенсионному страхованию в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации». 29 декабря 2015 г. был принят Федеральный закон № 385-ФЗ, который внес изменения в Федеральный закон № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», согласно которым с 2016 г. в период работы пенсионеры будут получать страховую пенсию и фиксированную выплату к ней без учета плановых индексаций. В рамках реализации данной нормы ПФР разъяснил понятие «работающий» пенсионер (Работающий пенсионер – критерии правового статуса. prfr.ru/branches/spb/news-2016/02/08/106369). К работающим пенсионерам отнесли также опекунов и попечителей, исполняющих свои обязанности возмездно по договору об осуществлении опеки или попечительства, в том числе по договору о приемной семье. Но только 17 марта 2020 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменения в ст. 7 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», которым опекунам с 1 июля 2020 г. вернули ежегодную корректировку (индексацию) размера страховой пенсии и фиксированной выплаты к страховой пенсии.

их занятость, об уровне жизни этой категории работников, а также об опыте стимулирования занятости пожилых в странах Европейского союза и ОЭСР.

Выступивший на семинаре д.э.н., профессор А.К. Соловьев (ПФР) отметил, что, согласно официальной отчетности, сейчас работает каждый четвертый из 45 млн пенсионеров. При этом существует проблема учета работающих пенсионеров. Вся статистика по ним формируется на основе формы 94 («Пенсии»). Эта форма составляется на определенную дату, в ней нет среднегодовых данных, что является причиной частых ошибок при расчетах для формирования бюджета. Цифры, которые дает ПФР по работающим пенсионерам, говорят только о том, какова их средняя списочная численность. И, конечно, не учитывается тот факт, что на самом деле работают почти все пенсионеры – либо сидят с детьми, либо заняты на даче, т. е. они выполняют реальные трудовые функции.

Проблемы работающих пенсионеров, по мнению А.К. Соловьева, нужно рассматривать не только с количественных и финансовых позиций, но и с институциональных. В страховой системе главный институциональный принцип – сопряжение прав и обязательств. Поэтому в этой системе вопрос о том, работает пенсионер или нет, не имеет существенного значения. Если люди внесли соответствующий вклад в страховую систему, значит они должны получить возможность реализовать установленные права, независимо от того, продолжает человек работать или нет. Как известно, пенсия выплачивается в двух случаях, взаимно исключающих друг друга: при наступлении пенсионного возраста, который устанавливается федеральным законом, и как замещение утраченного заработка. Но должен быть и третий случай, когда человек сам страхует размер пенсии (по выбору), или государство устанавливает какой-то размер, который страхуется человеком. По этому принципу построены французская система и ее польский аналог. Также есть специальные фонды, например, частные фонды в Нидерландах и Бельгии, где страхуется определенный размер пенсии. Причем эти частные фонды – некоммерческие. Медицинское страхование, страхование по уходу – также все некоммерческое. У нас же даже ПФР нацелен на получение прибыли.

Что касается размеров пенсий и проблемы их индексации работающим пенсионерам, то нужно учитывать наличие большого трансферта из федерального бюджета в ПФР. Этот трансферт наполовину состоит из государственных обязательств, включая пособия. Никакого отношения к страховым правам он не имеет, но тем не менее является важным элементом в системе управления пенсиями.

Далее А.К. Соловьев, напомнив, что в России с 2016 г. отменили индексацию пенсий работающим пенсионерам, а затем повысили

возраст выхода на пенсию, убавив начисление баллов, обратил внимание, что сейчас вновь назначаемые пенсии по старости стали выше, чем у пенсионера с минимальным 30-летним стажем работы. В связи с произошедшими изменениями люди стали массово уходить «в тень». Вместо 14 млн работающих пенсионеров их, по официальной годовой отчетности, стало 9,6 тыс. человек. Вне теневого сектора остались только пенсионеры, продолжающие трудиться в бюджетных и государственных учреждениях.

Изменилась и структура работающих пенсионеров (кроме инвалидов). Среди работающих пенсионеров примерно половина – это пенсионеры по старости, работающие инвалиды – 10%, также у нас большое количество «досрочников» (работающих граждан, имеющих право на досрочное получение пенсионных выплат). Причем отдельные категории пенсионеров-«досрочников» могут начинать работать с 30 лет и продолжать трудиться до преклонного возраста. В отдельных отраслях экономики доля работающих пенсионеров среди занятых очень высока. Например, в горнодобывающей промышленности каждый второй работающий – это пенсионер. То же в сельском хозяйстве – молодежь там не хочет работать. Но в сфере управления работающими пенсионеров – 1%, в образовании было 1,5%, – стало 2,5%, в здравоохранении было 1,3%, – стало в два раза больше. Если рассматривать возрастную структуру работающих пенсионеров, то большинство из них – это женщины в возрасте 57–60 лет и мужчины 60–65 лет.

Организатор семинара д.э.н., профессор Л.С. Ржаницына (ИЭ РАН) в своем выступлении обратила особое внимание на то, что на сегодняшний день нет достоверной статистики о работающих пенсионерах. Сейчас для Росстата важный вопрос – это точность учета самозанятых, а среди них доля пенсионеров, наверняка, немалая. Причем есть разные цифры о численности самозанятых. Некоторые эксперты просто относят к ним всех неработающих, получая таким образом чуть ли не 30 млн самозанятых. В должной мере не разработаны у нас и правовые нормы, которые должны регламентировать занятость пенсионеров и защищать их права.

Л.С. Ржаницына в своем выступлении отметила, что она, являясь членом Научно-методического совета Росстата, знает, насколько сейчас сложное положение с учетом заработной платы и доходов граждан. Если раньше пользовались статистическими рядами, и хотя бы тенденции были понятны, то сейчас этого нет. Фонд зарплаты и численность занятых искажены. В Росстате доходы работающих пенсионеров можно узнать только из обследований бюджетов семей. Надо лично выбрать данные по строчкам, где в семье есть работающий пенсионер. Другого способа нет. Кроме того, нужно учитывать социаль-

ную структуру пенсионеров: есть одинокие пенсионеры, есть пенсионеры, живущие в семьях, есть работающие пенсионеры.

Работающие пенсионеры, по ориентировочным расчетам, в среднем получают 34–35 тыс. руб. – на треть больше пенсионеров по старости. Сбербанк по-своему считает доходы работающих пенсионеров, оценивая их на сегодняшний день в 42 тыс. руб. Работающий пенсионер сегодня в обществе – основа среднего класса Российской Федерации. В структуре его доходов пенсия составляет примерно 50 и 36% приходится на зарплату. В том числе и поэтому нельзя согласиться с предложениями об отмене выплаты пенсий работающим пенсионерам. Это резко уменьшит численность среднего класса, и на 1 млн человек увеличится число бедных. Подобное решение не позволит достичь поставленной Президентом РФ цели вдвое сократить бедность. А что касается индексации пенсий работающим, то с учетом существующего уровня зарплаты и текущей численности работающих пенсионеров (9,6 тыс. человек), на это нужно 360 млрд руб. в год – цифра не такая уж и большая.

В завершение Л.С. Ржаницына обратила внимание на главный, по ее мнению, вопрос для пенсионеров – где работать? Проблема – в дефиците рабочих мест в Российской Федерации. Даже для людей старше 45 лет, особенно для женщин, трудоустроиться очень сложно, а служба занятости может трудоустроить только 52% обратившихся.

Профессор О.А. Александрова (ИСЭПН РАН) представила участникам семинара результаты проведенных по заказу Департамента труда и социальной защиты г. Москвы исследований по проблеме трудоустройства слаботзащищенных групп населения, включая пенсионеров, (2017 г.)² и по трудоустройству инвалидов на столичном рынке труда (2018 г.). Вначале выступающая обратилась к методологическим вопросам проведенных исследований, отметив, что массовые анкетные опросы были проведены в Службе занятости во всех административных округах Москвы в один случайно выбранный день. В ходе исследований эксперты опросили 1000 человек, среди которых были люди с инвалидностью. Экспертами выступали руководители районных отделов Службы занятости и руководители отделов по работе с инвалидами. Показательно, что более 26% тех, кто в тот день был в Службе занятости, – это люди предпенсионного возраста и небольшое количество лиц, недавно начавших получать пенсию.

Результаты исследований, отметила О.А. Александрова, показали, что основная причина увольнения работников – это сокращение штатов, связанное с ликвидацией предприятий. Причем увольнения каса-

² Проблемы трудоустройства слаботзащищенных слоев населения в Москве. isesp-ras.ru/monograph/2018-02-09-12-54-08.

ются в первую очередь пенсионеров. Из числа лиц, ищущих работу, половина ранее работали по основной или по смежной профессии, остальные – либо совсем не по специальности, либо не совсем по специальности. Обращаются в поисках работы в службу занятости в основном граждане, которые не хотят потерять стаж, еще надеясь, что он имеет какое-то значение для формирования пенсионных прав, а также те, которые хотят получить пособие по безработице и субсидию на оплату ЖКХ. Существенная часть их – люди малообеспеченные, для которых характерна большая длительность поиска работы. Лишь каждому пятому (или даже меньше) из обратившихся граждан предлагают работу, которая полностью соответствует его специальности. Таким образом, больше чем для трети заявителей предлагаемые вакансии либо совсем не соответствуют, либо, скорее, не соответствуют их специальности. Что касается переобучения, то немногие его проходят, и если соглашаются, то только за счет Службы занятости. И здесь возникает правомерный вопрос: имеют ли вообще смысл программы по переобучению, если только четверть работает по своей специальности? Многие (особенно это касается инвалидов) не готовы переобучаться, потому что считают, что им либо и так достаточно имеющейся квалификации, либо не хватает здоровья, чтобы учиться, либо не видят в этом перспективы. Департамент занятости провел собственный опрос, согласно результатам которого, лишь очень немногие согласились на компьютерное переобучение, а миллиарды рублей, потраченные на программы по переобучению, пошли, видимо, на то, чтобы успокоить общественное мнение после повышения пенсионного возраста.

Завершая свое выступление, профессор О.А. Александрова привела несколько высказываний руководителей районных отделов городской Службы занятости относительно возможности трудоустройства лиц старших возрастов. Они считают, что желающих работать пожилых граждан трудоустраивать очень сложно. Работодатели подняли планку по качеству работ, и им требуются молодые активные сотрудники. Хотя дискриминация по возрасту запрещена, но на практике сейчас людей старше 50 лет при приеме на работу отсеивают. При этом даже предлагаемые Правительством Москвы и Службой занятости меры, например, доплаты пожилым из бюджета Москвы до прожиточного минимума, не работают. И особенно сложно трудоустроиться тем, у кого есть ограничения по здоровью (даже при отсутствии инвалидности).

Н.А. Измайлова (аппарат ФНПР) отметила, что продолжение трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста в большинстве случаев продиктовано низкими размерами пенсий и заработных плат. Стремясь сохранить право на индексацию, пенсионеры рабо-

тают без оформления трудового договора. Это ведет к росту теневой занятости, к сокращению объемов поступающих страховых взносов, что, безусловно, влияет на финансовую устойчивость всей пенсионной системы. ФНПР неоднократно поднимала вопрос об индексации пенсий работающим пенсионерам. Был проведен анализ и направлены предложения в адрес заместителя Председателя Правительства РФ О. Голодец, а также Президенту РФ В.В. Путину по вопросу о возобновлении полноценной индексации пенсий работающим пенсионерам. По мнению профсоюзных экспертов, «неиндексация» не только негативно отражается на материальном положении пенсионеров, но и воспринимается как крайне несправедливая мера, так как за работающих пенсионеров уплачиваются страховые взносы. ФНПР также полагает, что необходимо вернуться к вопросу о снятии ограничений при формировании пенсионных прав для работающих пенсионеров и требовать отмены этих дискриминационных решений, в результате которых рынок лишился миллионов рабочих рук, а бюджет – миллиардов рублей. Только в 2016 г. Пенсионный фонд России получил около 90 млрд руб. за счет того, что пенсии не стали индексировать, а потерял 500 млрд руб. из-за того, что 5 млн пенсионеров ушли «в тень». Что касается достоверности российской трудовой статистики, то занижен размер фонда заработной платы (ФЗП), который определяет Минэкономразвития РФ для расчета доходов всех внебюджетных фондов обязательного социального страхования. В частности, по данным этого ведомства, ФЗП в 2018 г. был равен 22 трлн руб., а в 2022 г. может составить 24–25 трлн руб. Но, по расчетам Н.А. Измайловой, уже сегодня ФЗП, исходя из численности занятых по месту основной работы и по всем видам экономической деятельности, должен быть более 30 трлн руб.

Далее Н.А. Измайлова, коснувшись вопроса достоверности расчета прожиточного минимума (ПМ) как фактора, влияющего на размер пенсий, обратила внимание, что с начала 90-х годов и до 2013 г. применялся нормативный метод его исчисления, в основе которого лежали нормы минимального потребления продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг. С 2013г. по предложенным Правительством РФ правилам ПМ на душу населения по основным социально-демографическим группам населения в целом по стране рассчитывается только продовольственная корзина, а стоимость непродовольственных товаров и услуг определена в размере 50% стоимости продуктов питания. Поэтому стоимость непродовольственных товаров и услуг носит условный характер и не отражает реальных расходов и затрат населения. Недостоверность расчета ПМ стала, таким образом, причиной занижения минимального размера оплаты труда, что отрицательно влияет и на размер пенсии. Необходимо пересмотреть методику опре-

деления прожиточного минимума с целью повышения его объективности при использовании как реального ориентира для установления минимальной оплаты труда и достойного пенсионного обеспечения.

В современных условиях, когда уровень жизни значительной части населения низкий, а минимальная зарплата не превышает прожиточный минимум, целесообразно рассчитывать стоимость непродовольственных товаров и услуг в натурально-стоимостном исчислении. Актуальной задачей является пересмотр потребительской корзины, исходя из необходимости удовлетворения потребностей человека в продуктах питания, непродовольственных товарах и услугах. МРОТ, основанный на восстановительной модели ПМ, будет равен 27000 руб., или 60% от среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в целом по РФ, а с учетом затрат на обязательные платежи и сборы увеличится до 42000 руб. Также необходимо принять законодательные акты, касающиеся повышения минимального размера оплаты труда, правил исчисления величины прожиточного минимума на душу населения в целом по стране.

Д.э.н., к.ф.н Г.П. Дегтярев (ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко») и к.э.н. А.Г. Дегтярев (ИЭ РАН) представили на семинаре исследование по теме «Работающие пенсионеры в России и Германии: сравнительный анализ законодательного регулирования». Основные результаты этого исследования заключаются в следующем.

Современная пенсионная система Германии состоит из трех компонентов: обязательное пенсионное страхование (солидарная составляющая), сформированная еще при Бисмарке; профессиональные пенсионные накопления; частные пенсионные накопления, которые были введены в 2001 г. Пенсионные реформы в Германии носят эволюционный и непрерывный характер. С 1992 г. размер пенсии стал исчисляться в зависимости от нетто, а не от брутто заработной платы, что обеспечило адекватность коэффициента замещения. В 2001 г. был принят закон о структуризации пенсии (реформа Ристера): введены добровольные пенсионные накопления; лицам свободных профессий, предпринимателям, самозанятым было предложено добровольно участвовать в обязательной (солидарной) составляющей пенсионной системы, уплачивать страховые взносы, чтобы они, как и наемные работники, могли приобрести право на адекватную страховую пенсию. Следует отметить, что актуарные расчеты делаются на 60-летний период – период жизненного цикла пенсионной системы: 40 лет страхового стажа и 20 лет получения пенсии. Пенсионные реформы просчитываются и обосновываются за 30 лет до начала их проведения. С учетом тех ожидаемых изменений, которые будут через 30 лет, начинается подготовка предложений, которые необходимо будет внести в пенсионную систему.

Реформой Ристера была предложена система стимулов – софинансирование государства и налоговые льготы. Были проведены тщательные актуарные расчеты, показавшие, что при складывающихся социально-демографических трендах в солидарной составляющей пенсионной системы коэффициент замещения для страховой пенсии через 30 лет может снизиться до 64–65%. Дополнение ее пенсионными накоплениями позволит сохранить уровень коэффициента замещения в пределах 70%. Следует отметить, что никто не обязывает участвовать в системе Ристера. Поскольку сложилось высочайшее доверие к пенсионной системе Германии, то многие из самостоятельно занятых лиц стали активно включаться в солидарную составляющую пенсионной системы и формировать пенсионные накопления. Интересно, что не потребовалось создания специальных пенсионных фондов для работы с пенсионными накоплениями. Каждый может заключить договор на внесение пенсионных накоплений с финансовым институтом, который имеет соответствующее разрешение на осуществление долгосрочных инвестиций. Это важно, поскольку создание специальных учреждений, занимающихся только пенсионными накоплениями (как негосударственные пенсионные фонды (НПФ) в России), ведет к значительным административным издержкам. Наши НПФ показывают брутто-доходность, на конкретных лицевых счетах граждан не отражается нетто-доходность, т. е. реальная доходность от инвестирования пенсионных накоплений за вычетом всех административных и прочих расходов.

В Германии введена персональная ответственность лиц, осуществляющих подготовку пенсионных реформ. Так, Вальтер Ристер был министром труда, Берт Рюруп, продолживший начатое Ристером, – председателем правительственной комиссии по вопросам реформирования социальной сферы. Рюруп предложил постепенное повышение пенсионного возраста – на 2 года за 18 лет! Это – не шоковое повышение пенсионного возраста на год за год, а месяц или 2 месяца в год. Также совсем незначительно увеличиваются, а иногда и снижаются размеры страховых взносов. Когда было введено страхование по долговременному уходу за пожилыми людьми, то рассматривалась связка тарифов трех фондов: пенсионных касс, касс по уходу и больничных касс. Незначительно сниженный тариф на страховые пенсии был направлен на долговременный уход.

Сбалансированность и финансовая устойчивость системы обязательного социального страхования является результатом детальных расчетов на основании огромной многолетней страховой и финансовой статистики данной системы. Введена верхняя граница дохода (различная для территорий бывших ГДР и ФРГ), выше которых страховые взносы не взимаются. Она меняется. Есть и другие отличия между пенсиями и пенсионными системами Западной и Восточной территорий

Германии. Только к 2025 г. – за 40 лет – произойдет выравнивание пенсий на Западе и на Востоке Германии. Это длительный процесс мягкого реформирования.

В России также были установлены такие ограничения в виде верхней границы дохода. Однако затем стали взимать в ПФР 10% с доходов сверх установленного уровня, но при этом дополнительные права на страховую пенсию не предусмотрены. Страховые взносы на обязательное медицинское страхование начисляются на все доходы. Верхняя граница вообще снята. Это является одной из причин ухода зарплат «в тень». Для улучшения ситуации необходимо четкое разграничение того дохода, с которого за каждого (или каждый) обязательно следует вносить взносы. При этом можно добровольно вносить взносы с доходов сверх установленной суммы, приобретая дополнительные пенсионные права.

С 2015 г. в Германии введен минимальный размер заработной платы. Он служит той базой, с которой начинается расчет пенсии, прожиточного минимума и многого другого. Первоначально установленная законом минимальная заработная плата в размере 8,5 евро в час ежегодно пересматривается. Важно, что в Германии учитывается разница между брутто и нетто зарплатой. Брутто зарплата включает все социальные платежи и налоги, а нетто зарплата – это все, что поступает на личный счет застрахованного лица после всех отчислений. Работодатель, заключая договор с работником, указывает брутто зарплату, в которую включены те взносы, которые платит работник, и те взносы, которые платит работодатель. То есть работодатель должен обеспечить такой уровень брутто зарплат, который позволит покрыть все страховые взносы. Известно, что в ФРГ высокие зарплаты. При этом страховая пенсия составляет около 65% от их уровня. У нас низкие зарплаты, а коэффициент замещения – 35–38%. Причем различие между брутто и нетто заработной платой не введено. В Германии при исчислении брутто зарплат учитываются: стоимость рабочей силы; зарплата, начисляемая работнику, которая включает налоги и социальные платежи. Для актуарных расчетов используется внутренняя статистика Пенсионной кассы Германии, а не макроэкономические показатели. У нас при формировании бюджета ПФР используются такие показатели, которые формируются на основе макроэкономических прогнозов, прежде всего численности занятых и фонда оплаты труда. Эти данные представляет Минэкономразвития России. Они очень приблизительные и неточные.

Важно учитывать, что демографическая ситуация в Германии гораздо сложнее, чем в России. Там 21% населения – это люди в возрасте старше 60-ти лет. Перспективы влияния демографических факторов на пенсионную систему определяются на 30 лет вперед. Немцы

думают о том, как плавно и мягко провести пенсионную реформу, чтобы сохранить финансовую устойчивость. Повышение пенсионного возраста в Германии происходило постепенно. Принимались тщательно обоснованные решения. А у нас, не опираясь на детальные расчеты и не обсуждая, резко повысили пенсионный возраст. Это вызвало шок и недовольство населения, привело к утрате последних остатков доверия к пенсионной системе и к ее инициаторам. Кроме того, все многочисленные «смягчающие» решения привели не к снижению расходов пенсионной системы, а к их росту.

В Германии социальное законодательство (Социальный Кодекс) обширно и тщательно кодифицировано. В нем много профессионально тонких деталей, которые мы фактически не знаем, поскольку переводы соответствующих текстов не делаются уже более 100 лет! В Германии гибкая система выхода на пенсию. Если вы хотите выйти на пенсию раньше, что вполне возможно, то теряете определенный процент от полной страховой пенсии, а если вы выйдете на пенсию позже, то получите существенную добавку. В Германии работают индивидуально с каждым пенсионером. Некоторые готовы мириться с сокращением пенсионных выплат, покидая рынок в 63 года и предпочитая свободную жизнь. В 2017 г. чуть больше четверти немцев подали соответствующие заявления. Прирост количества лиц, вышедших на пенсию, по отношению к 2016 г. составил 5%. Многие, достигнув пенсионного возраста, продолжают работать неполный рабочий день. Численность таких работающих пенсионеров выросла более чем в 2 раза и будет увеличиваться. В 2017 г. 20% лиц, достигших пенсионного возраста, продолжали трудиться, потому что созданы специальные условия – производится регулярный перерасчет пенсий работающим пенсионерам. Мужчин работает больше, чем женщин. Появились фирмы, которые нанимают пенсионеров на 2–3 часа за небольшую прибавку. Большинству получателей пенсий работа позволяет чувствовать себя востребованными в обществе. Сейчас готовится решение о введении базовой пенсии, которая будет в два раза выше, чем социальная или минимальная пенсия. Почему хотят это сделать? Потому что тот, кто всю жизнь работал, получая минимальную зарплату, получает и очень низкую пенсию. Чтобы обеспечить им достойную жизнь и уважение к труду, в 2021 г. для них будет введена базовая пенсия.

К.э.н. Е.Е. Шестакова (ИЭ РАН), рассматривая на примере стран ОЭСР вопросы, касающиеся продления трудовой жизни, в первую очередь обратила внимание, что средняя продолжительность жизни после достижения 65-лет в этих странах составляет у женщин 21,6 года, у мужчин – 18,2 года, приближаясь в ряде европейских государств к 70% от средней длительности трудовой карьеры. При этом с начала 2000-х годов существовавший в течение длительного периода времени тренд

на снижение занятости лиц старших возрастных групп изменился на противоположный. Если в 70-е годы прошлого века среди мужчин в возрастной группе 55–74 года работало около 70%, а женщин – 30%, то в 2000 г. этот показатель составил у мужчин 48%, у женщин – 28%. Однако уже в 2015–2017 гг. он увеличился до 54% и 38% соответственно. Тем не менее до 60 лет на пенсию в странах ОЭСР выходит около $\frac{1}{4}$ работников. Главными причинами ухода с рынка труда до достижения официального пенсионного возраста, по данным Европейского обследования состояния здоровья, старения и пенсионного обеспечения, являются: выполнение необходимых условий для получения ранней пенсии (это главная причина); состояние здоровья и получение инвалидности (чуть более 20% случаев); окончание контракта и увольнение и, в гораздо меньшей степени, семейные обязанности.

На общее увеличение занятости лиц старших возрастов основное влияние оказали как улучшение популяционного здоровья и изменения в характере труда, так и меры по реформированию пенсионного обеспечения, повышение пенсионного возраста, изменение правил назначения ранних пенсий. Эффективным способом решения задачи сохранения пропорции между периодом зарабатывания пенсии и периодом ее получения для властей стала активно внедряемая в целом ряде стран автоматическая корректировка пенсионных систем и в отношении правил начисления пенсий, и в отношении их размера. Что касается категории работающих пенсионеров, то в абсолютном большинстве государств ОЭСР созданы возможности после достижения пенсионного возраста получать пенсию и работать без каких-либо ограничений размеров получаемых совокупных доходов. В ряде стран допускается получение пенсии (или ее части) и заработной платы и до достижения пенсионного возраста, но уже при условии, что установленные лимиты на доходы не будут превышены.

Е.Е. Шестакова отметила, что в странах ОЭСР социальные характеристики работающих после достижения официального пенсионного возраста существенно отличаются от характеристик других возрастных групп занятых. Во-первых, половину работающих, относящихся к самой пожилой возрастной категории, составляют самозанятые, что существенно превышает соответствующий показатель в более молодых группах. В отдельных странах, прежде всего в Южной Европе, доля самозанятых среди работающих в возрасте 65 лет и старше достигает 75–85%. Почти 60% – это занятые неполное рабочее время. Пятая часть занятых имеют так называемые временные контракты, т. е. почти столько же, как и молодежь до 25 лет. И последнее, по данным социологических исследований, только по экономическим причинам – из-за нехватки финансовых средств – работает всего 20% лиц в возрасте 65 лет и старше.

Завершая семинар, его участники отметили необходимость активизации и расширения научных исследований вопросов занятости пенсионеров в новых рыночных условиях и особую значимость разработки теории пенсионного обеспечения, без создания которой невозможно решать как текущие, так и перспективные задачи его развития. Представляется, что в условиях вызовов социально-экономическому развитию, обусловленных пандемией коронавируса нового типа, многие предложения участников семинара, особенно касающиеся защиты трудовых прав граждан старших возрастов, сохраняют свою актуальность и могут быть востребованы при определении мер социальной политики, учитывающих возможность существенного ухудшения ситуации на российском рынке труда. В частности, Государственная Дума РФ в настоящее время начала рассматривать законопроект о расширении возможности выхода на досрочную пенсию из-за ожидаемого роста безработицы, а часть депутатов предлагает вернуть индексацию пенсий работающим пенсионерам.

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

СТРУКТУРНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

О книге проф. О.С. Сухарева «Теория структурной динамики экономики». М.: Ленанд, 2020. – 200 с.
DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10038

Современная экономика, как и весь современный мир, характеризуется высокой динамичностью, которая сопровождается глубокими качественными, в том числе структурными изменениями. В рыночной экономике конкуренция выступает движущей силой модернизации, стремления к использованию научно-технических достижений в экономике и повседневной жизни. Благодаря сочетанию этих факторов в современном обществе возрастает роль науки в целом, и экономических исследований в частности. В связи с этим выход в текущем году в издательстве «Ленанд» монографии известного ученого, проф. О.С. Сухарева, посвященной исследованию структурно-динамических изменений в экономике, представляется, на наш взгляд, весьма актуальным и своевременным событием.

В данной работе предпринята попытка на основе анализа структурных изменений в экономике показать, что структурные изменения являются имманентным проявлением развития экономики, а также понять, каким образом эти изменения влияют на экономический рост. Данный предмет

(тема) исследования справедливо, на наш взгляд, назван автором структурной динамикой экономики.

Автор уже предпринимал попытки исследования отдельных аспектов данной темы, что нашло отражение в ряде ранее опубликованных его работ по проблематике эволюционной и институциональной экономики и теории экономического роста.

В частности, следует отметить, что автор достаточно широко известен своими работами в области институциональной экономики. Им внесен заметный вклад в становление современной российской школы институционализма. Заслуживают научного и практического внимания его исследования по дисфункции институтов и экономических систем, а также, что очень важно, по разработке аппарата определения дисфункциональных изменений и институциональных эффектов. Отметим, что в теории дисфункций им был разработан аппарат их классификации, а также некоторые подходы к измерению институциональных дисфункций, предложены некоторые прикладные методики. Отметим, что данные разработки получили должную оценку научного сообщества. Мы полагаем, что можем так говорить, поскольку исследования данной темы активно продолжаются, причем не только в трудах его учеников, но и независимых ученых.

Научный и практический интерес представляют также ранние работы автора (2003–2006 гг.), в которых изучались такие проблемы, как качество функционирования институтов, их

влияние на динамику цен, так называемая «институциональная инфляция», «монетарный диапазон» и др. Эти институциональные разработки обнаруживают оригинальность и смелость идей автора. В них уже присутствует структурный анализ, несвойственный иным институциональным течениям.

Развитие российской институциональной экономической школы в 1990–2000 гг. обычно недооценивают. А ведь ее ярчайшими представителями были и остаются: Л.И. Абалкин – один из основоположников российской школы институционализма; академики Д.С. Львов и С.Ю. Глазьев, исследовавшие инновационно-технологические аспекты; В.М. Полтерович, разрабатывающий математическое направление; академик В.И. Маевский – автор идеи эволюционного институционализма. Подобные исследования активно развиваются, и О.С. Сухарев внес в их развитие свою лепту. В связи с этим встречающийся в литературе скепсис относительно перспектив российского институционализма, на наш взгляд, не соответствует действительности.

В частности, полезным видится предложение оценивать качество отдельных институтов с помощью известного и широко развитого в области «экономики качества» показателя «нормы потребительной стоимости», адаптировав данную методику для измерения институтов. Кстати, автор достаточно давно (еще в 2003–2005 гг.) показал условие импорта институтов с помощью именно этого показателя¹, на примере взаимодействия старых и новых институтов. Использование понятия «монетарного диапазона» позволило доказать, что отдельные институты нуждаются в определенном финансовом обеспечении в единицу времени и теряют свои свойства, если изменяется (например, ухудшается)

это обеспечение. Также были обоснованы модели реструктуризации экономической системы и трансформации институтов в границах «монетарного диапазона» при изменении «нормы потребительной стоимости». Из представления о значимости быстрых изменений институтов и структурных модификаций вытекает, что ценовые пропорции уже не являются «самым важным источником» институциональных изменений (как в свое время полагал Д. Норт²), в связи с чем автор совершенно обоснованно предложил расширенную трактовку данного положения.

Если еще несколько десятилетий назад, в XX в., считалось, что структурные изменения и даже смена институтов происходят сравнительно медленно, в течение относительно продолжительного периода времени, то сегодня всем очевидно, что скорость как институциональных, так и структурных изменений в экономике существенно возросла. В этом контексте изучение структурных и институциональных аспектов экономической динамики приобретает особую актуальность. В особенности, учитывая, что правительства многих стран прибегают к институциональным коррекциям (используя терминологию автора) в качестве своеобразного метода управления и влияния на экономику. Нужно сказать, что институциональные и структурные сдвиги довольно тесно связаны между собой, поскольку институты, как правило, задают не только модели поведения агентов, но и посредством этого влияют на экономические пропорции, формирование и/или поддержание экономических структур.

¹ См: Сухарев О.С. Институты и экономическое развитие. М.: ДеКА, 2005. С. 316–318.

² Позиция автора в ряде прошлых работ несколько не отменяет трактовку Д. Норта, справедливую на тот период, когда Нортом проводились эти исследования. Автор расширяет и видоизменяет ее, согласно картине, наблюдаемой в современных условиях.

От изучения институциональной проблематики, включающей отдельные структурные проблемы, автор вполне закономерно перешел к рассмотрению свойств собственно структурной динамики.

Таким образом, новая книга проф. О.С. Сухарева «Теория структурной динамики экономики» является логическим продолжением ряда его работ и состоит из введения, семи небольших глав и заключения.

Она является примером добротного анализа того, что происходит с экономикой, предпринятого с структурно-институциональных позиций, при этом включает как эмпирические оценки имеющих место структурных изменений, так и предложения вполне прикладного характера. Она посвящена формулировке основных позиций теории структурной динамики, которая позволяла бы описывать и объяснять влияние отдельных элементов системы на ее динамику по тем агрегированным показателям, которые эту динамику характеризуют.

Научная новизна книги «Теория структурной динамики экономики» не вызывает сомнений, также как и полезность этой работы. В частности, в первой главе автор формулирует и в некотором смысле обобщает положения теории структурной динамики (с. 11–21), а также показывает возможности применения этих положений (с. 28–50), то есть, доводит их до прикладного инструментального уровня³. Вторая глава посвящена оценке структуры технологий и инвестиций и их вклада в экономический рост, это делается на базе несложной двухсекторной модели экономики (с. 51–60). Это позволяет записать одновременно условие роста и структурного изме-

нения. Тем самым можно оценивать, какой рост необходим, за счет какой структуры он будет происходить, и каким образом структурное изменение совмещено с ростом.

Оценка влияния инвестиций в старые и новые технологии позволяет анализировать ход процесса технологического обновления и его влияния на экономический рост⁴ (с. 61–65). Далее автором показано, как влияет девальвация и динамика цены на нефть на рост (с. 66–70), и продемонстрированы возможности структурного моделирования (с. 71–73). Особо можно выделить главу третью, весьма небольшую по объему, но емкую по содержанию, в которой автор делает вполне приемлемую попытку сформулировать теорему о соотношении производственных и транзакционных затрат (с. 81–82). В новом институционализме, например, существует «Экономическая теория транзакционных издержек», однако отсутствует теория другого вида затрат – производственных⁵. Автор рассматривает оба вида издержек и формулирует задачу минимизации транзакционных издержек, при условии, что производственные затраты не растут, на основании чего ему удается сформулировать условие (теорему) минимизации транзакционных издержек (с. 81–82). Кроме того, автор показывает, откуда берется данное соотношение. Более того, ему удается предложить методику, которая

³ Это относится не только к национальным проектам, где практически отсутствует вся информация (кроме расходов), а также и методика расчета их эффективности.

⁴ Следует отметить, что подавляющая часть выводов автора находит свое эмпирическое подтверждение, и не только в работах данного автора, но и других исследователей.

⁵ Теория цен может быть представлена как общая теория затрат, но транзакционные затраты, которые подлежат учету, также входят в эту цену. Поэтому заявления, что транзакционные издержки не принимаются во внимание отдельными экономическими школами, иногда выглядят весьма условными.

позднее неоднократно применялась им для оценки отклонения от оптимального результата.

Тематически несколько выделяется глава, посвященная анализу национальных проектов (хотя она построена на тех же принципах структурного анализа, что и другие главы, и тем самым логически связана с предшествующим изложением). Однако общий подход к оценке эффективности национальных проектов, предлагаемый О.С. Сухаревым, вполне уместен, включая оценку вклада национальных проектов в темп экономического роста страны. Автор осуществляет как расчет вклада каждого национального проекта в отдельности, так и всей их совокупности совместно по величине расходов. В своих расчетах он не учитывает эффект обратной связи мультипликативно-акселераторного типа, но пытается оценить значение показателя мультипликации расходов, исходя из прогнозных сценарных оценок роста ВВП.

Заключительная, седьмая глава посвящена методам структурной политики, в которой реструктуризация экономики исследуется при помощи моделей оптимизации («портфельного типа»). Фактически автору удается сформулировать теорию реструктуризации и показать, какие варианты распределения ресурсов в зависимости от применяемых критериев могут быть реализованы. Кроме этого, рассматривается проблема структурного выбора и так называемой «характерной точки», в которой имеется проблема неоднозначного выбора, но решения затруднены и требуют целого набора добавочных критериев (с. 169–186). Одним из вариантов является оценка соотношения темпа роста дохода и риска для этой точки, а также возможное совмещение решений по критерию максимизации дохода и минимизации риска. Такие постановки задач и показанные решения полезны в рамках теории распределения ресурсов и для макроуправления.

Полученные автором выкладки, простые модели структурной динамики, на наш взгляд, полезны в том плане, что позволяют провести не только диагностику роста, принимая во внимание его структурное качество, но и в дальнейшем построить факторные модели и получить прогнозные оценки как по отдельным элементам структуры, так и по экономике в целом.

Монография представляет собой самостоятельное исследование, касающееся разработки общих принципов и базовых моделей структурной динамики. Она не содержит обзора литературы, как это принято в современных экономических исследованиях. Мы полагаем, что это – достоинство данной работы, так как методы оценки структурных сдвигов известны, применяются, и те теоретические позиции, которые обозначил автор на базе своих предыдущих работ, являются оригинальными, имеющими свою нишу применения в анализе, и для специалистов они понятны и известны. В России, к сожалению, забыли стиль подачи материала от себя – то есть изложение своих позиций, своих идей, сразу на «белый лист». Такая форма отражает итог мыслительного процесса автора, и она очень полезна с точки зрения развития науки и конкретных направлений исследований. Но такая форма может быть воспринята как недостаток отдельными учеными, привыкшими к иным стандартам.

Подходы, предложенные О.С. Сухаревым, уже давно применяются, и не только им и его учениками, но и иными учеными, продолжающими и развивающими исследование этой тематики. Например, оценка дисфункций применялась при изучении проблем функционального маркетинга, критерии – при обосновании мер промышленной политики и разработке стратегии технологического развития, структурные модели роста – при диагностике экономической

и структурной динамики по различным странам при проведении компаративных исследований и т. д.

Автор излагает свое видение решения теоретических проблем, касающихся связи экономической динамики и элементов экономической структуры, представленной по тем или иным параметрам (компоненты ВВП, экономические секторы, национальные проекты и т. д.) вполне обоснованно. Автор закономерно развивает мысль, что без разработки метода измерения структурной динамики изучить ее особенности будет сложно. Кроме того, нужны базовые позиции теории, связывающие количественные показатели экономической динамики с изменением в экономической структуре, чему и посвящена эта небольшая книга, имеющая, на наш взгляд, весомое теоретическое значение и инструментальную ценность.

Несмотря на то, что проблематика книги однозначно относится к макроэкономической тематике, автор затрагивает и отдельные микроэкономические вопросы, например, соотношение прибыли и заработной платы.

Стилистика проводимого анализа вписывается в рамки институционального подхода, который во многом перекликается со структурным подходом к изучению экономической динамики. Можно согласиться с автором, что элементы структуры, функционирование которых в определенном смысле задается институтами, вносят свой вклад в общую динамику экономики, причем этот вклад меняется во времени. Именно это влияние или этот вклад представляют интерес и с точки зрения определения, и с точки

зрения дальнейшего анализа причин изменения веса этих элементов в экономической структуре и их влияния на темп роста. Этот вклад зависит от доли элемента и темпа изменения этого элемента. Конечно, наверняка имеются связи между элементами экономики, которые также с течением времени изменяются. Автор открыто говорит, что такие связи нужно дополнительно исследовать и что они, несомненно, будут влиять на экономическую динамику. В этом смысле структурные модели упрощены. С точки зрения институционального анализа подобных связей вообще имеется множество, так как проблематично отделить влияние институтов на некие агрегированные показатели динамики, когда эти институты действуют совместно, причем, изменяясь сами, в силу собственных закономерностей развития, а также и в силу правительственных коррекций.

Мы полагаем, что книга О.С. Сухарева интересна, содержит важный вклад в теорию и методы разработки структурной политики роста и может использоваться для дальнейшего развития теории структурной политики и экономического роста, решения проблем трансформации экономики с целью выхода на качественно иную модель экономической динамики и повышения эффективности разрабатываемой экономической политики.

*Проф. А.С. Нешитой,
ведущий научный сотрудник ИЭ РАН*

*Проф. Б.А. Ерзнкян,
руководитель лаборатории, главный
научный сотрудник ЦЭМИ РАН*

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В Институте экономики трудилась целая плеяда крупнейших ученых-экономистов, имена которых известны всему миру. Мы помним о каждом из них и ценим их вклад в науку. Так сложилось, что за время подготовки этого номера ушли из жизни три старейших наших сотрудника, немного не дожив до 90-летия Института. Они ушли как солдаты – без лишнего пафоса, но с чувством выполненного долга – перед наукой и перед следующими поколениями ученых. Нам всем есть чему у них поучиться. Мы посчитали правильным и честным завершить этот номер рубрикой «Памяти ученых», тем самым выразив уважение к нашим коллегам, которые совсем недавно были вместе с нами, которые писали статьи для наших журналов, которые поддерживали нас и щедро делились своим опытом.

Редакция журнала

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ ОРЛИК (04.11.1925–22.04.2020)

Игорь Иванович Орлик – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, ветеран Великой Отечественной войны.

Игорь Иванович родился в приднестровской деревне Колбасное Рыбницкого района Молдавской АССР в семье сельского учителя Ивана Фотиевича Орлика и медсестры Веры Иосифовны. Война застала Игоря Ивановича в городке Балта на севере Одесской области 15-летним подростком, только что окончившим 8-й класс. С августа 1941 г. по март 1944 г. он находился на оккупированной немецко-румынскими войсками территории, где сразу вошел в ряды подпольщиков и вместе с товарищами, в условиях жестокого террора и смертельной опасности, распространял листовки со сводками Совинформбюро, собирал оружие и боеприпасы, создавал опорные базы для вооруженной

борьбы с захватчиками. Руководство подполья доверило юному партизану выполнение одной из самых ответственных и опасных задач – быть связным Балтской подпольно-партизанской организации, одной из самых больших на Украине. В это же время Игорь Иванович вступил в истребительный батальон по уничтожению регулярно забрасываемых немецких диверсантов в г. Балта, принимал активное участие в подготовке и проведении ряда диверсионных операций.

После освобождения Балты в марте 1944 г. Советской Армией Игорь Иванович добровольно вступил в ее ряды и стал самым молодым солдатом 230-армейского стрелкового полка, входившего в состав 53-й армии 2-го Украинского фронта. Участвуя в тяжелых кровопролитных сражениях, он прошел с этим полком сотни километров по фронтовым дорогам Молдавии, Румынии, Венгрии и Чехословакии, а затем участвовал в разгроме японских милитаристов на Дальнем Востоке.

Фронтная закалка, умение побеждать помогали Игорю Ивановичу и в мирной жизни. Он всегда был на переднем крае – когда с блеском учился на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, который окончил в 1952 г., когда почти семь десятилетий трудился и занимал руководящие посты в институтах Академии наук – ФБОН (ныне ИНИОН), ИМЭМО, ИЭМСС, ИМЭПИ, Институте экономики. Огромный исследовательский и организаторский талант помогли ему сплачивать научные коллективы, создавать научные труды, посвященные сложным проблемам международной жизни. Он стал крупнейшим ученым, получившим широкое признание в нашей стране и за ее пределами благодаря своим исследованиям в области истории и внешней политики стран Центрально-Восточной Европы, их отношениям с Россией.

Игорь Иванович использовал свои знания не только для написания многочисленных научных трудов, но и для подготовки сотен специалистов в МГУ, МГИМО, РУДН, Дипломатической академии МИД РФ и других учебных заведениях страны.

Родина достойно оценила заслуги своего героического сына, отметив его высокими боевыми и трудовыми наградами – орденом «Отечественной войны II ст.», медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги», почетным знаком «Фронтовик», более чем 15-ю «Благодарностями Верховного главнокомандующего» за участие в ключевых фронтовых операциях, Орденом «Трудового Красного Знамени», званием «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», многими юбилейными медалями и грамотами. Но дорожке всего его сердцу всегда оставался «Партизанский билет № 9753».

ВАСИЛИЙ МАТВЕЕВИЧ ИВАНЧЕНКО
(09.05.1919–07.05.2020)

Василий Матвеевич Иванченко – доктор экономических наук, профессор, крупный специалист в области планирования и управления народным хозяйством страны, ветеран Великой Отечественной войны – ушел из жизни накануне празднования Дня Победы и своего 101-летия.

Василий Матвеевич Иванченко родился в с. Александрия, Могилевской области. До войны работал в Ленинграде на машиностроительном заводе им. М. Гельца в цехе производства артиллерийских снарядов. Имел бронь от призыва, но на третий день Великой Отечественной войны добровольно отказался от нее и ушел на фронт. Воевал во 2-ой дивизии Народного ополчения Ленинградского фронта на участке Кингисепп-Вырица, участвовал в отражении атак немецкого десанта.

После ранения и контузии в феврале 1942 г. он был отозван с фронта в Ленинград и демобилизован, согласно приказу Сталина № 100 о направлении специалистов по вооружению в оборонную промышленность. В феврале 1942 г. после трехмесячного голодания и дистрофии был вывезен по «Дороге жизни» из Ленинграда в Куйбышев. Наркоматом боеприпасов был направлен на авиазавод в г. Саратов, где военные объекты часто подвергались налетам немецкой авиации.

Василий Матвеевич в военные годы прошел путь от технолога до начальника цеха и ОТК. Награжден Орденом Великой Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Ленинграда» и другими государственными наградами.

«После войны я возглавил экономику Саратовского и Пензенского отделения. Потом Алексей Косыгин позвал меня в Москву в Госплан. А уже после я окончил МГУ им. М.В. Ломоносова и преподавал в Саратовском экономическом институте. В 1979 г. я стал замдиректора Института. Я также являюсь академиком Нью-Йоркской академии наук», – с гордостью рассказывал ветеран еще год назад – на свое 100-летие (из интервью В.М. 2019 года, к его 100-летию).

За годы работы Василий Матвеевич издал несколько книг по экономике: «XX век: реформы и планирование» в трех томах, «Планирование как исторический феномен жизнедеятельности человека и общества», «Экономика России в условиях конвергенции и глобализации» и другие.

А еще Василий Матвеевич очень любил поэзию. Он знал наизусть сонеты Шекспира, стихотворения Пушкина, Цветаевой, венгерских поэтов и других авторов, даже выпустил собственный сборник стихотворений.

И вот слова из последнего интервью Василия Матвеевича, которое он дал каналу RT (ru.rt.com/dhni) менее года назад в день празднования своего 100-летия: *«Сегодня я не буду загадывать желание. Не люблю это. Я лишь могу благодарить Бога за каждый прожитый день. Желать что-то еще мне не надо – у меня все есть, я очень счастливый человек. За всю свою жизнь я не ссорился ни с кем – даже с женой за 70 лет совместной жизни. Может быть, в этом секрет моего долголетия. Я всем желаю быть здоровыми и счастливыми, чтобы прожить не меньше, чем я».*

ГЕРМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВЛАСКИН (18.10.1934–01.05.2020)

Герман Александрович Власкин – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН. Он родился в 1934 г. и прошел большой трудовой путь, последовательно освоив профессии инженера, дипломатического работника, ученого-экономиста.

После окончания одного из лучших вузов страны – Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе – Герман Александрович с 1958 по 1966 г. работал в КБ Министерства радиопромышленности. Деловые качества и эрудиция молодого специалиста были замечены, и в 1966 г. его пригласили на должность эксперта Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике. В 1969–1973 гг. по линии этой организации Г.А. Власкин был командирован на должность второго секретаря Посольства СССР в Республике Болгария, где занимался вопросами научно-технического сотрудничества стран народной демократии.

В 1968 г. Герман Александрович поступил в аспирантуру Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР, по окончании которой защитил диссертацию на звание кандидата экономических наук. В 1973–1990 гг. он – ученый секретарь, зав. сектором, затем зав. отделом ИЭМСС АН СССР. В 1990–1996 гг. Г.А. Власкин снова на дипломатической работе – его назначили экономическим советником Посольства РФ в Софии. Вернувшись на Родину, он с 1996 по 1999 г. возглавлял московское представительство Болгаро-Российского инвестиционного банка.

С 2000 г. Герман Александрович -- ведущий научный сотрудник Института международных и политических исследований (ИМЭПИ) РАН (с 2005 г. – ИЭ РАН). Герман Александрович заслуженно стал

одним из ведущих ученых в области теории и практики управления научно-техническим прогрессом. Им опубликовано более 140 научных работ. В сфере его научных интересов: научно-техническая и инновационная политика; технологическая безопасность; развитие высокотехнологичного комплекса России, в том числе модернизация оборонно-промышленного комплекса; зарубежный опыт разработки и реализации научно-технологической и инновационной политики; развитие научно-технологического сотрудничества России с зарубежными странами; проблемы развития четвертой промышленной революции.